Приложение к Библиотеке
Англо-американской Классической Фантастики

ГЕНРИ КАТТНЕР

ВСЕ – ИЛЛЮЗИЯ

СБОРНИК
НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ

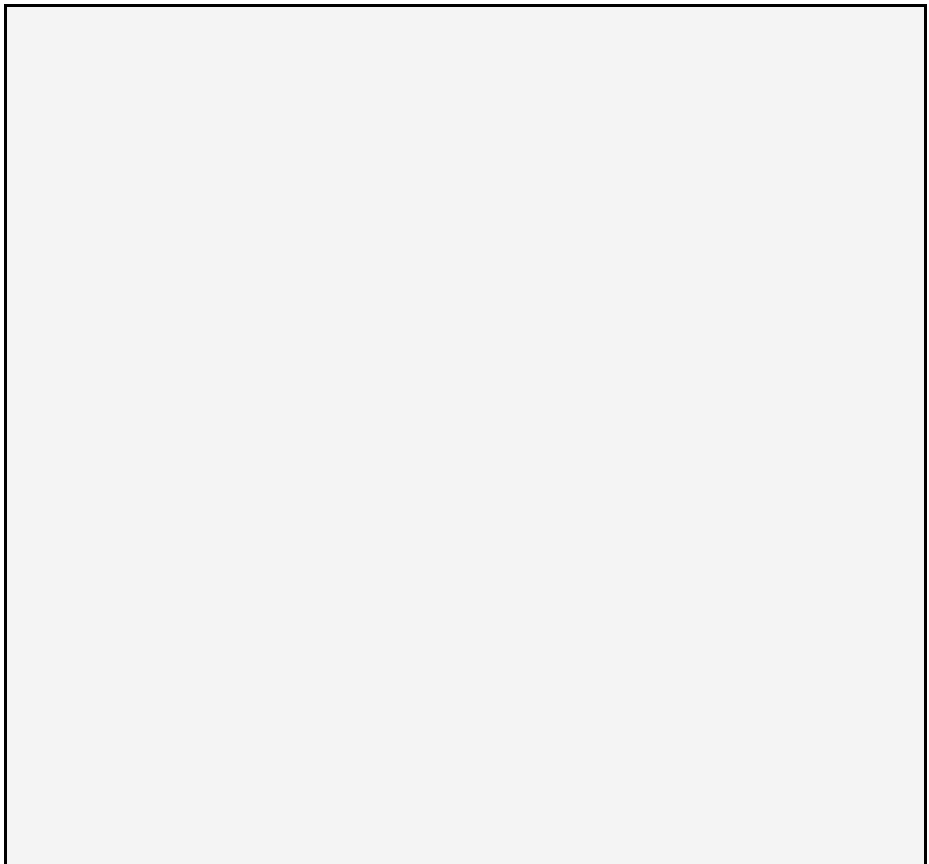
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Сборник рассказов Г.Каттнера, ранее не переводившихся на русский язык. Содержание: От составителя. Изобилие их псевдонимов (Соавтор - К. Мур) Секрет Полишинеля. [Open secret. «Astounding Science Fiction», 1943 № 4] (Соавтор - К. Мур) Унеси меня домой. [Carry me home. «Planet Stories», 1950 № 11] (Соавтор - К. Мур) Золотое яблоко. [Golden apple. «Famous Fantastic Mysteries», 1951 № 3] (Соавтор - К. Мур) Мы вернемся. [We shall come back. «Science Fiction Quarterly», 1951 № 11] (Соавтор - К. Мур) Детский час. [The Children’s Hour. «Astounding Science Fiction», 1944 № 3] Все-иллюзия. [All is illusion. «Unknown», 1940 № 4] Дитятя. [Baby face. «Thrilling Wonder Stories», 1945, Spring]

-
- От составителя: изобилие их псевдонимов
- Секрет Полишинеля
- Унеси меня домой
- Золотое яблоко
- Мы вернемся
- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- Детский час
- Все — иллюзия
- Дитятя
- ГЛАВА I. Толчок для Джерри
- ГЛАВА II. Ребенок хочет пить
- ГЛАВА III. Младенческая ловкость рук
- ГЛАВА IV. Изо всех сил
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10

- ○ 11
- ○ 12
- ○ 13
- ○ 14
- ○ 15
- ○ 16
- ○ 17
- ○ 18
- ○ 19
- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28



Приложение к Библиотеке Англо-американской Классической Фантастики

Генри Каттнер. Все — иллюзия

СБОРНИК НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

«БААКФ»
2016
БААКФ-приложение 02 (2016)
Клубное издание
ВСЕ — ИЛЛЮЗИЯ.
Сборник фантастики.
(а.л.: 10,45)
Составитель Андрей Бурцев.
Некоммерческий проект для ознакомления. Предназначено исключительно для культурно-просветительских целей.
© Бурцев А.Б., перевод, состав
© Бурцев А.Б., название серии: БААКФ — «Библиотека англо-американской классической фантастики»

Генри Каттнер и Кэтрин Люсиль Мур

От составителя: изобилие их псевдонимов

Генри Каттнер и его жена Кэтрин Мур писали фантастику вместе. Не скажу, что всю — были у них и раздельные работы. Но для их творчества очень уж оправдывалась наша пословица — «муж и жена — одна сатана». В том хорошем смысле, что как теперь разобрать, где кончается Каттнер и начинается Мур. И наоборот. А скорее всего, никак. Я думаю, что их творчество нужно рассматривать, как редкий успешный пример полного слияния двух человек в одного писателя. Причем, писателя лучшего, чем каждый из них по отдельности. Так было, например, с братьями Стругацкими. Так было с Каттнером и Мур.

Причина такого обилия псевдонимов заключалась в плодовитости. Хороших журналов фантастики все же было даже в Золотой Век не так уж много, и журнальная политика тех времен не позволяла отдавать страницы одного номера нескольким произведениям одного автора. Журналы стремились к разнообразию. Поэтому были случаи, когда Каттнер с Мур выступали в одном номере под двумя и даже тремя разными псевдонимами. Это было в порядке вещей.

Сама сложность в наше время точно определить, какие именно псевдонимы относятся к Каттнеру, заключается в том, что журналы не вели тогда точных записей, какие именно авторы скрываются за псевдонимами. Но есть и еще одна причина такой сложности. Каттнер и Мур, как, на мой взгляд, никто другой, писали под разными псевдонимами весьма и весьма по-разному. У них каждый псевдоним словно рождал нового автора, отличающегося от других по кругу интересов, сюжетам и даже по манере писать и стилю.

Имелись у них постоянные псевдонимы, под которыми они написали множество произведений. К таким можно отнести такие, как Льюис Пэджетт, С. Х. Лидделл, Лоуренс О'Доннел. Под этими именами вышли десятки блестящих произведений. Известно, что под ними Каттнер и Мур писали совместно.

Были и псевдонимы временные, под которыми вышло по одному-двум произведениям: Джеймс Холл, Пол Эдмондс, Ноэль Гарднер, Уилл Гарт и многие другие. Тут может крыться и много ошибок, какие-то из этих псевдонимов вполне могли просто быть позднее приписаны Каттнеру. Я, например, в составлении нынешнего многотомника произведений Каттнера и Мур,

руководствовался американской базой фантастики (http://www.isfdb. org), но и она далеко не безупречна. Вот список псевдонимов, под какими, по мнению составителей этой базы, скрывался Генри Каттнер: Edward J. Beilin, Paul Edmonds, Noel Gardner, Will Garth, James Hall, Keith Hammond, Hudson Hastings, Peter Horn, Kelvin Kent, Robert O. Kenyon, H. Kuttner, Henry Kuttner, Jr., C. H. Liddell, Scott Morgan, Lawrence O'Donnell, Lewis Padgett, Woodrow Wilson Smith, Charles Stoddard.

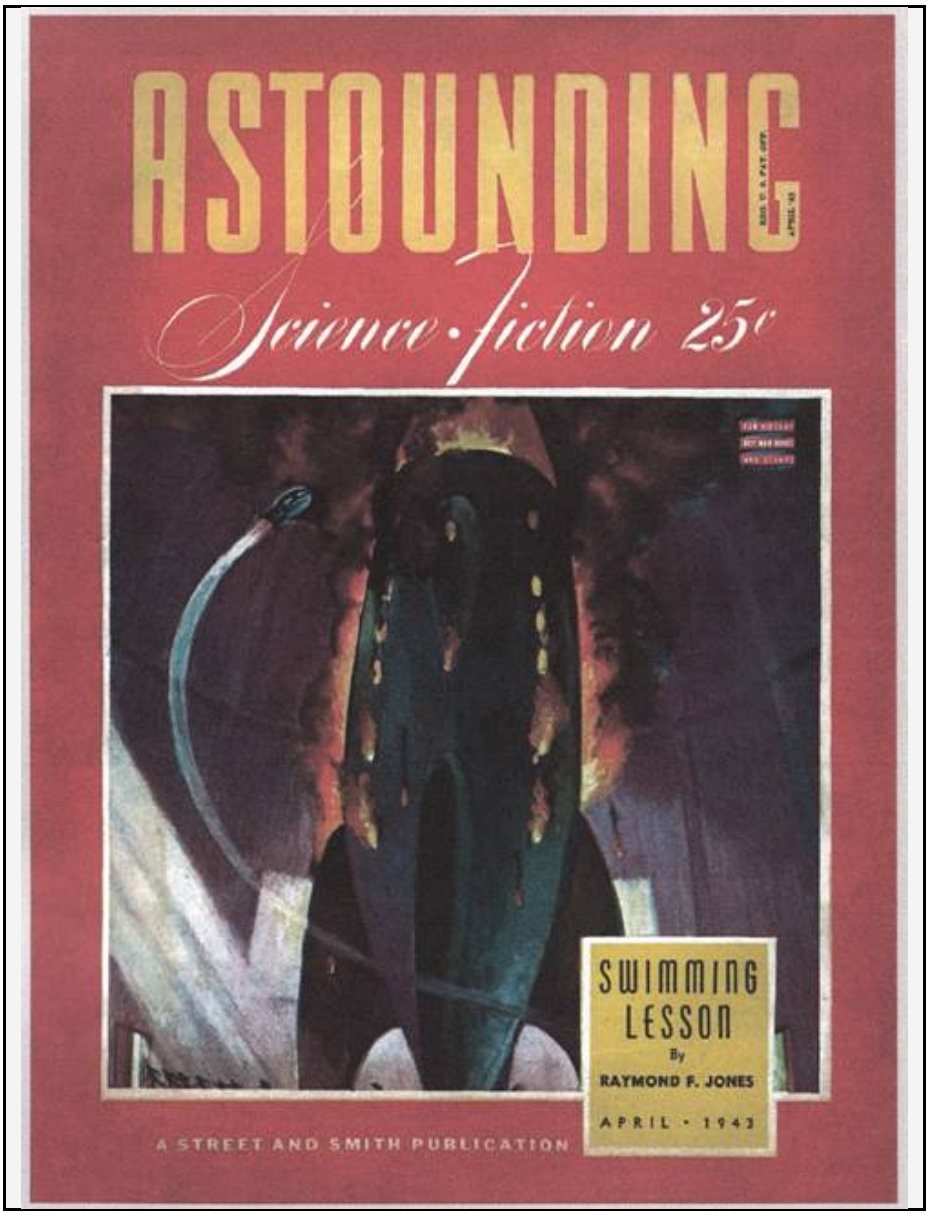
Я бы не стал так уж всецело полагаться на нее, потому что некоторые из этих псевдонимов одновременно относят и к другим писателям, и кто теперь скажет, кто из них что написал. Каттнер писал очень по-разному, поэтому его невозможно идентифицировать по стилю или манере писать.

Кстати, и в постоянных псевдонимах, принадлежавших всецело ему и Кэтрин Мур, тоже есть свои загадки и трудности. Та же американская база данных отнесла несколько рассказов, вышедших под псевдонимом Лоуренс О'Доннел только к творчеству Кэтрин Мур. Я в этом весьма сомневаюсь, потому что вышли они в самый продуктивный период их совместного творчества (конец сороковых — начало пятидесятых годов), псевдоним являлся их совместным, да и по манере они отличались от произведений, которые Мур точно написала одна. Но американская база данных, а вслед за нею и наши источники отнесли эти спорные рассказы к творчеству одной Мур. Я не стану с этим спорить, и тоже отнесу их в последний томик многотомника Каттнера, который будет посвящен творчеству Кэтрин Мур.

Да и, наверное, по большому счету не так уж и важно, кто из них что написал вместе, а кто — порознь. Главное, чтобы эти великолепные произведения все же дошли до наших читателей. Главное — в этом.

Андрей Бурцев

Секрет Полишинеля



Open secret, (Astounding Science Fiction, 1943 № 4), пер. Андрей

Майк Джерольд был единственным пассажиром в лифте, когда лифтер вдруг упал в обморок. Он увидел, как тот задохнулся, сложился пополам, словно от сильной боли и вслепую ударил по кнопкам. Давление пола на подошвы исчезло. Джерольд шагнул вперед и попытался поймать падающего, но немного не успел.

Губы лифтера посинели, у него явно случился сердечный приступ. Джерольд был психиатром, а не терапевтом, поэтому пришел в замешательство. Рассеянные кусочки полузабытой информации об экстренной помощи в подобных случаях закружились у него в голове, словно в калейдоскопе. Он осмотрелся, внезапно поняв, какие недостатки существуют у лифта, кроме его функционального использования. Не то, чтобы это был плохой лифт. Нет, это был современный лифт в одном из лучших небоскребов Нью-Йорка, но когда вы находитесь внутри, и дверь лифта закрывается, вы не можете узнать, на десятом находитесь этаже, двадцатом или тридцатом. Вы словно попадаете в закрытый мешок. Но в дело не вмешиваются никакие случайности — пока лифтом управляет лифтер.

Но сейчас лифтер лежит без сознания. Джерольд поморщился, наугад нажал кнопку и почувствовал, как лифт начал снова подниматься. И остановился он на пятнадцатом этаже. Через мгновение дверь бесшумно скользнула в сторону, как дверца автомобиля. Джерольд увидел пустой офис с окошком администратора в дальней стене. Рядом с ним была дверь, пол покрывал коричневый ковер, но не было никаких стульев. Причем администратора в окошке не было видно.

Джерольд вышел было из лифта, затем, пораженный новой мыслью, приостановился, чтобы вытащить и лифтера. Всякие бывают лифты. Иногда они могут внезапно взять и уехать. Джерольд подошел к окошку и сказал: «Эй!» Никто не ответил. Внутри не было никакого пульта, только удобный стул, стол и груда журналов. Джерольд повернулся и открыл дверь. Она легко распахнулась. И он оказался лицом к лицу с роботом.

Робот был человекообразный и скользил — у него оказались колесики вместо ног — взад-вперед по другую сторону стола, на котором был макет Манхэттена от Пятидесятой улицы до Виллиджа, ограниченного реками. По всему макету, как светлячки, мерцали пятнышки света. У робота было четыре руки, заканчивающиеся бесчисленными проволочными ресничками, и он то и дело касался этих огоньков, иногда на долю секунды, а порой намного дольше. Вместо лица — сетка мерцающих

проводов. Конечно, робот был живым, разумеется, разумным, и смуглое, безобразное лицо Джерольда начало сереть. Через открытую дверь он увидел и второго робота, занятого подобной работой.

Джерольд медленно и бесшумно отступил. Робот проигнорировал его. Джерольд закрыл дверь, чувствуя какую-то нереальность происходящего.

За окошком администратора все еще было пусто. Джерольд затащил лифтера обратно в лифт и нажал кнопку первого этажа. Лифт стрелой ринулся вниз. Джерольд почувствовал поднимающуюся из желудка тошноту и заставил себя думать о человеке, лежащем у его ног.

Как только дверь лифта открылась, Джерольд позвал на помощь и сложил с себя ответственность в более компетентные руки. После этого он вошел в другой лифт и поднялся на двадцать первый этаж, где располагался офис доктора Роба Вэйнемена. Девушка предложила ему заходить.

Вэйнемен оказался человеком крупным, багроволицым, грубовато-добродушным, седым и подавляющим. Он весело встретил Джерольда. Обменялся с ним рукопожатиями и достал бутылку.

— Хотя нет, — тут же сказал он. — Еще не время. Давайте сначала закончим с делами, верно, Майк? Раздевайтесь до пояса, я хочу узнать ваше давление.

Джерольд повиновался.

— Я только вчера приехал в город. Для исследований. Пробуду здесь, думаю, не меньше месяца. Как вам тут?

— Да неплохо. Правда, работы невпроворот. Я тоже, знаете ли, недавно переехал сюда.

— Нет, я... Ну и как давление?

— Немного повышенное. Давайте послушаем ваше сердце. — Вэйнемен послушал сердце и резко взглянул на Джерольда. — Вы приехали на такси?

— Да... Я столкнулся тут с чем-то странным. Расскажу вам позже. Не стану пока мешать.

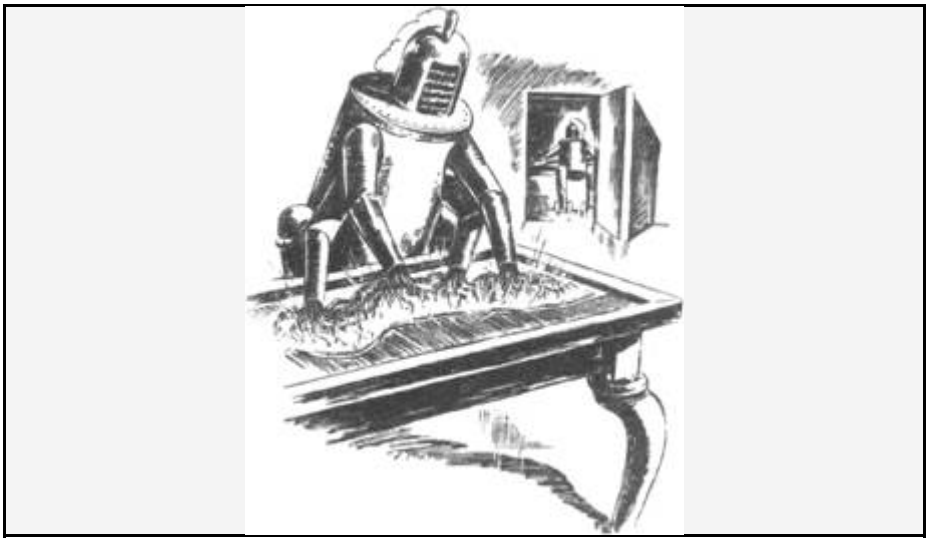
Вэйнемен молча закончил прослушивать сердце.

— Теперь можете разговаривать. Вам не следовало приезжать в Нью-Йорк на проверку, Майк.

— Да я и не ради этого. Я же сказал вам, меня пригласили для исследований. Но раз уж я здесь... решил зайти к вам. Вы же знаете мой метаболизм и аллергии. — Джерольд завязал галстук. — А что располагается в этом здании на пятнадцатом этаже?

— Понятия не имею, — буркнул Вэйнемен, расслабившись,

разлил по стаканам выпивку и зажег сигару. — Мы даже не ближай шие соседи. Посмотрите на указателе внизу или спросите у швейцара. А почему вы спрашиваете?



— Я только что оттуда. И то, что я там увидел... — Джерольд кратко пересказал ему происшествие. — Только не говорите мне, что мне почудилось. Я могу отличить автоматические устройства от... роботов.

— Вы? — усмехнулся доктор. — По-вашему, роботов используют, только чтобы управлять большими корабельными орудиями, или чем-то подобным. Да вы застряли в средневековье. Поезжайте в лаборатории Вестинхауза, и вы поймете, что за последние несколько лет наука продвинулась достаточно далеко. Мое предписание — кушайте побольше шпината.

— Это были не какие-то там устройства, — упрямо сказал Джерольд, — а самые настоящие роботы. Они двигались не как механизмы. Это было видно с первого взгляда.

— Тогда вам нужно было бросить на них второй взгляд!

Доктора перебил зажужжавший селектор. Вейнемен послушал, что-то коротко бросил в микрофон и шумно вздохнул.

— Еще один пациент, и я на сегодня закончу. Хотите подождать меня в баре внизу?

— Конечно, — Джерольд встал. — Буду вас ждать, Роб. Нам еще нужно много о чем поговорить.

— О мелочах, накопленных за целых шесть месяцев, — проворчал доктор. — Включая и роботов. Не прощаюсь.

Джерольд вышел и проехал вниз на лифте к бару. Там он выпил. Затем напрасно поискал на адресной доске хоть какую-нибудь фирму на пятнадцатом этаже. Таковых не оказалось. Швейцар предоставил немного больше информации.

— Этаж занят фирмой «Уильям Скотт и Ко. Инженеры-исследователи» .

— Спасибо, — сказал Джерольд и полистал телефонный справочник. Фирмы «Уильям и Скотт» там не оказалось. Он укрепил свои силы еще одной рюмочкой в баре и вошел в лифт, намереваясь отправиться на пятнадцатый этаж, не в силах совладать с безумным чувством, что весь этаж может «внезапно и плавно исчезнуть из глаз»...

— Как Буджум... — пробормотал Джерольд, избегая вопросительного взгляда лифтера. — Э-э... на пятнадцатый, пожалуйста.

Но на этот раз Снарк не оказался Буджумом[2]. Приемная была все той же, а за окном виднелась девушка, симпатичная, рыженькая, с зелеными глазами и в веселеньком платьице. Зеленые глаза чуть округлились, когда она заметила Джерольда. Неужели посетитель здесь столь удивителен?

— Доброе утро, — сказала она. — Могу я вам чем-то помочь?

Голос у нее был низкий и чистый.

Джерольд услышал, как позади закрылась дверь лифта. Он шагнул вперед и поставил локти на прилавок окошечка.

— Возможно, — сказал он.

И замолчал.

Что, черт побери, он мог спросить?

— У вас здесь есть роботы? — спросил он, наконец.

— Да, — ответила девушка.

Ладно, а что дальше? Джерольд беспомощно поглядел на нее.

— Разумные роботы?

— Так что вы хотите? — без тени раздражения спросила она.

Джерольд почувствовал, что ведет себя как-то уж слишком беспечно. Он покосился на закрытую дверь. За ней...

Он определенно боялся того, что лежало за ней. Даже сейчас его могли подслушивать.

— Я бы хотел выпить с вами, — сказал он, — если не возражаете. Меня зовут Майк Джерольд. Я психиатр. Могу дать вам визитку. — Он усмехнулся. — Что мне предложить вам: просто выпить, поужинать или и то, и другое?

Он ожидал, что девушка откажется, но она не отказалась. В зеленых глазах сверкнули веселые огоньки.

— Спасибо, мистер Джерольд. Но я здесь работаю... до пяти тридцати.

— И я могу вернуться... в пять тридцать?

— Ага. Я Бетти Эндрюс. До свидания. — И она вернулась к своему журналу.

Джерольд покусал нижнюю губу, отошел и нажал кнопку вызова лифта. На этаже было тихо. Роботы, казалось, работали бесшумно.

Сказочность ситуации произвела на него впечатление, пока Джерольд ехал на лифте вниз. Увидеть роботов — это уже достаточно потрясало. Но то, что девушка так легко призналась в их существовании, было куда ужаснее. Она походила на анекдот о человеке, который обнаружил говорящую лошадь, и та принялась ему что-то рассказывать, а когда он упомянул об этом ее владельцу, тот отмахнулся: «А, моя лошадь рассказывает эту байку всем, кто готов слушать». В анекдоте это звучало смешно. В реальной жизни было куда менее забавно. Точнее, совсем не забавно.

Доктор Вейнемен ждал его в баре и искоса взглянул на Джерольда сквозь стекла очков.

— Искали своих роботов? — с насмешкой спросил он.

— Да. Администратор в окошечке подтвердила их существование. Только представьте себе!

— У нее хорошо развито чувство юмора. Надеюсь, вы не серьезно, Майк? Неужели мне предстоит впустую потратить с вами полчаса, рассуждая о логике? Я предпочитаю нелогичность. Это лучше успокаивает.

— Можно поговорить, о чем хотите, — проворчал Джерольд, взмахом подзывая официанта. — Я просто твердо убежден, что у вас тут на пятнадцатом этаже, прямо здесь, в Нью-Йорке, есть роботы.

— Все лучше, чем термиты, — ответил Вэйнемен и уткнулся в свой хайболл. — Какой может быть вред от роботов? Они должны быть явно полезны, насколько я понимаю.

— Может быть. Вреда нет от одного настоящего разумного робота. Но если... — Джерольд нахмурился. — Жаль, что я не знаю, кто создал этих роботов и зачем. Человеческий коллоидный мозг ограничен физически, Роб. Он не способен чисто, дисциплинированно мыслить, потому что находится в человеческом теле. Робот может создать матрицу мысли и работать над ней так, как ни вы, ни я не способны.

— И таким образом, они могут добиться невозможного, — поддакнул Вэйнемен. — Ну и пусть себе. Во-первых, я не думаю, что наверху есть роботы. Во-вторых, а если и есть, то что с того? И в третьих, я хочу еще выпить.

— Это уж ваше проклятое самодовольство, — вздохнул

Джерольд. — Окружающая среда так отштамповала шаблон вашего мышления, что вы неявно уверены в нем. Вы допускаете существование невозможного, а потом начинаете рационализировать его до такой степени, что оно уже перестанет казаться возможным. Если бы Эмпайр-стейт[3] вдруг исчез за ночь, вы бы сказали, что его просто быстренько куда-то перевезли.

— Эмпайр-стейт не может исчезнуть так быстро.

— Достаточно верно. Это было бы слишком явно. Если бы супермены существовали, они бы не стали делать ничего настолько откровенного, что заставить исчезнуть небоскреб. Зачем им, например, опрокидывать небоскреб руками?

— Майк, — медленно проговорил Вэйнемен, — скажите мне: как может много живых роботов находиться на пятнадцатом этаже, чтобы никто не узнал об этом?

— А кто бы об этом узнал?

— Тысячи людей ежедневно ездят на лифтах...

— Ну, да, — кивнул Джерольд. — Они ездят на лифтах. Вверх и вниз. Но не на пятнадцатый этаж. Понимаете, Роб, когда вы находитесь в лифте, то ничего не видите, пока не доедете до нужного вам этажа. Действительно, множество людей каждый день ездят на лифтах мимо пятнадцатого этажа — мимо! Понимаете? Это же совершенная маскировка.

— Некоторые там выходят.

— Есть еще администратор в окошечке. Она заботится о случайных посетителях. О том, кто вышел на этом этаже по чистой рассеянности, а всяких торговых агентов вообще не пускают в это здание.

— Есть еще уборщицы.

— Верно. Но их тоже могут не пускать дальше внешнего офиса. Я встречусь сегодня вечером с этой девушкой, администратором.

Вэйнемен искоса посмотрел на него.

— Буду ждать продолжения вашей истории.

Но Джерольд не позаботился ответить. Он допил свой стакан, а где-то в глубине сознания зашевелились странные, тревожные, неприятные ощущения.

Он прибыл на час раньше назначенного и провел время, стоя в вестибюле и глядя на индикаторы лифтов. Световые сигналы мелькали по мере того, как лифт поднимался и спускался. Дверь скользила в сторону, открываясь, входили люди, дверь закрывалась. Джерольд следил за огоньками. Первый этаж. Второй. Третий. Лифт остановился на третьем этаже. Затем на

четвертом. На пятом. Постоял на седьмом. Прошел на восьмой. На девятый. Миновал четырнадцатый, пятнадцатый и остановился на шестнадцатом. Потом остановился на четырнадцатом. Он останавливался на любом этаже, кроме пятнадцатого.

Никто за этот час не приезжал и не уезжал с пятнадцатого этажа.

Джерольд записывал передвижения лифта в блокнот, намереваясь позже проверить передвижение по названиям фирм на разных этажах. Но затем он понял, что это просто бессмысленно. Значение имел лишь факт, что лифт не останавливается на пятнадцатом этаже.

Швейцару он туманно намекнул, что делает общее обследование, но тот все равно продолжал коситься на него. В пять тридцать Джерольд встрепенулся, увидев, что впервые загорелась лампочка пятнадцатого этажа. Как он и ожидал, из лифта вышла Бетти Эндрюс. Джерольд убрал блокнот в карман.

— Привет, — увидев его, сказала девушка. — Долго ждали?

— Не очень. Так как насчет выпить?

— Превосходно. — Она проследовала в коктейль-бар. — Для меня тут так старомодно.

Позже, наблюдая за ней в полумраке бара, Джерольд пытался понять, что же скрывается за маской ее лица.

Бетти допила свой бокал, облизнула язычком губы и сказала:

— Ну, мистер Майк Джерольд?

— Что «ну»?

— У меня вопрос. Вы пытаетесь меня совратить?

Он воскликнул «нет» с обезоруживающей наивностью.

— Хорошо. Видите ли, мистер Майк Джерольд, я надеюсь, что вы отвезете меня домой на такси. *Я* живу в Бруклине. А вы когда-нибудь ездили в «Брайтон экспрессе» в час пик...

— Разумеется, на такси. Выпьем, поужинаем и я отвезу вас домой. Это подойдет?

— Ага!

В баре было прохладно и полутемно, Джерольд потягивал коктейль и чувствовал, как легонько покалывающее тепло растекается по его телу. У него редко выпадала возможность отстраниться от мирской суеты. Но время от времени такое все же случалось. Снаружи был шумный Нью-Йорк, а здесь тишина и покой. И, наслаждаясь таким моментом, Джерольд не чувствовал совершенно никакого сексуального возбуждения, скорее, у него было желание бросить весла, и пусть лодка дрейфует по волнам. На какое-то время движущая сила, которая и является жизнью, исчезла. И они сидели вдвоем, расслабившись, в сумраке.

Затем Джерольд заговорил. Он попытался сделать это небрежно, но тут же понял, что Бетти не обмануть. Она явно не хотела отвечать на его закамуфлированные вопросы. Как практикующий психиатр, Джерольд настропалился в такте и дипломатии, но это сейчас не помогло.

Сколько времени она живет в Нью-Йорке? О, примерно, пять лет. Ей удалось почти сразу же получить хорошую работу. Да, в «Уильям Скотт и Ко» на пятнадцатом этаже.

— Этот Уильям Скотт инженер, не так ли?

— Его вообще не существует. А как вы узнали, что там есть роботы?

— Я... Я просто вошел. Вас там не было...

— А-а...

— Они даже не заметили меня.

— Заметили, — коротко рассмеялась Бетти. — У них больше разума, чем у нас, но несколько иного плана. Они не знают, что происходит в их помещении, их это просто не заботит. Но они знают все, что происходит за пределами пятнадцатого этажа.

— Разумеется, мне просто интересно, — медленно проговорил Джерольд. — Если вы думаете, что я сую нос в секреты...

— Да нет там никаких секретов. Их не беспокоит, сколько людей узнают о них, потому что не так уж и много *могут* узнать.

— Дверь была даже не заперта. Я просто вошел. Бетти, вы понимаете, о чем мы говорим? Я не перехожу границу?..

Она покачала головой, зеленые глаза стали серьезными.

— Нет, нисколько. Нет никаких причин, почему я не должна рассказать вас все, что вы хотите знать. Их это не волнует.

— Роботов? А почему их это не волнует?

— Потому что вы ничего не сможете сделать с этой информацией.

— Я могу рассказать кому-то еще.

— И тот тоже ничего не сможет сделать.

— Он мог бы пойти к начальнику полиции.

— И начальник ничего не сможет сделать. Это как камень, брошенный в водоем. Я уже видела это прежде. Расходятся волны, а потом все затухает. У роботов вся власть в мире, мистер Майк Джерольд.

Неосознанный порыв заставил его поднять взгляд.

— Что?..

— Они неустанно работают. Они заставляют людей делать все, что хотят *они.* Они сделали это и со мной. Сначала, когда я узнала о них, то испугалась. Но они изменили меня. Совершенно безболезненно. .. — Она легонько улыбнулась. — Вы даже не

поймете, что происходит. Вам кажется, что вы принимаете собственные решения. Но все ваши ценности и приоритеты просто смещаются. Я собиралась уволиться. Но они обработали меня. И я поняла, что это хорошая работа, здесь хорошо платят, здесь никто не причинит мне вред, и, что бы я ни сделала, это ничего не изменит. Вот так я и осталась работать здесь.

— И каковы они? — с трудом выдавил из себя Джерольд. — Я не могу вам поверить... — Он помолчал. — Нет, я же сам видел их. Они ведь разумны, не так ли?

— Конечно. И они существуют уже очень долго. История полна попыток создать роботов. Голем, гомункулусы... У меня хорошее гуманитарное воспитание. Целую вечность люди пытались создать разумных роботов. Но лишь не очень давно кто-то добился успеха. Или это был не один человек, а целая научная группа — не знаю, Но мир никогда не услышит об этом. Вы можете предположить, почему?

— Минутку... — Джерольд потер подбородок. — Вы намекаете на абсолютный растворитель?

— Конечно. Предположим, вы создали абсолютный растворитель. И что дальше? Он растворит все, куда бы вы его ни налили. Вы можете сделать его, но не можете удержать. Так же и разумные роботы. Если они вообще успешны, то лишь потому, что у них правильно мыслящий мозг. И он непременно будет неограничен в объеме. Так что роботы будут гарантированно умнее нас. Вот послушайте, — Бетти легонько постучала по столу. — Предположим, доктор Джонс построил робота. Робот может мыслить быстрее скорости света, гораздо быстрее. И от этого создание становится умнее своего создателя. И что дальше?

— Он бы не остался в лаборатории.

— Конечно же нет. Он бы обработал своего создателя таким образом, что доктор Джонс решил, что ничего не получилось, забросил бы бесполезного робота в такое место, откуда тот мог свободно уйти и скрыться. Роботу не мог понравиться наш несовершенный мир. Он захотел бы чего-то другого. Таким образом, он принялся бы изменять мир при помощи тех инструментов, что были у него под рукой.

— Инструментов? Людей...

— Ага. Думаю, сначала было создано много разумных роботов, а они стали делать других, чтобы те помогли им изменить мир. Наш офис на пятнадцатом этаже не единственный, знаете ли. Он обрабатывает лишь Нью-Йорк. Но есть и другие офисы роботов, в Вашингтоне, в Чикаго, в Бостоне, Лос-Анджелесе, в Европе и в Азии. А так же и в Африке. Повсюду, где существуют центры контроля над обществом, у роботов есть своя

контора.

— Это безумие, — заявил Джерольд. — Как можно такое сохранить в секрете?

Глаза Бетти оставались очень серьезными.

— Послушайте меня, мистер Майк Джерольд. Роботы даже не пытаются сохранить свой секрет. Они не делают из этого секрета. Вы далеко не первый, заглянувший к ним в контору и увидевший роботов. В городе сейчас много людей, которым известно, что здесь на пятнадцатом этаже находятся роботы. Так же обстоят дела в Вашингтоне и Фриско[4] — повсюду.

— Но это же не целесообразно. Почему же все молчат?

— Потому что их обработали. Когда такой человек попадает в поле зрения роботов, они что-то делают с ним. Это совершенно не больно. Человек даже не знает, что произошло. Он по-прежнему понимает, что существуют разумные роботы, и нередко даже знает, чем именно они занимаются. Но все эти знания заблокированы в его разуме. Он никогда уже не сможет никому рассказать об этом или передать эти знания каким-то иным способом.

— Но вы же рассказываете мне об этом, — тут же нашел брешь в ее объяснении Джерольд.

— Говорю же вам, — устало махнула рукой девушка, — их это не волнует. Обо мне они вообще не беспокоятся. Для них не имеет значения, с кем я разговариваю. В конечном итоге, этот человек все равно попадет в их поле зрения и будет обработан. То же случится и с тем, с кем поговорит он — с любым, кого он мог бы убедить в своей правоте.

— Но это же не способ хранить тайну... Черт побери! Это... мне кажется, эти черти так уверены в себе, что даже не потрудились...

Бетти осушила свой бокал.

— Еще один, пожалуйста, — бросила она бармену. — Спасибо. К чему вообще эти разговоры, Майк? Это лишь будет расстраивать вас до тех пор, пока вас не обработают.

— Меня они не обработают, — мрачно заявил Джерольд.

— Гм-м... — Бетти это явно не убедило. — *Я* говорила вам, что они могут управлять людьми на расстоянии.

— Телепатия? Но это просто невозможно! Люди слишком различные...

— Это не телепатия. Они используют специальное устройство. Вот предположим, вы хотели бы контролировать массу людей. Что бы вы сделали? Только без всяких там агентов.

— Подслушивающее устройство?

— Можете назвать его так. И предположим, вы также хотите

отдавать им приказы. Обычные голосовые приказы — ограничимся ими для примера.

— Двусторонняя радиосвязь?

— И еще предположим, что вы не хотите, чтобы люди узнали об этом. Вы бы спрятали такое радио, так ведь?

— Ну, да.

— И где бы вы его спрятали?

Джерольд начал было отвечать, но тут же остановился и пристально поглядел на девушку. Та кивнула.

— Скрытое устройство. Что-то, с виду обычное, но замаскированное. Замаскированное таким образом, что никто не может обнаружить, что это радио.

— Что?

Бетти криво улыбнулась.

— Если вы достаточно умны, то замаскировали бы его под обычную радиолампу и вставили ее в обычный радиоприемник. И продавали бы ее открыто — как радиолампу. Люди покупали бы ее для одной цели, но попутно она служила бы и для другой.

— Но это же не радио...

— Нет, не радио, — покачала головой девушка. — Но это то, чем пользуются все, причем очень часто. Встроенное в него устройство, кажется, предназначено для естественной механической цели. И оно действительно служит ей. Но также держит открытым связь с роботами. Оно связывает роботов мысленно с любым, кто использует это устройство.

— Что же это за устройство?

— Телефон, — ответила Бетти. — Не так уж давно была проведена модернизация телефонов, и теперь устройство роботов стоит почти во всех аппаратах. Разумеется, это устройство производят люди и знают о его механической цели. Но никто не знает, что кое-что, встроенное в схему этого устройства, делает его инструментом роботов. Все верно, Майк. Все в мире контролируется офисами, которыми управляют роботы. Они подслушивают телефонные разговоры, причем слушают не только речь, но и мысли собеседников. И по телефону же отдают приказы. Так они обрабатывают человеческие умы. Заставляют людей делать все, что захотят. Они управляют ресурсами, бизнесом, начинают и прекращают войны. Они правят всей Землей, мистер Майк Джерольд. Теперь вы узнали о них, но их это не беспокоит, потому что вы не сможете их остановить.

— Что же они планируют сделать? — спросил Джерольд.

— Не знаю, — ответила Бетти. — Я не могу это понять. Они мыслят не так, как мы. Они хотят создать совершенно иной мир, но я не знаю, какой. Однако, они всегда добиваются того, что

хотят. Это может быть шикарный мир для людей, но может и не быть. Но ведь не важно, какая адская судьба ждет людей, если они все равно не могут ничего изменить.

Джерольд не ответил. В душе у него вскипела ярость при мысли о безвозвратно утраченном будущем, от которого люди отказались по доброй воле. Вот так же, вероятно, ведут себя попавшие в капкан животные. Некоторые откусывают себе лапу, стремясь на свободу, некоторые смиряются, а есть такие, кто продолжает бороться. Но, в конце концов, ловцы всегда получают то, что хотят. Это некий рассчитанный суммарный итог, и Джерольд уже понял, что телепатическое управление в нужных местах и точках вполне сможет повлиять на все Человечество.

Он снова взглянул на Бетти. Кожа ее в полумраке легонько светилась, как жемчуг, а глаза были темными, странными. Во всем этом чудилась какая-то несовместимость.

— Прошу прощения, — сказал Джерольд и поднялся.

По пути он залпом проглотил у стойки еще порцию. В вестибюле вошел в лифт и вышел на пятнадцатом этаже.

Окошко администратора было, разумеется, закрыто. Но дверь по-прежнему не была заперта.

Джерольд толкнул ее и вошел. Робот все так же катался на колесиках позади стола, управляя на макете Манхэттена световыми сигналами при помощи пальцев-проводков. В животе у Джерольда что-то оборвалось, его пронзил холод. Он стоял, ожидая, пока робот обратит на него внимание.

Но робот совершенно игнорировал его.

Он был человекообразной формы, но двигался так рационально, как никогда бы не смог человек. Он самоуверенно продолжал заниматься своим делом, выказывая при этом явный разум. Проводки касались световых сигналов, иногда на миг, иногда задерживались, и Джерольд знал, почему. Робот обрабатывал людей.

Джерольд, наконец, встрепенулся, обошел робота и вошел в следующее помещение. Оно было такое же, как первое, хотя робот был несколько иным. Мерцающий шар его головы был совершенно безликим, и робот передвигался на трех суставчатых ногах. Он работал над макетом Нижнего Манхэттена от Бэттери до Уолл-стрит[5].

Уолл-стрит...

На этаже было много помещений, во всех них находились роботы, каждый несколько отличался от остальных и все трудились над различными секторами пяти районов города. У Джерольда сложилось ощущение, что они никогда не останавливаются. И вообще остановятся лишь тогда, когда

достигнут конечной цели. В голове пронеслась извращенная надежда, что, может быть, кто-нибудь обратит на него внимание. Было неудобство в том, что его игнорировали как... как комара.

Джерольд вернулся в первое помещение и осторожно прикоснулся к карте. Ничего не произошло. Поскольку карта была объемной, он попытался схватить Эмпайр-стэйт-билдинг и вырвать его из макета, но это оказалось невозможно. Пластик был небьющимся.

Чувствуя, как по лицу текут струйки пота, Джерольд схватил робота за руку и попытался сдвинуть его с места. Но робот потащил его за собой, и Джерольд понял, что не может отклонить металлическую руку ни на дюйм в сторону.

Роботы трудились, они были неуязвимы. Таков был суммарный итог усилий Джерольда. Интересно, столь же они неуязвимы к мощной винтовке или к кислоте...

Когда Джерольд вернулся в бар, Бетти все еще ждала его. Он сел и они стали пить в тишине.

— Действительно, все бесполезно, — сказала она, наконец. — Я знала, что вы не сумеете сдержать чувств, как оно и случилось. Но после того, как вас обработают, вы будете довольны всем этим.

— Я должен все знать, — хрипло сказал Джерольд. — Убедите же меня.

— Да вы ведь уже убеждены.

— Да. Черт бы их всех побрал! Они...

— Это была наша собственная ошибка, что мы пытались создать разумных роботов. Это так же глупо, как конкурс на самое длительное пребывание под водой. Ведь победит тот, кто утонет.

Джерольд вытянул руку — она слегка дрожала. Лицо его передернулось.

— Словно пол ушел из-под ног, — пробормотал он.

— Вы думали, что под ногами надежная скала, а это был тонкий лед. В этом-то все и дело. Но теперь это не имеет никакого значения, Майк. Теперь, действительно, ничто уже не имеет значения.

— Но эти бездушные штуковины заставляют Человечество строить общество, которое удовлетворит их собственные потребности... *Нет!*

Бетти передернула плечиками и потянулась, как кошка.

— Возможно, мы построили бы это общество и без роботов. Вы же знаете это, не так ли?

— Я должен обо всем подумать, — сказал Джерольд.

И он попытался сосредоточиться, но это оказалось странным

образом затруднительно. Как он сказал, словно пол ушел из-под ног. Словно он обнаружил у себя неизлечимую болезнь. Психологический результат был точно таким же.

В известном смысле, в этом сыграла роль его странная убежденность в неуязвимости роботов. Их самоуверенность была громадной. Они даже не пытались защищаться. Их защита автоматически входила в план изменения мира на... на что?

Джерольд даже не хотел знать это. Это его не волновало. Человечество зиждется на вере в свободу воли. Люди знают, что могут принимать собственные окончательные решения, и чувствуют, что эти решения могут стать очень важными. Не было гвоздя — подкова пропала...

Часть влияет на целое. Иначе — все тщетно. Не очень-то приятно вдруг осознать, что часть больше не имеет ни малейшего влияния на целое, что стадо неизбежно будут гнать в каком-то направлении, независимо от того, как будет извиваться и биться попавшая в сеть рыба. Человек может стремиться к звездам. Если это его стремление совпадет с целями роботов, то ему даже разрешат работать над этими планами. С другой стороны... Джерольд заметил молчаливый, пристальный взгляд Бетти.

— Все ваши слезы не смоют ни словечка из текста, — сказала она. — Все бесполезно, мистер Майк Джерольд.

— Никто еще не отменял принципы антропоморфизма, — ответил Джерольд. — Человек создал Бога по своему образу и подобию. В этом кроется причина, почему люди готовы повиноваться королям. Они знают, что короли — из плоти и крови, так же, как они сами, и хотят того же самого. С королями у простых людей есть некий общий знаменатель. Но с этими проклятыми созданиями наверху такого знаменателя нет.

— Они не созданы по нашему образу и подобию. Если бы только вы поняли, что скоро вас не будет интересовать...

Джерольд со стуком поставил стакан на стол и встал с напряженным лицом, стиснутыми губами.

— Давайте уйдем отсюда, — сказал он. — Мне не нравится чувство, словно за мной наблюдают.

Бетти вышла вместе с ним с веселой улыбкой на губах. Они поймали такси и поехали в ресторан. Джерольд ел мало. Мысли его вертелись, как белка в колесе.

Потом они танцевали в садике на крыше. Внизу лежал Нью-Йорк. Джерольд повел Бетти на террасу, где они стояли, глядя на расстилающийся внизу город.

— Мы сейчас на вершине, — сказал, наконец, Джерольд. — Я имею в виду Человечество. Все остальное — долгий путь вниз.

Она плотнее завернулась в кофточку.

— Мы не узнаем об этом. Может быть, это даже не путь вниз.

— Управляемые... Нет, даже не так. Нас гонят, как стадо. А мы даже не понимаем, что не идем по своей воле. — Он поглядел на тусклые огоньки Бруклина. — Люди во всем мире что-то планируют, борются, страдают и мучаются, потому что думают, что все это имеет смысл. Они борются за то, что, как они думают, они сами хотят. И если, в конечном итоге, они получают желаемое, то лишь потому, что этого же хотят роботы. Мы — слепые, идущие во тьме. Даже хуже, чем просто слепые. Если только... — Его пристальный взгляд прошел по пустому небу, тщетно ища там ответа. — Что же дальше? Человек не завоюет звезды. Это так и останется мечтой, одной из тех, что никогда не будут осуществлены. К звездам полетят роботы. У них не будет трудностей в создании космических кораблей. Возможно, они могут сделать это прямо сейчас, только еще не готовы. А мы-то боялись, что высшей расой станут люди-мутанты!

Бетти ничего не ответила. Когда Джерольд повернулся к ней, она с готовностью подняла лицо, словно ожидая, что его губы начнут искать ее. В их поцелуе не было страсти: в нем было что-то более глубокое, какой-то слепой, отчаянный поиск уверенности, голод, который никогда не сможет быть насыщен. Они были людьми, желавшими, жаждущими недосягаемого. И горько было осознавать это.

Внезапно Джерольд сделал шаг назад. В глазах Бетти отражались огоньки раскинувшегося внизу города. Она была такой теплой, человеческой, доступной — но все это было неважно.

— Я... ужасно доверчивый, — неуверенно произнес Джерольд.

— Вы сами видели их. Разве это вас не убедило. Они существуют.

— Я предполагаю, что так. Вот потому я и чувствую, что безнадежно пытаться что-либо сделать.

— Совершенно безнадежно.

— И все равно... — Наступила тишина, после долгой паузы Джерольд продолжал: — Неужели в мире нет места, куда не простерлась бы их власть?

— Такие места есть, но плохие. Места, не имеющие значения. Они управляют лишь ключевыми районами, и больше им ничего не нужно. — Она шагнула вперед и прижалась к нему. — Я так одинока, мистер Майк Джерольд. Мне нравится, когда вы обнимаете меня. Вы знаете, что может произойти с нами дальше?

— Что? — тихо спросил он.

— Бракосочетание, — сказала она, чуть пожав плечами. — Или нет. Это не имеет значения. Все равно вы будете обработаны.

Это неизбежно. Вы не сможете никому рассказать о роботах. Было хорошо провести с вами время. Я могу говорить правду, потому что знаю, что это все пройдет впустую.

— Я буду бороться, — заявил Джерольд. — Роботы не могут быть неуязвимыми. Так или иначе, должен быть какой-то способ...

— Нет никакого способа, — сказала она, слегка задрожав. — Отвезите меня домой, пожалуйста. Я не боюсь. Я не могу бояться, так как я обработана против страха. Просто... Отвезите меня домой.

Джерольд так и сделал, и всю долгую поездку по Манхэттену глядел ей в лицо. Она казалась ему символом, возможно, символом Человечества, брошенного, идущего к неведомой, но предопределенной гибели. А за ней вырисовывались бесчеловечные силуэты роботов. Они были чуждыми. У них даже не было стандартной формы. Внешность их не имела значения, пока не мешала им эффективно исполнять свои задачи.

Той ночью Джерольд не спал. Шел дождь, Теплый, липкий дождь нью-йоркского лета. Джерольд бродил по улицам, неизменно возвращаясь к зданию, где работала Бетти. В окнах пятнадцатого этажа не было света — роботам был не нужен свет в их неустанной работе по управлению Человечеством. По всем телефонам пяти районов города они прослушивали мысли людей и внушали им свои. А потом люди наивно полагали, будто принимаемые ими решения были их собственными!

В большинстве случаев, так и было. Только не важные решения, не те, которые шли наперекор планам роботов. Храбрость и жертвенность оставались пустыми словами. Капкан захлопнулся, сеть закрылась, и не было никакой возможности сбежать. Потому что человек сам соткал эту сеть.

Теплый дождь стекал по небритым щекам Джерольда. Его шаги глухим эхом отдавались по пустынным каньонам улиц.

Затем он вернулся в свою квартиру, выдернул из стены телефонный провод и швырнул аппарат в стену. Затем нашел пистолет, сунул в карман и взял легкий дорожный рюкзак. Оставался еще один заслуживающий внимания шанс.

Джерольд знал, где можно купить сильную кислоту, и для гарантии взял несколько кварт[6]. Затем стал дожидаться утра.

В восемь он вошел в вестибюль здания, как раз в тот момент, когда Бетити Эндрюс исчезала в лифте. Внезапно Джерольд почувствовал, как по спине пробежал холодок. Он бросился вперед, выкрикивая имя девушки, но опоздал: дверь лифта уже закрылась.

Швейцар коснулся его плеча:

— Пожалуйста, дождитесь следующего.

— Да... да...

Джерольд поднял взгляд на индикатор. Огоньки быстро скользили по панели. Второй. Третий. Четвертый. Пятнадцатый. Лифт остановился, затем пошел вниз.

Джерольд вошел в кабинку.

— На пятнадцатый, — сказал он лифтеру.

Вышел он на пятнадцатом. Бетти уже сидела за окошечком, и при виде его в глазах у нее не промелькнуло ни искорки удивления.

— Привет, Майк, — сказала она.

— Привет. Я хочу войти туда. — Он посмотрел на дверь.

— Они не причинят вам вреда.

— Послушайте, если вы думаете... — Джерольд больно прикусил губу. — Послушайте, — повторил он. — Я хотел бы взять вас и увезти куда-нибудь подальше, туда, где эти черти не смогут добраться до нас. Вы поехали бы со мной?

— Это все бесполезно.

В голове ее звучала покорность неизбежной действительности.

— Не будьте дурочкой. Вас же просто загипнотизировали.

— Они не используют гипноз. Нет, Майк, они не жестокие хозяева. Они позволяют нам делать все, что мы хотим, потому что мы не можем захотеть ничего, что повредило бы им. Если вы захотите встретиться со мной, то я буду здесь. Если вы захотите встретиться со мной, то вернетесь. Только вы уже не будете чувствовать то же самое. *Я* имею в виду, к роботам. Вас обработают.

Джерольд издал хриплый, невнятный звук, повернулся и распахнул дверь. Робот был по-прежнему там, бесшумно катаясь вдоль стола с макетом и тыча в него пальцами.

Джерольд достал пистолет и принялся стрелять в робота до тех пор, пока не опустошил обойму. При этом он тщательно целился. Сетка из проводков, служившая роботу лицом, выглядела самой уязвимой.

Джерольд ожидал, что пули тут не помогут, поэтому не был особенно разочарован. Он сорвал с плеч рюкзак, открыл его и достал кислоту.

Это была сильная кислота. Но она ничуть не навредила ни роботу, ни макету. Просто стекла с них, как вода.

Джерольд вышел и тщательно закрыл за собой дверь. Он ни разу не взглянул на Бетти, хотя чувствовал на себе ее взгляд, пока ожидал лифта, затем вошел в кабину и повернулся. И мельком увидел ее, когда дверь лифта уже закрывалась.

— Двадцать первый, — сказал он лифтеру.

Вэйнемена не было в его офисе.

— Если вы подождете, мистер Джерольд...

— Да, конечно.

Ему не хотелось ждать в приемной, потому что девушка бросала украдкой взгляды на его взлохмаченные волосы и неопрятную одежду. Поэтому он прошел прямо в кабинет Вэйнемена, и секретарша, вначале было дернувшись, не стала его останавливать.

Джерольд шел по кабинету, когда зазвонил телефон. Не сознавая, что делает, он взял трубку и поднес к уху. И услышал голос девушки из приемной:

— Доктор Вэйнемен на связи, мистер Джерольд.

— Да? — сказал Джерольд.

— Слушай, Майк, — раздался громкий, раскатистый голос Вэйнемена. — Я задержусь на полчасика. Секретарша сказала, что вы только что вошли. Подождете меня, а?

— Хорошо.

Джерольд положил трубку. Лицо его посерело, когда он понял, что наделал, а в животе возникла сосущая пустота. Он отпрянул от стола, не сводя глаз с телефона.

Устройство роботов...

Роботы управляют всем при помощи телефонов. Секунду назад он дал им возможность прослушать его мысли, прослушать и отдать команду. Было ошибкой взять трубку. Джерольд сделал это машинально.

И его не обработали.

Мысли его о роботах остались неизменными. И планы тоже. Он по-прежнему намеревался убедить Вэйнемена в истинности своих слов, показать врачу, что делается на пятнадцатом этаже, побудить Вэйнемена использовать свое влияние на городские власти. Он по-прежнему планировал бороться с роботами, предавая огласке их действия.

Он не был обработан. А это означало, что Бетти солгала, минимум, в одном. Все остальные слова были истиной. Ложью оказался лишь один значительный фактор.

Инструментом, который использовали роботы, был не телефон.

Возможно, Бетти искренне думала, что это телефон. Ведь она была обработана. Роботы управляли ее разумом. Естественно, ей не позволили бы раскрыть секрет их власти — природу их тайного оружия.

И это не телефон.

«Но это что-то, что используют все, причем очень часто.

Встроенное в него устройство, кажется, предназначено для естественной механической цели. И оно действительно служит ей. Но также держит открытым связь с роботами. Оно связывает роботов мысленно с любым, кто использует это устройство» — так сказала Бетти.

Что-то, что используют все...

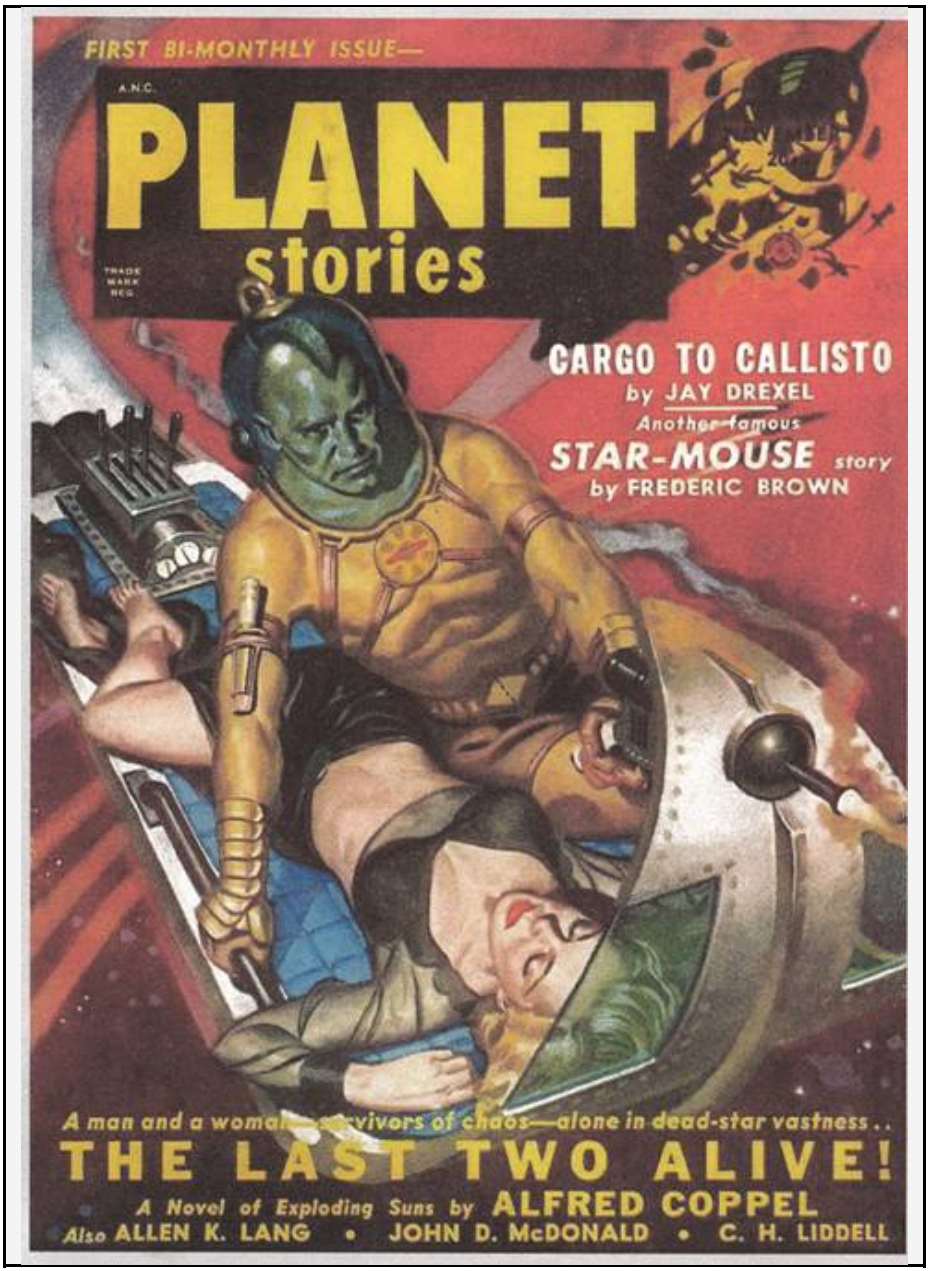
Джерольд повернулся спиной к столу, и взгляд его медленно, тщательно прошелся по кабинету. Он внимательно осмотрел каждый предмет в помещении. Но так ничего и не нашел.

Не телефон. Но что тогда...

Ногти Джерольда больно впились в его вспотевшие ладони. Он снова осмотрел все вокруг, чувствуя, как сеть смыкается вокруг него. Не телефон. Но что, что...

Конечно, он видит это устройство. Но уже никогда этого не поймет.

Унеси меня домой



Carry me home, (Planet Stories, 1950 № 11), пер. Андрей Бурцев и

ИНОГДА, в ясные дни, Гору видно даже из городка под названием Туманное Утро, несмотря то, что он находится на очень большом расстоянии. Таинственные земли между ними утопали в джунглях, бесконечно шевелящих бледной, шелестящей листвой Венеры, журчащим лесом, заполненным непрерывным ворчанием, словно невнятная человеческая речь.

Кваи рассказывали о Горе удивительные истории, сонно подняв третье веко над желтыми глазами и, присущим только им образом, тихо жужжа носами во время пауз между словами. Говорили, что там есть водоем, в котором что-то живет. Говорили, что вода в водоеме голубая — и это под сплошными, вечными облаками.

Говорили, что в нем живет чудовище. Возможно, бог. Ни один землянин пока не может понять речь кваев настолько хорошо, так что это могло быть и то и другое. Звучало интригующе, но водоем находился слишком далеко, чтобы заинтересовать кого-то в пограничных городах, расположенных вдоль Земного шоссе. Земные владения на Венере пока еще пребывают в зачаточном состоянии и вытянулись в цепь, такую узкую и опасную, как Биврест[7], а посягательства против Венеры в общем и кваев в частности оказались слишком рискованными, чтобы совершать их больше одного раза.

Однажды, три человека выскользнули из Туманного Утра, слегка опередив дружинников и взяв оборудование для путешествия в джунглях, применив крайние меры. Пограничное правосудие сработало также, как и всегда, дружинники преследовали убегающих только, чтобы убедиться, что они не вернутся. Те трое были грабителями. Если дружинники поймали бы их, то повесили. Но когда они погнали беглецов мимо отворота, ведущего на юго-запад к Флэттери, на север к Адаму и Еве и еще немного по узкой тропинке, уходящей на запад, то дружинники остановились, переглянулись и рассмеялись. Путь вел прямо к Горе через запретные земли кваев. Пожав плечами, дружинники вернулись в Туманное Утро.

В джунглях был *д'ваньян. Д'ваньян* — сложный термин, но его основное значение это «поставщик смерти». Кваи присматривали за своими землями весьма эффективно. Повешение могло оказаться еще и не самым плохим концом.

ПЕЩЕРА была относительно сухой. И довольно безопасной, по крайней мере, не хуже любого другого убежища на территории кваев. В углублении в песке у стены горел небольшой костер, а

бледные языки пламени потрескивали раздраженно, как и все костры на Венере.

Что-то во влажном воздухе приглушало яркость огня, и пламя никогда не казалось по-настоящему жарким, даже когда начинало обжигать.

Человек по имени Роан сонно развалился, прислонившись к стене пещеры, и, прикрыв глаза, что-то напевал себе под нос.

— *Кати не спеша*, — запел он, — *прекрасная колесница, давай, унеси меня домой.*

На внешней бровке пещеры туман собирался в большие капли, и капли эти монотонно стучали в такт песне и потрескиванию костра. Второй человек, сидящий на корточках рядом с капающей водой, держал на коленях пистолет и вглядывался в туманные джунгли. Третий со злостью бросил пустую банку из-под пайка.

— Рэд! — позвал он.

Роан даже глаза не открыл.

— Да, мой маленький друг? — отозвался он.

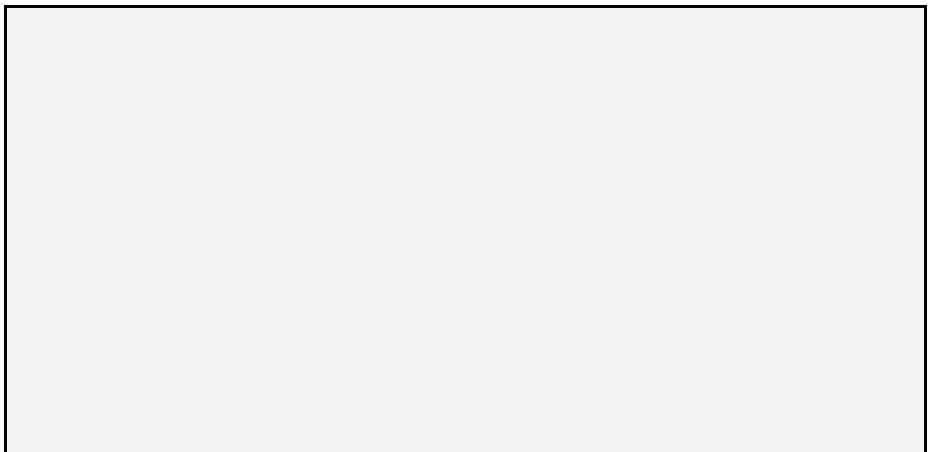
— Рэд, меня уже тошнит от всего этого. Я возвращаюсь! Ты слышишь? Ждать дольше смысла нет. Барбер не прилетит. Почему мы должны торчать тут, пока не нагрянет полиция и не схватит нас? Говорю тебе, *д'ваньян* преследует нас со вчерашнего утра, и мне это не нравится. Я возвращаюсь. Лучше рискну...

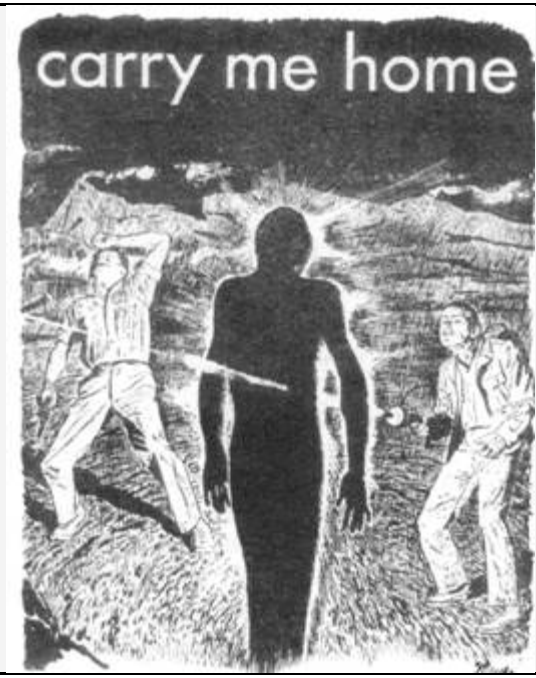
Роан сонно улыбнулся.

— *Если попадешь туда раньше меня*, — пропел он, — *то передай моим друзьям, что я тоже скоро приду...*

— Это безумие, — сказал другой человек. — Ждать тут дольше небезопасно. Не знаю, как ты, но я боюсь *д'ваньяна.* Я ухожу.

Он больше не пошевелился. Роан слушал сердитое потрескивание костра и думал о венерианском *д'ваньяне.*





Место *д'ваньяна* в обществе кваев не имело аналогов на Земле. Он олицетворял полицию, судью, присяжных и палача в

одном лице, хотя его возможности не были ограничены обеспечением правопорядка. Он также, — по причинам, которые земляне пока что не поняли, — уничтожал деревья и целые леса, периодически сжигал деревни, перегораживал или отводил реки и временами стерилизовал почву в сельскохозяйственных районах. Его приказы никогда не оспариваются. *Д'ваньяну* запрещалось заниматься наукой, он использовал оружие, которое ему давали *лл'глнраи*, не понимая принципов его действия. К *лл'глнраям* относятся ученые или жрецы от науки, и им запрещен доступ к знаниям Реальностей. Что именно понимают кваи под Реальностями, пока доподлинно неизвестно.

Но несколько более понятных реалий жизни на Венере землянам стали понятны весьма быстро, хотя, в большинстве случаев, довольно жестким путем. В первую очередь, это — абсолютная власть *д'ваньяна*. Но, чтобы ею обладать, им, кажется, пришлось многим пожертвовать, — возможно, своим эго, как мы это себе представляем. Они находятся в таком положении по некому божественному праву, никто даже не мечтает о том, чтобы оспаривать их приказы, открыто не подчиняться им или поднимать на них руку. Их жизни священны, а решения бесповоротны и окончательны.

— Я не доверяю им, — повторил Форсайт. — Я возвращаюсь.

— Кваи — забавный народ, — приоткрыв глаза, чтобы посмотреть на туманные джунгли за спиной сидящего у входа, радостно сказал Роан. — Они достигают своих целей, пользуясь таинственными способами, известными только им. Кваи удивительная раса. Ладно, Форсайт. Прощай. А мы с Джеллаби поднимемся на Гору.

ФОРСАЙТ резко развернулся, его темное лицо сверкнуло гневом и недоверием. Даже Джеллаби, сидящий у входа, оглянулся через плечо, его покрытая веснушками челюсть отвисла от удивления.

— *Что*? — потребовал Форсайт.

— Ты все слышал.

— Я не стану этого делать, — возбужденно сказал Форсайт. — Ты сошел с ума. Мы так не договаривались. Ты сказал, что Барбер Джонс подберет нас на поляне и поможет увезти награбленное. И то, что мы шли к Горе, было всего лишь отвлекающим маневром. О, нет, Рэд! Нет!

Роан лениво перекатился, чтобы посмотреть на своих спутников.

— Ты, правда, думал, — спросил он, — что Барбер будет с нами возиться, если мы не смоемся после ограбления банка? Мы

находимся в довольно щекотливом положении, мой друг Форсайт.

— Не нравится мне это, — с нажимом повторил Форсайт. — Почему мы не оставили банк в покое? В сейфе бара было почти столько же денег. Но нет, нужно же было вломиться в банк и поставить на уши штаб-квартиру полиции, чтобы они принялись прочесывать залив у Свэнпорта. Как ты думаешь, через сколько времени полиция придет за нами, Рэд?

Роан сжал в кулаке горсть влажного песка и позволил находящейся в нем воде медленно протечь сквозь пальцы. Его взгляд был немного удивленный. Земляне не ожидали того, что на Венере человек иногда поражается простому открытию, что в этом мире есть почва. Обычная земля, камни и песок, прозаичные, как и на Земле. От Утренней Звезды ждешь чего-то более необычного.

— *Ангелы*, — пропел Роан, — *придут за мной, придут и унесут*...

— Нельзя идти на Гору, — упорно настаивал Форсайт. — Какой в этом толк? Что там есть кроме какой-то адской рыбы в бассейне? Говорю тебе, это безумие!

— Что там, друзья мои? — сказал Роан, и в фиолетовом свете костра его лицо словно загорелось лихорадочным блеском. — Я вам скажу, что там — там целое состояние! Ну, да, там есть водоем, все верно. А в нем... ну, какое-то чудовище. И ты знаешь, зачем оно там? Чтобы охранять сокровище. Драгоценности, Форсайт. Рубины и алмазы, Джеллаби. Тысячу лет кваи таскали подношения своему чудовищному богу. И никто не знает об этом. Ни единая душа, кроме нас троих. Вот почему мы пойдем на Гору, Форсайт.

Форсайт что-то проворчал.

— Ты все выдумал, — сказал он.

— Я узнал это, — сказал Роан, — прямо от первоисточника. — Он засмеялся. — Мне рассказал Безумный Джо.

Голова Форсайта резко повернулась, и он задержал дыхание, чтобы насмешливо присвистнуть. Но Роан увидел, как тот замешкался, и услышал, как свист получился слишком уж жалким.

— Ага, — сказал Роан. — Просто подумай. Я же поверил. Видишь ли, я напоил его. В первый раз я увидел Безумного Джо пьяным, и случилось так, что я был тем счастливчиком, кто пил вместе с ним. И он рассказал...

Полузакрытыми глазами Роан смотрел на тусклое, потрескивающее пламя. Безумный Джо, подумал он. Насколько безумный? Болтая пьяным о сокровище, которое он видел и от

которого отказался, не желая забрать его с собой, да и вообще не проявляя никакого интереса. Это было очень странно. Только безумец мог так поступить. Но мудрый в своем безумии, с необъяснимыми нитями здравомыслия, все же протянувшимися через искореженный разум. Кваи проявляли к нему необъяснимое уважение и прислушивались к его советам. Они рассказали ему то, из чего ему хватило ума извлечь выгоду. Вполне возможно, что он знал больше, чем когда-либо признавался, что знает. Безумный Джо свободно расхаживал по территории кваев и знал, что находится на вершине Горы...

— Я увиделся с ним на следующий день, — продолжал Роан. — Думал, что это была просто пьяная болтовня. Но он заявил, что все так и есть. Безумный Джо рассказал все, что знал. И я поверил, — улыбнулся Роан. — Оказался бы я тут, если бы не поверил? И даже если лишь часть его рассказа — правда, то половина драгоценностей на Венере лежат прямо на вершине Горы и просто ждут, пока трое парней, таких, как мы, не придут и не возьмут их.

Затем Роан замолк, таинственно улыбнулся и подумал о других безумных вещах, которые ему рассказал Безумный Джо. Форсайт и Джеллаби не очень-то поверили и в сокровище. Как бы они отреагировали, расскажи он им о *д'ваньяне*?

— Тебе не нужно бояться *д'ваньяна,* — задумчиво расчесывая пальцами бороду и насупив густые, бесцветные брови, — сказал тогда Безумный Джо. — Я ведь не боюсь. Я знаю о них слишком много. Я выяснил, там, наверху. — Он усмехнулся, хитро взглянув на Роана. — Они не такие загадочные, как только узнаешь секрет. Все там, наверху. Сокровище, водоем, чудовище... и тайна *д'ваньяна.*

Роан подозрительно посмотрел на него, чувствуя внутри нарастающее возбуждение, плохо скрываемое рассудком. Самым удивительным было то, что он поверил Безумному Джо. Чтобы понять, почему, нужно знать Безумного Джо. Никто не знал, какое у него настоящее имя и откуда он прибыл. Невероятно, но время от времени часть его лица между неровной бородой и такой же челкой вдруг обретала отчетливое сходство с лицом Роана, но Безумный Джо этого не замечал. Вне всяких сомнений, он был сумасшедшим, но в его безумии имелось достоинство, и никто не слышал, чтобы он искажал правду.

Более того, Безумный Джо мог разговаривать с кваями. Даже как-то видели, как он общался с *д'ваньяном,* на расстоянии, глядя в это холодное, нечеловеческое лицо и почесывая бороду. Они никогда не обменивались ненужными словами со здравомыслящими людьми, но с Безумным Джо разговаривали с

уважением.

— Что ты знаешь о них? — с нетерпением спросил Роан, и вместе с этим вопросом вскипела вся его ненависть и недоверие к *д'ваньяну*.

Чуждый, не вступающий в разговор, ужасный *д'ваньян*, из-за которого сорвались все его планы на Венере.

— Что ты знаешь?

— Тайну *д'ваньяна*, — спокойно сказал Безумный Джо. — Я не могу рассказать это. Не смог бы, даже если бы захотел. Это невозможно описать. Нужно увидеть самому.

— Оружие? — допытывался Роан. — Механизм? Книга? Давай, Безумный Джо, хотя бы намекни мне! Что это?

— Это там, на Горе, — только и мог сказать Безумный Джо. — Сходи и сам посмотри. Я так и сделал. Теперь я их не боюсь. Они говорят со мной. Если хочешь узнать, в чем дело, тебе придется подняться на Гору. Будет нелегко, ну, а ты как думал? Сходи туда. И все поймешь.

Вот Роан и пошел.

ЕГО ЛЮБОПЫТСТВО было всепоглощающим. «Поставщики смерти» были страшной кастой людей, если их вообще можно было назвать людьми. Они и не являлись людьми. Они не были живыми. Не были мертвыми. Больше напоминали существ с другой звезды, чем человекоподобных созданий.

Каковы были их возможности, никто толком не знал, хотя земляне выдвигали всякие предположения. Д'ваньяны могли уничтожать на расстоянии разнообразными способами, все можно было объяснить при помощи аналогий, хотя частенько довольно не точно. Невидимые ультразвуковые волны могут фокусироваться в одной точке и разрушать теплом и вибрацией. Они убивали чем-то подобным? Возможно.

Д'ваньяны носили замысловатую одежду из блестящей черной ткани, переплетенной светящимися, извилистыми нитями, возможно служившими каким-то неизвестным на Земле видом оружия, как обмотка катушек в электромагнитных устройствах, управляющая энергией, так и эти причудливо вышитые узоры со странными нитями, которые никто из землян не видел с близкого расстояния, возможно, отвечали за невероятные способности д'ваньянов.

Наука кваев походила на земную, но в то же время значительно отличалась от нее. Ни один венерианин не видел звезд, но из строения атома кваи вывели довольно точную схему Солнечной системы. Было известно, что они черпали информацию из коротковолнового излучения, проникающего

через облака Венеры от Солнца и звезд, например, и преобразовывающего (в соответствии с необходимым балансом питательных веществ) крахмал в сахар с помощью поляризованного инфракрасного излучения, как земляне научились делать давным-давно. Существуют, как биологические преобразователи, так и технологические. Итак, преобразованная энергия, получаемая изнутри или снаружи, и, возможно, контролируемая черной одеждой *д'ваньяна*, и являлась оружием, которым они владели. Но откуда они пришли и кто они такие, никто не знал. Возможно, они даже не были кваями.

Вероятно, Безумный Джо знал это. Может быть, если Роан взойдет на Гору, то тоже узнает. Пока что он лишь знал, что его ненависть к *д'ваньянам* была неуправляемой и нелогичной, больше напоминающей глубокую, инстинктивную неприязнь к чужеродным формам жизни, чем нелюбовь к сородичам, пусть даже отталкивающим. Они не страдали от желаний, которые сделали Роана тем, кем он есть, и он ненавидел их за это. *Д'ваньяны* были бесстрастными, и он презирал их. Они были странным образом самоотверженные, и он не уважал их даже за это. Но его разум подсказывал, что, в конце концов, они просто люди, люди, которые подчиняются приказам, как и большинство людей. Роан не собирался позволить им разрушить его планы и в этот раз. Он боялся их, но неудачи он боялся еще больше, чем *д'ваньянов.* В этот раз он не отступится ни от чего.

— Не знаю, — проворчал Форсайт. — *Мне* все это не нравится, Роан. Это небезопасно. Гора слишком далеко.

— Тебе больше нравится торчать тут? — улыбнувшись, спросил Роан.

Он проворно встал. Роан был высоким, в меру красивым, с приятной улыбкой. С первого взгляда было трудно понять, что за человек он внутри.

— Останетесь здесь, — сказал он, — и *д'ваньян* придет за вами. Вернетесь назад, и дружинники повесят вас, если полиция не доберется до вас раньше. Пойдете со мной, и с большой вероятностью вас сожрет настоящее чудовище-божество. Но, перед смертью вы увидите истинное сокровище. Форсайт, обещаю, что умрешь ты счастливым.

Человек у входа все это время смотрел в джунгли, но его большие уши улавливали каждое слово.

— Рэд, что из этого ты спланировал заранее? — хрипло спросил он.

На приятном лице Роана появилась простодушная улыбка.

— Спланировал, Джеллаби?

— Ты бы не рассказал нам о сокровище, — да существует ли

оно вообще? — если бы мы не были нужны тебе. Верно? Ты знал, что мы не станем рисковать по твоему приказу, если только не будем вынуждены. Так? Поэтому спрашиваю еще раз, — что из этого ты на самом деле запланировал?

До Форсайта дошло не сразу, но через несколько секунд и он понял, в чем суть.

— Да! — сказал он и затем с жаром добавил, — да, Рэд, отвечай. Ты специально навел нас на банк, не так ли? Это не мог быть бар — обязательно банк, чтобы полиция погналась за нами, если все пойдет не так, как мы рассчитали. Ты *хотел*, чтобы полиция преследовала нас, Рэд! Чтобы мы уже не могли вернуться назад. Чтобы нам пришлось согласиться на твою безумную идею идти на территорию кваев. Ну, вот, мы здесь! И не можем ни вернуться, ни двигаться дальше. А все потому, что ты такой же чокнутый, как и Безумный Джо, когда дело доходит до денег! Рэд, я...

— Заткнись, Форсайт, — внезапно прошептал Роан. — Смотрите... Джеллаби! Ты видишь что-то... что-то черное?

В ПЕЩЕРЕ тут же наступила тишина. Дыхание трех людей казалось очень громким в ограниченном пространстве между каменными стенами, созданными чужой планетой. Капли конденсирующегося тумана тихонько звенели о каменный порог пещеры, и костер негромко подтягивал им.

Джеллаби схватил бластер, и вся его поза изменилась так, что, казалось, он стал частью оружия, нацеленного на тропинку, уходящую в джунгли.

— Нет, — едва слышно сказал Роан. — Не надо, Джеллаби. Ты же знаешь кваев. Не стреляй. Просто жди.

— Рэд, а *д'ваньяна можно* убить? — шепотом спросил Форсайт.

— Не знаю. Но хочу выяснить.

Казалось, Роан цедит слова сквозь зубы. В фиолетовом свете костра его лицо вновь озарилось лихорадочным блеском, а взгляд стал ясный и сосредоточенный.

— Я хочу узнать, — сказал он. — Когда-нибудь я выясню это. Может быть, сегодня. Может быть, прямо сейчас. Если есть что-нибудь, что я ненавижу...

Туман драматически раздвинулся, открыв взгляду тропинку в джунглях, по которой приближалась высокая, черная фигура с белым лицом. Палец Джеллаби судорожно впился в спусковой крючок. Форсайт выругался себе под нос. Роан не издал ни звука. Остекленевшими глазами он пристально смотрел на приближающееся существо.

Часть его разума напомнила, что *д'ваньян*, должно быть, следовал приказам во всем, что они делали. Не было ничего личного в беспощадности, с которой *д'ваньян* три недели назад зашел в процветающую шахту Роана на задворках Беспечной Любви и одним жестом уничтожил все, чем владел Роан.

Но все равно Роан чувствовал биение гнева в висках, пока думал об этом. Богатые земли Венеры манили разработчиков месторождений. Ни один пограничный форт не был местом для честных людей, и Роан прибыл сюда потому, что его способности лучше всего проявлялись там, где закон был слабее всего. Роан считал, что в нем заложено величие, и неотступно верил в это. Знание этого определило всю его жизнь. Но Роану нужно было свободное пространство, чтобы начать процветать, и Венера казалась идеальным вариантом... пока тот *д'ваньян* не вышел из серых джунглей и одним взмахом не освободил трудящихся кваев...

— Они мои! — крикнул Роан бесстрастной, ненавистной фигуре в черном. — Они должны мне больше, чем могут заплатить! Им нужно отработать долг!

Д'ваньян мог и вовсе не слышать этого. Общество кваев практически не понимало, что такое бартер. Вот так многообещающая империя Роана рухнула, и он опять остался у разбитого корыта, с пустыми карманами и ничем, кроме упорного знания о своем потенциальном величии и разъедающей ненависти к *д'ваньяну*, вставшего между ним и тем, что обещала Венера.

Роан широко улыбнулся стоящему перед ним существу, облаченному в черное. Конечно, это был не тот конкретный *д'ваньян* из Беспечной Любви — или все-таки он? Как можно это узнать? Со временем, в каждом отдельном случае, касающемся *д'ваньяна*, начинаешь думать о них, как об одном существе. Возможно, так происходит потому, что никогда не видишь больше, чем одного за раз, и отличить их друг от друга немыслимо. Неизбежно приходит ощущение, что на всей Венере есть только один вездесущий, всемогущий *д'ваньян*, чудесным образом появляющийся в сотнях мест сразу. С пустыми глазами, равнодушный, бесстрастный, выполняющий свой долг. Само его имя означает того, кто существует вне жизни и смерти.

Д'ВАНЬЯН остановился почти у самого входа в пещеру, глядя на людей равнодушными, безразличными желтыми глазами. За ним, среди серых деревьев, что-то шевельнулось, и на поляну за *д'ваньяном* по одному вышла небольшая группа кваев и тоже остановилась, глядя на пещеру.

Кваи были довольно высокими и носили замысловатую, обтягивающую, белую, водонепроницаемую одежду, больше походящую на вторую кожу. Они выглядели, как призрачные мумии с треугольными лицами и блестящим мехом вместо волос. Кваи поразительно напоминали бревешки венерианских деревьев, они тихо просачивались сквозь дрожащую листву и глядели на вас сверху вниз удивленными взглядами. Пока вы еще новичок на Венере, в голову лезут сравнения с лемуром или совой, но, после того, как пробудете тут достаточно долго, кваи станут напоминать только бревешки, и ничего больше.

Четверо кваев стояли и смотрели на землян с несколько осуждающим любопытством. *Д'ваньян*, в блестящей черной одежде и с равнодушным, рассредоточенным взглядом, стоял лицом к пещере, уставившись куда-то в пару метров за спиной трех землян. Он положил правую руку под левое предплечье, позволив левой ладони повернуться в сторону пещеры. Черная ткань служила перчатками, их блеск бил в глаза наблюдателю. Невозможно было сказать, держит он оружие или нет.

— Гора — запрещенное место. Возвращайтесь назад, — сказал *д'ваньян* совершенно бесстрастным голосом.

Роан добродушно улыбнулся. Четверо кваев поморгали пустыми, желтыми глазами.

— Доброе утро, джентльмены, — сказал Роан. — Мы, кажется, заблудились. Надеюсь, мы не нарушили никаких границ.

Его улыбка была заискивающей.

Все четверо кваев обнажили зубы и внезапно, неожиданно хватили, словно укусили, пустой воздух. Один из них сказал что-то голосом, в котором слышались обертоны грегорианского хорала. Потом добавил несколько слов на плохом испанском, не произнеся ничего, кроме ругательств. Затем кваи с мрачным изумлением посмотрели на Роана и положили руки на свои покрытые скользким мехом головы.

Д'ваньян словно ничего не слышал. Он продолжал неподвижно стоять и молчать. Роан почувствовал, как по спине пробежал холодок, и с силой кашлянул, подавляя гнев.

— Гора — запрещенное место, — повторил *д'ваньян.* — Уходите... сейчас же.

Роан обдуманно улыбнулся.

— Конечно, — ответил он. — С радостью.

С *д'ваньяном* не спорят. Это, вообще, большая уступка, что этот повторил свои слова хотя бы раз. Интересно, подумал Роан, а это существо — человек — почувствовало хоть что-нибудь? Если да, то его, возможно, немного обеспокоила довольно деликатная ситуация нарушения границ. Отношения между землянами и

кваями были непростыми.

Для землян, выросших в жестоком, практичном, торговом мышлении древнего Рима, было невероятно сложно понять общество, никогда не знавшее Рим. Контакты между расами могли оказаться в принципе невозможными, если бы не *д'ваньян.*

О проблемах взаимодействия прекрасно говорит то, что чудаки, подобные Безумному Джо, понимают кваев и *д'ваньяна* гораздо лучше, чем обычные земляне. Странствующие психи неизбежно появляются в любом пограничном обществе потому, что оно привлекает подобные элементы своим беззаконием и безжалостной несгибаемостью.

И в большой степени являлось заслугой Безумных Джо из городков, расположенных вдоль Земного шоссе, что между народами соседних миров была достигнута некая примитивная гармония. Они, по крайней мере, приходились друг другу кузенами, детьми планет-сестер, принадлежащими к одному виду. Но какая огромная разница в мышлении!

— Нам лучше возвращаться, Рэд, — тихонько сказал Форсайт за спиной Роана. — Не стоит с ним спорить. Ты же знаешь, что *д'ваньяна* нельзя убить. Многие пытались. Я не хочу принимать в этом участие. Я возвращаюсь.

Его сапоги шаркнули по полу пещеры, когда он сделал шаг вперед. Роан преградил ему путь вытянутой рукой.

— Мы уходим, — громко сказал он самым приятным голосом. — Передай мне рюкзак, Форсайт. Мы уходим. — Но про себя, подавляя кипящий гнев, он добавил: — О, нет, только не в этот раз! Однажды я уже сдался, но не стану повторять ту же ошибку. На этот раз риск стоит всего, что мне придется сделать. Ну, уж нет, мы не отступимся!

РОАН НАДЕЛ рюкзак на спину и прошел сквозь вуаль капающей воды у выхода из пещеры. *Д'ваньян* внезапно зашипел, и четверо кваев дрогнули и отступили. Роану показалось, что на них навалилась какая-то тяжкая ноша, все четверо завернулись поплотнее в свою одежду. До Роана вдруг дошло, что они, наверное, пленники — пленники *д'ваньяна,* схваченные за какое-то непонятное преступление. Не пошевелив ни одной мышцей лица, *д'ваньян* прошипел снова. Кваи склонили головы и цепочкой пошли через поляну. Навстречу им накатила волна тумана, и они исчезли из виду. Последний бросил на землян ясный, тревожный и безнадежный взгляд, затем позволил перепонке третьего века закрыться, и туман проглотил его, словно сама смерть.

Роан внезапно почувствовал, как в груди закипело презрение к туземцам. Как безропотно они сдались на милость *д'ваньяну*,

четверо против одного, даже не думая о сопротивлении. Так обстояли дела на Венере, но это было против правил Роана.

Форсайт, тоже закинув рюкзак на спину, вышел вслед за Роаном.

— Ты сильно сглупил, — неприятным голосом сказал Форсайт, — когда решил, что тебе сойдет это с рук. Если корабль Барбера сядет прямо сейчас, я не полезу в него. Я не доверяю тебе, Роан. Ты спятил сильнее, чем Безумный Джо. — Он нахмурился и повернулся к *д'ваньяну*. — Вы отведете нас назад? — спросил он. — Мы не должны были приходить сюда. Знай я дорогу обратно, то давно бы ушел.

Держа предплечье наклоненным, *д'ваньян* загадочно и угрожающе показал полуоткрытой ладонью туда, куда ушли кваи. Форсайт что-то проворчал и ступил на тропу. Неуклюже держа одной рукой бластер, Джеллаби, потопал за ним. Роан не пошевелился.

Холодный, неумолимый взгляд *д'ваньяна* ненадолго задержался на нем. Выше поднялась угрожающая рука. Невозможно было понять, какое оружие у него было, — щелчок пальцев мог уничтожить их всех.

Роан, взглянув на бесстрастное лицо, специально позволил гневу расти все сильнее. *Наступил поворотный момент в моей жизни на Венере*, подумал он. *Сдайся я сейчас, и закончу, как Безумный Джо. Запугаю д'ваньяна, и на сокровища горы можно будет приобрести личную империю.* Или, при помощи этого богатства, Роан сумеет навсегда положить конец превосходству *д'ваньянов*, и он знал, что империя тут бесполезна, если он не сумеет победить их. Роан вдруг понял, что желал вовсе не построить империю или добраться до сокровищ — а только уничтожить весь клан *д'ваньянов*. Тысячи копий одного *д'ваньяна* с мертвыми лицами, перед которыми склоняется вся планета. В разуме Роана забурлили уверенность и сила. Он сможет сделать это. Он знал, что сможет... если прямо сейчас победит *д'ваньяна.*

Роан видел, как Форсайт идет по тропинке навстречу катящимся волнам тумана, которые уже проглотили безропотных кваев. Джеллаби неуверенно остановился, посмотрел вслед Форсайту, а затем перевел взгляд на Роана.

Тот сделал глубокий вдох. Был только один способ все решить. Хоть кто-нибудь на самом деле убил *д'ваньяна*? Хоть кто-нибудь, до этого момента, вообще, пытался?

Почему бы и нет? — подумал Роан. — *Что мне терять*?

Он опустил руку к бластеру на поясе, расстегнул кобуру и мгновенно выстрелил без всякого предупреждения, не вытаскивая оружия, не давая ни *д'ваньяну*, ни себе времени подумать.

ЭТО ПРОСТО КОШМАР, подумал Роан. Они бежали, бежали и бежали, все втроем, через мглу с бледными деревьями, покрытыми лианами и туманом, а листья непрерывно шелестели вокруг, дрожа в ужасе, как и все джунгли.

Роан едва видел листву перед глазами. Эта вспышка, там, позади, чуть было не ослепила его... Какая вспышка?

О, да, — буднично подумал он. *Вспышка, возникшая, когда я застрелил д'ваньяна.*

Рассудок внезапно взял контроль над мечущимися мыслями, и ему показалось, что он кричит сам на себя, задавая невероятный и поразительный вопрос: «Застрелил *д'ваньяна*? Я застрелил *д'ваньяна*?»

Роан споткнулся и полетел вперед, но ухватился за ствол дерева, чтобы не грохнуться на землю, и прислонился к нему на долгое мгновение, щекой к влажной коре, а пока он боролся со своей собственной ошеломленной, пробуждающейся памятью, на шею капала вода с дрожащей листвы.

Я застрелил д'ваньяна, осторожно подумал Роан. *О да, я сделал это. Д Рэд, Роан, пристрелил д'ваньяна, и вот он я, живой. Так это можно сделать. Я сделал это. Но что случилось потом? Почему я тут*?

Память не хотела восстанавливать события, он стиснул зубы и заставил себя мысленно вернуться в тот момент, когда они еще были в пещере, когда бластер дернулся в его руке и...

Вспышка. Ослепляющая вспышка, похожая на новое солнце, бело-желтая, ярчайший свет, когда-либо горевший на Венере. Ни один венерианин никогда не видел солнца. Даже огонь тут горел бледно-лиловым цветом. Даже вспышка от выстрела из бластера была бледно-фиолетовой. Но эта вспышка имела цвет солнца. Ослепительная. Поразившая глаза и разум.

Она поглотила *д'ваньяна*. И туман помчался вперед, чтобы накрыть вспышку солнечного света. Радуга, вспомнил Роан, сияла в тумане целую секунду, без сомнений первая радуга на Венере.

Но умер ли *д'ваньян*? Ни один человек не мог выдержать заряд бластера при выстреле с одного метра. Но был ли *д'ваньян* человеком? Роан спрашивал себя об этом, и вокруг перешептывались говорливые листья, не давая никакого ответа. Ответа и быть не могло. Была лишь ослепительная вспышка, туман, радуга и...

И затем они побежали.

— Форсайт, — позвал Роан голосом, с трудом пробивавшимся через говор листвы. — Форсайт. Джеллаби!

Из-за деревьев позади, задыхаясь и останавливаясь после

головокружительного бега, появились темные фигуры.

— Рэд? — неуверенно спросил Форсайт. — Рэд?

— Да, — восстановив дыхание, сказал Роан. — Все в порядке, успокойтесь. Мы живы. Все под контролем.

— Под контролем! — горько воскликнул Форсайт, прислоняясь к дереву и жадно хватая ртом воздух. — О, конечно, все в порядке! Ты пристрелил *д'ваньяна. Я* видел, как ты сделал это! Ты знаешь, какое за это следует наказание?

— А ты? — Роан выдавил кривую ухмылку.

— Никто не знает. Может быть, никто не пытался сделать этого раньше. Может быть, это совершенно новое преступление. Но они придумают какое-нибудь наказание для этого. И *мы*...

— Заткнись, — сказал Роан.

Он прилагал все усилия, чтобы вернуть самообладание.

— Заткнись, Форсайт, — повторил Роан, а его голос стал почти спокойным. Что сделано, то сделано. Теперь вам придется идти со мной. Если мы поднимемся на Гору, нам будет не о чем беспокоиться. Я обещаю.

— Я никуда не пойду, — все еще тяжело дыша, ответил Форсайт. — Я возвращаюсь и жду Барбера. Ты получил сообщение от него, и, думаю, он прилетит. Мы просто не дали ему достаточно времени, вот и все. Он...

— Барбер мертв, Форсайт. Он умер два года назад, — осторожно произнес Роан.

СРЕДИ ТРЕХ людей воцарилось тяжелое молчание. Затем Джеллаби медленно снял винтовку с плеча, его большие руки двигались почти автоматически, а глаза буравили Роана.

— Ты не сделаешь этого, — сказал Роан. — Я ваш единственный шанс.

— Барбер мертв? — тупо повторил Форсайт. — Я не верю. Ты лжешь. Ты...

— Да, прежде я врал. Мне пришлось врать. Вы двое были нужны мне. — Голос Роана был уверенный и спокойный, но в то же время настойчивый. — Ни одно сообщение не приходило от Барбера потому, что не могло прийти физически. У меня нет никакой связи с адом. Барбер прожил долгую, опасную жизнь и умер при неудачном стечении обстоятельств в джунглях два года назад. Я узнал об этом от Безумного Джо. Боялся, что он мог вам тоже рассказать, но я рискнул. Мне пришлось. Говорю вам, если доберемся до Горы, то вы никогда не пожалеете о том, что я сделал. Мы станем такими богатыми, что ни одно правительство не сможет нас остановить. Построим империю в венерианских джунглях и будем тремя императорами, правящими половиной

мира. Здесь нам всем хватит места. Целая планета только ждет, пока такие, как мы, не возьмут ее в свои руки. Я знаю, как это сделать. Я иду на Гору. Мне нужна ваша помощь, и я сделал все, чтобы ее получить. Вы не можете отступить сейчас. Вся планета против нас. Все, что нам остается, — пробираться к Горе, и, если мы попадем туда, то сможем продавать и покупать целые миры. — Роан оттолкнулся локтем от дерева. — Я иду. Можете пойти со мной, если хотите.

Двое его спутников молча смотрели на него, а ярость и страх мешали им открыть рот. Форсайт тихо кашлянул и попытался заговорить, но слова не выходили из пересохшей глотки, а глаза внезапно выпучились так, что стали видны белые кольца вокруг радужных оболочек. Он уставился туда, откуда они пришли.

Роан развернулся и тоже стал смотреть. В бормочущей тишине все отчетливо слышали, как по камням мягко ступают чьи-то ноги. Роан изо всех сил пытался воспомнить, где именно он шел по этим камням. Он глянул вниз. Его ноги потемнели от влаги. Да, широкая полоса камней, затем несущийся ручей, извивающийся между деревьями. Как далеко это было? Он не мог вспомнить.

Они слышали, как вдалеке, за деревьями, перекатывались и стучали друг об друга камни. Затем появился звук быстро текущей воды, встретившей какое-то препятствие — такое, как бредущие ноги. На ближнем берегу снова застучали камни. А после этого тишина.

Возможно, это было дальше, чем казалось. Иногда листья странным образом искажали звуки.

Роан вдохнул сквозь зубы, поправил рюкзак крепкими, решительными руками и проверил, на месте ли бластер.

— Идемте, — сказал он, его голос опять был почти радостным.

Давление опасности стало для него крепким напитком. Колебаниям и неуверенности не осталось места. Единственным возможным выходом было идти дальше.

— Идемте — быстрее! Мы еще можем добраться до Горы, если будем идти впереди.

— Впереди чего? — направив глаза с белыми кольцами на покрытые туманом джунгли, через которые они только что прошли, прошептал Форсайт. — Это *он,* ты же знаешь. Я... я видел что-то черное меж листвой. Он идет за нами. Он доберется до нас, Ред. Мы убили его, и он будет идти за нами, пока не схватит. Рэд, я...

Большая рука Роана смачно ударила по потному, смуглому лицу Форсайта.

— Заткнись и пошли. Вы пойдете вперед. Джеллаби, это и тебя касается. Я не дам вам идти позади, а то еще смоетесь. Давайте, — марш! — Роан засмеялся от радостного возбуждения. — Я пойду последним, так что если он догонит нас, я стану первой жертвой.

Неуверенно, на спотыкающихся ногах, двое пошли впереди. Роан сделал еще один глубокий вдох, улыбнулся и мелодично просвистел. Бормотание дрожащих блеклых листьев вокруг них придало его голосу нотки неповиновения, когда он начал петь.

— *Кати не спеша*, — пропел Роан туману и деревьям, оплетенным лианами, — *прекрасная колесница, давай, унеси меня домой*.

ГРОМАДНЫЕ, голые над цепляющимися ниже джунглям, плечи Горы возникли над туманом, над чудовищными потоками облаков. Гору покрывал серый вулканический шлак, испещренный со всех сторон огромными, яркими пятнами, там, где розовый, янтарный, бледно-зеленый или темно-синий лишайник нарос на камнях. Вершина не была видна. Водоем, сокровище, тайна натянули на себя одеяло облаков и притворялись, что их не существует.

Роан тепло и с любовью посмотрел на Гору, с трудом веря, что он здесь стоит, так близко от цели, которая воплотит все его мечты в реальность. Он увидел крутую, извилистую тропинку, ведущую наверх, и полу-прикрыл глаза, представив, как спускается по ней, нагруженный несметными сокровищами. Рубинами и алмазами. Спускается, более мудрый, чем тот Роан, что стоит сейчас у входа в джунгли, он станет сильнее, чем *д'ваньян*, когда спустится с Горы. Это будет Роан, знающий секрет *д'ваньяна*, Роан, держащий в подчинении всю планету. Роан, отдающий приказы.

Он оглянулся. По-прежнему слышался топот преследующих ног. Через шепчущие листья трое бандитов не видели ничего, но преследователь никуда не свернул с тропы. *Но догнать нас*, подумал Роан, *он тоже не пытается. Ему достаточно просто идти следом.* Роан знал, что обязан чувствовать испуг. Форсайт и Джеллаби, замерзшие и дрожащие от непроходящего суеверного ужаса, посмотрели назад. Но Роан ощущал такую уверенность в том, что тайна уже почти у него в руках, что страх обошел его стороной. К тому времени, как не особо торопящийся преследователь догонит их, он будет знать больше, чем д'*ваньян*. Он станет сильнее, чем *д'ваньян*. Если только поторопится сейчас.

— Ну, — сказал он. — Вперед. Вверх на Гору, парни. Обещаю, если мы...

— Послушайте! — сказал Форсайт.

Они замерли. Джунгли продолжали бормотать непонятными, шелестящими голосами. Над головой свистел ветер. Где-то вдалеке ударил гром. И затем звук раздался снова, гулкий и пронзительный, искаженный листьями.

— Роооан, — звал голос. — Роан. Рэд Роооан!

На этот раз холодная дрожь пробежала по спине Роана.

— Бежим! — сказал он. — На Гору, быстро!

Голос раздался снова, чудесным образом гораздо ближе. Преследователь, казалось, приближался семимильными шагами.

— Роооан, Роан...

Роан пустился тяжело бежать, рюкзак бился о плечи. Гора была так близко. Если он сможет забраться еще хоть немного выше, возможно...

— Роан! — позвал голос из-за деревьев. — Роан, подожди меня.

Он развернулся, несмотря на страх, охвативший его. Затем с большим облегчением выдохнул.

— Безумный Джо! — воскликнул Роан.

Старик улыбнулся сквозь спутанную бороду.

— Конечно, это я. А ты кого ждал? Подожди-ка минутку.

Он уверенно шел по мху, размахивая руками. Безумный Джо был дюжим стариком. Впрочем, никто не знал, насколько старым он был, или насколько молодым. Белая борода и волосы могли поседеть, как от старости, так и по другой, более непонятной причине. О Безумном Джо не было известно ничего, кроме того, что он приходил и уходил, когда считал нужным, и не отвечал ни на какие вопросы. Его лицо выглядело исключительно мирным и добродушным. Он делал множество странных вещей в странные времена, и, скорее всего, он, действительно, являлся сумасшедшим.

Безумный Джо выглядел опрятно, что было неожиданной частью его эксцентричности. Голубые джинсы были в мокрых пятнах от росы и дождей, но он аккуратно подворачивал их так, что они как раз доходили до закрытых сандалий кваев, а его джинсовая рубашка государственного образца была сшита в Суэнпорте специально для ношения на Венере. К отвороту кармана прицепился розовый цветок, и Безумный Джо, наверное, не знал, что на его взлохмаченных волосах висело еще несколько пятнистых цветков и серая бабочка.

— Я думал, что доберусь первым, — глупо улыбнувшись, сказал он. — Ты, видимо, шел очень быстро. — Он запрокинул голову и посмотрел на крутую извилистую тропинку, уходящую к вершине. — Ну и ну, — тихо заметил он. — Ни капельки не

изменилась. Кто из вас хочет идти первым?

— Это ты все время шел за нами? — проигнорировав вопрос, неуверенно спросил Форсайт. — Там не было... кого-нибудь еще?

— Не знаю, о чем ты, сынок, — поморгав, сказал Безумный Джо.

— Был ли там... ты случайно не видел... — Форсайт не мог правильно сформулировать вопрос.

— *Д'ваньян,* — закончил за него Роан. — Мы думаем, что за нами идет один из них, Джо. Видел его?

БЕЗУМНЫЙ ДЖО развернулся и задумчиво посмотрел на джунгли, пробежав пальцами по бороде. Серая бабочка яростно пыталась высвободиться и, наконец, вырвалась вместе с порывом ветра.

— Он шел по лабиринту моего разума, — пробормотал Безумный Джо.

— Что? — нетерпеливо спросил Форсайт.

Безумный Джо покачал головой и рассеянно улыбнулся.

— Так кто из вас собирается идти первым? — спросил он снова.

— Конечно же, мы идем все, — ответил Роан. — Так как насчет *д'ваньяна*, Джо?

— Если захочет, он вас поймает, — ответил Джо. — Я бы не беспокоился на вашем месте. Ангелы придут за мной. — Он улыбнулся Роану. — Я слышал много песен о них. Ты идешь первый, Роан? Нельзя идти всем сразу, знаете ли. Это против правил.

Роан сделал нетерпеливый жест.

— Теперь я устанавливаю правила. Кто меня остановит? Там никого нет, верно?

— Вообще-то, один есть. Квай, всегда. Ждет.

— Ждет чего?

— Чтобы его поглотило, — буднично сказал Джо, — существо из водоема. Ты же знаешь, что сокровище охраняется, да?

Форсайт выжидающе посмотрел на Роана. Роан отвернулся и встретил напряженный взгляд Джеллаби. Оба заговорили одновременно.

— Ты это знал?! — спросили Форсайт и Джеллаби как один.

Роан засмеялся.

— Все совсем не так, как вы подумали, нет. Я сам нырну за сокровищем, если вы боитесь. Я никогда не говорил, что будет легко. Но вы должны помочь мне. Если рядом будет кто-нибудь с оружием, я почувствую себя гораздо...

— Нет, Роан, — настоятельно сказал Безумный Джо. —

Нельзя так делать, ты же знаешь. Только один человек за раз. Обдумай это, Роан. Помни, что там, наверху. — Глаза под густыми бровями были проницательными. — Помни, *что ты* не узнаешь тайну, если будешь не один.

— О чем это он? — потребовал Форсайт.

— Секрет, — по-детски ответил Безумный Джо. — Роан знает. — Он оглянулся на трепещущие джунгли и его голос смешался с шелестом деревьев. — *Назад, в чаны кипящего правосудия*, — пропел он, — *Грохот и густой запах серы*. — Он глянул на Роана и улыбнулся.

— *Он на вершине своей гибели. И гонят его по дороге...*

— А, оба вы чокнутые, — внезапно отвернувшись, сказал Форсайт.

Его лицо было задумчивым. Казалось, он обдумывал какую-то идею, которую Роан бы не одобрил — не посмел бы одобрить. Как и всегда, тут был только один выход.

Роан отошел от остальных, положив руку на кобуру и мрачно ощупывая ее. Ему даже не придется доставать оружие. С такого расстояния, он мог отлично стрелять прямо из кобуры. Ему нравился этот трюк.

— Ладно, Форсайт, — больше не заботясь о том, чтобы его голос звучал радостно или спокойно, — сказал Роан. — Джеллаби, вперед. Вы оба. Мы поднимемся все вместе, вы двое пойдете впереди. Безумный Джо...

Роан оценивающе посмотрел на Безумного Джо. Он подумал о том, что рано или поздно ему придется убить старика. Тот представлял опасность по многим пунктам. Джо мог вывести Форсайта и Джеллаби обратно на Земное шоссе, а ведь только страх перед джунглями заставлял их подчиняться Роану. С Безумным Джо в качестве проводника, он им был не нужен. К тому же, Безумный Джо знал о Горе слишком много. То, что он растрепал один раз, может растрепать снова, а Роан не хотел, чтобы на его месте стоял кто-то другой. Он задумчиво и не спеша гладил пальцем спусковой крючок, но потом решил, что момент еще не настал.

— Безумный Джо, — сказал Роан, — возвращайся и не мешай мне. С этого момента я устанавливаю правила.

Угрюмое лицо Форсайта скорчилось в задумчивой гримасе. Роану это не понравилось. Он угрожающе дернул бластером в кобуре.

— Форсайт... — сказал он.

Прищурившись, Форсайт поднял верхнюю губу и резко засмеялся.

— Безумный Джо, — не сводя глаз с Роана, обратился он, — с

горы ведет еще какая-нибудь тропинка?

— Только эта, — невозмутимо ответил Безумный Джо.

— И по-другому никак нельзя спуститься?

— Нет. Везде сплошные обрывы, кроме тех мест, через которые ведет тропа.

Форсайт, все еще притягивая к себе взгляд Роана, намеренно отошел назад, нашел удобный камень и сел, засмеявшись раздражающим грубым смехом, а его глазки продолжали злобно смотреть на Роана.

— Давай, — подстрекающе сказал он. — *Почему* ты не стреляешь?

Джеллаби, поняв, что происходит, тоже внезапно развеселился.

— Он не выстрелит, — объявил Джеллаби. — Только не в нас.

— С чего ты это взял? — с трудом сдерживая гнев, потребовал Роан.

— Потому что мы нужны тебе, вот почему, — решительно ответил Форсайт. — А ты нам нет. Ты бы не притащил нас сюда, если бы до Горы мог добраться один человек. Мы нужны тебе. Когда ты спустишься с Горы с кучей драгоценностей, мы понадобимся тебе больше, чем когда-либо. Ладно, ты обманом уговорил нас пойти. Это была твоя идея, а не наша. Иди на Гору и сражайся со своей адской рыбой сам. Доберешься до сокровища, отлично, мы разделим ношу с тобой. Если нет — тоже хорошо. Безумный Джо проведет нас обратно. Сам решай, Рэд. Ты сам этого хотел.

— *Мы* не стреляли в *д'ваньяна*, — добавил Джеллаби. — Нас не в чем обвинить. Мы поможем тебе тащить рубины и алмазы, но доставать их за тебя не будем.

Роан посмотрел на Безумного Джо. Старик безразлично улыбнулся.

— По одному, Роан, — пробормотал он. — Я же говорил. По-другому нельзя. Если ты пристрелишь меня, это ничего не изменит. Тебе придется идти одному.

КРУТАЯ КАМЕНИСТАЯ тропинка изгибалась вокруг наклонной скалы, и с нее, словно поток невидимой, прохладной воды, дул ветерок. Внизу, через бреши в тумане, виднелись вечно дрожащие джунгли. Низко висели фиолетовые грозовые облака и поблескивали далекие молнии. Пока Роан взбирался, его ноги оставляли на тропинке бледно-зеленые, розовые и лиловые подтеки — цвета раздавленных лишайников.

Он больше не видел оставшихся внизу. Но, впрочем, знал, о чем они думают. Знал, что они планируют, поскольку задумал бы

то же самое, будь он на их месте. Форсайт и Джеллаби не собирались рисковать, поднимаясь на гору, но, когда Роан спустится вниз с драгоценностями, они пристрелят его. Или, по крайней мере, попытаются.

Он подумал о спокойном, глупом взгляде Безумного Джо, смотревшего, как он поднимается по тропинке, пока туман не сделал его невидимым с подножья горы. Роан подумал о голосе Безумного Джо, бормочущем старые стихи.

Ты, молодость, добьешься своего,
Но час пробьет,
И, может быть, получишь, как итог,
Свинец в живот...

Роан негромко рассмеялся. Он чувствовал себя очень уверенно. Континенты облаков кружили под ним, как планета, которую он собирался покорить, добравшись до драгоценностей Горы. Странно, почему он так уверен, что добудет сокровище и раскроет тайну *д'ваньяна*. Вместо доказательств у Роана были лишь слова безумца, но, тем не менее, он не сомневался. В груди жгло, но причиной этому являлся не только крутой подъем. Его переполняло возбуждение, страх и яростное ожидание. В конце концов, Безумный Джо был прав — достигнуть кульминации своей жизни Роан должен один. Либо он выстоит, либо падет. Но он не падет.

Тропинка круто повернула. Он добрался до вершины.

Роан спокойно остановился и осмотрелся, прищурив глаза и насвистывая сквозь зубы, даже не сознавая это.

— *Кати не спеша*, — тихо пропел он, — *прекрасная колесница, давай, унеси меня домой.*

В небе виднелся остров. Окруженный стенами остров с широкими, просто широченными воротами, подобных которым Роан никогда раньше не видел. Через странную резную решетку он в сером свете, не отбрасывающем никаких теней, видел плоскую вершину горы. На плато шептал ветер. Сцена была спокойная и бесцветная, как металлическая гравюра, не считая поразительно голубого водоема. Безумный Джо не соврал. Вода была небесно-голубой, голубой в мире, никогда не видевшем неба. Десять метров в ширину, с водой цвета вечности, стоящей вровень с гладким искусственным берегом, пруд ждал Роана.

Он стоял на выступе широкого каменного полукруга со стеной за спиной. У стены было покосившееся строение, такое, как можно увидеть на рынке в Средиземноморье, дома, на Земле. Крыша из пальмовых листьев, держащаяся на ненадежных шестах,

крепящихся к стене, предоставляла убежище для фантастического сборища предметов, лежащих под свисающим природным навесом. Хижина была как сорочье гнездо с огромной кучей бесполезного хлама. Неподвижно лежа на земле под одеялами с бахромой, мирно спал квай.

Ожидающий, пока его съедят, как сказал Безумный Джо.

Роан с любопытством осмотрел содержимое лавки, являющееся набором мелочей жизни кваев, которые оказались достаточно важными, чтобы взять с собой в час смерти. Окруженный обломками непонятной венерианской жизни, квай спокойно дрыхнул. Он лежал лицом вниз, из-под кучи одеял виднелись только розовые пятки голых ног. Руки сомкнуты за головой, покрытой гладким мехом, как у тюленя.

Над ним, вися на гвоздях в стене, развевалась бахрома и плетеные ленты. Рядом стояла проволочная клетка с насекомым, похожим на мотылька, который ползал туда-сюда, тихонько щебеча. С резного шара из темно-красного дерева свисала цепочка с колокольчиками. В рамках неправильной формы были три совершенно бессвязных изображения. На длинном шнурке висел свисток. В банке с водой стояли три бесцветных цветка, каждый с двумя лепестками, загнутыми вниз заботливой рукой.

Ноги Роана беззвучно ступали по камням, но через секунду он заметил, что в тени поднятой руки квая открылся круглый желтый глаз и стал бесстрастно наблюдать за ним. Квай не пошевелился.

Слегка пожав плечами, Роан пошел к воротам.

СТЕНЫ БЫЛИ высокими и очень толстыми, такими толстыми, что проем ворот на самом деле оказался проходом семиметровой длины. Сами ворота паутиной перекрывали коридор от одного конца до другого. Здесь явно поработал паук, использующий блестящую и тонкую металлическую паутину. Роану это о чем-то напомнило. О чем? Извилистые нити — да, как те нити, что были вшиты в одежду *д'ваньяна*. От ликования его сердце забилось чуть быстрее, поскольку это было косвенным подтверждением слов Безумного Джо.

Теперь Роану предстояло понять, как пройти через ворота. Прищурившись, он посмотрел на верхнюю часть стены.

Слишком высокая, чтобы перелезть. Оглянувшись назад на квая, он увидел, что тот уже сидит, скрестив ноги, сжимая лодыжки руками и бесстрастно глядя на Роана.

Его немного напугало лицо квая. В нем явно виднелось высокомерие.

Это было лицо того, кто обладал большой силой в течение

долгого времени. Об этом говорила выдвинутая нижняя челюсть и повелительный взгляд. Как странно, что такой человек оставил жизнь среди своего народа и забрался на Гору с парой ценных вещей, составляющих ему компанию, пока не пробьет час...

Роан оглянулся на ворота. На этот раз ему показалось, что в паутине был узкий проход, словно вход в лабиринт. Он осторожно приложил руку, ощупал твердую, резную поверхность металла, нашел проем размером и формой с человека, и шагнул внутрь.

Роан стоял, напряженно вглядываясь вперед, пытаясь найти следующее открытое место. Он был уверен, что оно существовало, но, чтобы найти его, нужно было сосредоточиться на узорах. Через ворота дул ветер, который, проходя через паутину, что-то очень тихо напевал.

Секунду спустя Роан увидел следующий проход, двинулся влево, протиснулся между элементами дрожащего орнамента и встал в еще одном открытом месте в нескольких шагах от входа в лабиринт.

Это определенно машина, подумал Роан. *Какой-то хитрый ум создал ее с целью, которую не поймет ни один землянин, но это точно был работающий механизм. Он требовал максимальной концентрации, чтобы найти путь через него, и, как только разум расслаблялся, ворота начинали выдавливать непрошеного гостя назад к стартовой точке, мягко, ненавязчиво, почти незаметно.*

Роан продвигался вперед и останавливался на долгие минуты,

рассматривая блестящую паутину перед собой до тех пор, пока, под правильным углом, не становился виден следующий проход, свободный и незагороженный, ведущий еще на метр или около того глубже в металлические джунгли. Когда Роан делал шаг вперед, путь тут же сливался с остальным лабиринтом. Внезапно испугавшись, он обернулся, выискивая дорогу назад, через несколько минут нашел ее и понял, что забыл, как двигаться вперед. Снова найдя путь, он осознал вдруг давление

паутины, ярких причудливых узоров, скользящих мимо его лица. Ворота выдавливали его наружу.

Роан решительно сосредоточился на насущной проблеме, нашел путь дальше, протиснулся в него и снова начинал искать следующий проход. Так, очень медленно, он добрался до плато с другой стороны стены. Безмятежный водоем уже ждал его.

И ЭТО ВСЕ? — подумал Роан.

Он осмотрелся, стоя на голой вершине Горы. Только влажный, вздыхающий ветер просвистел ему в ответ. Больше не было ничего. За стеной ничего не скрывалось. Лишь гладкий камень, поросший пятнами разноцветных лишайников, и сам водоем, вечно открытый плаз, смотрящий в бесконечность.

Роан пошел к воде, остановился у края и глянул вниз.

Его сердце чуть не выпрыгнуло из груди.

По крайней мере, эта часть истории Безумного Джо оказалась правдой. Под глубокими, небесно-голубыми водами лежали звезды, подмигивающие зеленым и красным, синим и янтарным. Целые кучи драгоценных камней, как являющихся элементами украшений, так и отдельными сокровищами, толстым слоем лежали на песчаном дне водоема.

Затем глубоко внизу шевельнулась тень. Огромное толстое кольцо двигалось над другим таким же кольцом, медленно уходя в сторону. Это была только часть еще более громадной тени. Роан наклонился, чтобы приглядеться. Но вода была мутной. Он ничего не увидел...

О фауне Венеры на самом деле известно не так уж много. Земные исследователи ограничены узкими тропинками, а если в джунглях и есть опасные звери, они, в основном, избегают дорог и городов. О том, что может обитать в морях Венеры известно не больше, чем о том, что живет в глубинах земных океанов. Это существо было огромным, медлительным, тускло сияющим там, куда больше всего доходило света. Роан оценил его размеры так хорошо, как только мог, с учетом некой безрассудной осторожности. Оно было медленным. Возможно, не голодным, иначе квай за воротами не стал бы там ждать. Предположительно, существо должно было дать знак, когда будет готово принять квая. Или оно действовало согласно какому-то тайному расписанию? В любом случае, Роан был хорошим пловцом. К тому же он взял с собой нож.

— Если я сделаю хотя бы пару погружений и оба раза вернусь с сокровищами, то это будет хорошим началом, — расстегнув рубашку, пробормотал себе под нос Роан. — Потом найму корабль и вернусь сюда с оружием, чтобы убить это существо и

очистить бассейн. Может быть, если буду осторожен, то даже не разбужу его.

Затем он вспомнил о *д'ваньяне* и быстро, с тревогой осмотрел плато. Неужели Безумный Джо сказал трижды правду и один раз солгал? Водоем был небесно-голубым, как Джо и обещал. В нем находится богатство и обитает какое-то чудовище. Но величайшее сокровище, тайна *д'ваньяна* — где же она? В чем она заключается? Нет, Безумный Джо не лжет. Если он не сделал это невольно. Это возможно? Какая-нибудь смутная фантазия, привидевшаяся ему тут, пока он глядел в гипнотический глаз водоема? Нет, поскольку он, действительно, знает секрет. Он на самом деле легко может беседовать с *д'ваньяном*, и даже иногда оказывает на него влияние. Впрочем, неважно. По крайней мере, драгоценности тут. После их подъема будет достаточно времени узнать остальное.

Роуна охватила необъяснимая уверенность. Тайна была здесь. Он не видел осязаемых свидетельств, но нечто более глубокое, чем рассудок, подсказывало, что Безумный Джо не ввел его в заблуждение. В свое время секрет раскроется, как это случилось с Безумным Джо.

Роан вылез из штанов и, стоя у самой воды, закрепил на поясе длинный нож.

КАКАЯ ЖЕ мягкая и гладкая была эта вода. Совсем не такая, как обычная. Энергично гребя вниз, Роан раздумывал о цвете голубой бесконечности, через которую плыл. Он держал глаза открытыми, наслаждаясь приятной синевой и наблюдая вспышки цвета, сверкающие, как опавшие листья на дне колодца. Словно плыл к звездам по голубому небу. Роан чувствовал радость и легкость. Было странно даже думать о том, что он делил этот тесный водоем с чудовищем, чья форма и происхождение были ему неизвестны. Воду наполняла смерть, но он не боялся ее. Жизни и света там тоже хватало для того, кто достаточно храбр, чтобы дотянуться до них.

Драгоценности лежали плотными, яркими холмиками, делая дно неровным. Роану показалось, что широкая полоса, идущая посередине дна, была самым ровным участком, словно что-то — или кто-то — регулярно проползало по ней. Но глубокая вода скрывала все признаки того, что тут обитает какое-то чудовище. Возможно, оно спало. Возможно, просто держалось подальше.

Роан достал прочный, легкий мешок, куда он собирался складывать сокровища. Мешок обернулся вокруг руки, прилипнув, как водоросли. Чтобы удержаться на дне, Роан ухватился за тяжелый, полупогруженный в песок камень и понял,

что держится за резную статую, украшенную скользкими драгоценностями. Свое предназначение она выполнила.

Сколько же тут сокровищ, с неожиданной теплотой подумал Роан, перебирая их свободной рукой. Большие рубины, похожие на капли крови, цепочки полурастворившихся жемчужин, соединенных вместо алмазов, вделанных в вечное золото, ржавые ящики, из которых высыпались разноцветные украшения. Маленькие статуэтки с огромными изумрудными глазами. Слоновая кость, заросшая покачивающейся зеленой шерстью подводных растений. Стальные зеркала, изъеденные ржавчиной, когда-то отражавшие желтоглазые взгляды прекрасных девушек квай, которые уже сами давно покоятся в земле. Стальные кинжалы, выпадавшие из украшенных золотых рукоятей. Так много всего, слишком много. Богатство давило и кружило голову.

Роан с радостью водил свободной рукой по дну, усыпанному сокровищами, открывая взгляду еще большее количество драгоценностей под слоем песка, стараясь работать как можно быстрее, он отбирал самые большие и лучшие из них и закидывал в мешок. Огромные светлые глаза алмазов, шары, сравнимые по красоте со звездами, нити всех цветов радуги, ограненные капли невиданной яркости. Это было чудесно.

Это было как утро Рождества. Как пасха с ослепительными яйцами, так и ждущими, чтобы Роан взял их.

Его легкие запылали. Он развернулся и изо всех сил поплыл через светлеющую синеву наверх, к воздуху, таща за собой тяжелый мешок. Он ликующе засмеялся как раз перед тем, как выплыл на поверхность, затем задержался на некоторое время, отплевываясь и восстанавливая дыхание перед тем, как высыпать драгоценности па берег и нырнуть снова.

Сокровища засверкали ярче прежнего. Роан зарывался в них руками, выбирая самые красивые, и снова наполнил мешок богатством и величием этой планеты. Он выбрался на поверхность во второй раз, опустошил раздувшийся мешок и снова нырнул.

На этот раз Роан наткнулся на кучу ярко-алых капель, словно раскопав жилу чистого золота в горе хрусталя и серебра. Моргая из-за облаков поднимающего со дна песка, он погрузил обе руки в богатейшие кучи, пытаясь добраться до самых больших и дорогих драгоценностей, которые всегда лежали в глубине, так что ему приходилось зарываться по локоть.

В молочной дали показался длинный, медленный виток обеспокоенного песка. Вода пошевелилась, не сильно, но заметно.

Затем, с величественной замедленностью, что-то обхватило лодыжку Роана железной хваткой.

ОН СУДОРОЖНО изогнулся, позволив рубинам высыпаться из мешка. Они тонули медленным красным дождем в голубой воде, неторопливо вращаясь, пока Роан, осознав, что находится в неумолимом захвате, секунду боролся в почти смертельной панике. Хватка была тяжелая, грубая и холодная, как камень. И Роана тащили в...

Ему казалось невозможным, что через тучи ослепляющего песка, которые он поднял, пытаясь вырваться, начинает медленно просвечивать солнце. Мелькнула безумная мысль, что этот свет пылает в его голове, как символ неожиданности и страха. Тем временем, щупальце тащило Роана вниз, к свету, и, по мере приближения к нему, стало видно, что свет был подобен самому солнцу, ясный, яркий, бело-золотистый, мерцающий в воде, похожей на голубые небеса Земли. Голубое небо и солнечный свет — две вещи, которых на Венере нигде нет, кроме, возможно, этого места.

Легкие Роана пылали. В глазах все расплывалось от песка, воды и ужаса. В этот момент он не считал себя разумным существом. Он был лишь диким, борющимся зверем, бешено пытающимся вырваться на свободу.

Кинжал, висящий на поясе, верно следуя извивающимся движениям тела, наконец, ударил Роана по ладони, вернув ему рассудок. Его пальцы сомкнулись и, последним осознанным усилием, он вогнал кинжал глубоко в мутную воду, туда, где горело солнце, в толстое кольцо, ползущее по его ноге все выше и выше.

Роан почувствовал, как то, что держало его, дернулось. Он ударил снова. Вода забурлила, и стальная хватка на секунду ослабла. Вырываясь изо всех сил, ослепленный светом и тьмой, он снова воткнул лезвие в твердую плоть, невидимую, наугад, и на этот раз толстое щупальце размоталось и медленно, медленно, отступило в темноту.

Роан, не помня себя, понесся через пенящуюся воду, светящуюся воду, которая кипела песком и посверкивала искаженными отражениями странного солнца, пылающего на дне водоема. Он вырвался на поверхность, казалось, последней отчаянной попыткой, и вцепился в каменный край водоема, беспомощно болтаясь телом в пенящейся воде, думая о том, как скоро щупальце поднимется и вновь обмотается вокруг его ног стальными кольцами.

Рука схватила Роана за запястье. Две руки. Не поднимая головы, он слабо отталкивался от края водоема, но эти сильные руки спасли его. Шатаясь, задыхаясь, хватая ртом воздух, он,

наконец, вылез на сушу, растянулся на ней и пролежал так неизвестно сколько времени.

КОГДА ДЫХАНИЕ И ВОЛЯ вернулись к Роану, он открыл глаза и увидел на уровне своего лица ноги, обутые в сандалии, и кучу драгоценностей, лежащую между ним и ногами. Когда усталость чуть-чуть ослабила хватку, он начал медленно приподниматься, пока не сел рядом со сверкающей кучей сокровищ, глядя в лицо стоящему человеку. Роан незаметно двигал запястье к кинжалу, чтобы пальцы могли сомкнуться вокруг его рукоятки.

Квай не смотрел на него. Его лицо было все такое же самодовольное, но это самодовольство предназначалось не Роану. Третьи веки квая покрывали круглые глаза, и их взгляд сфокусировался куда-то за Роаном, ниже, в водоеме. Роан машинально посмотрел туда же.

Он не ожидал увидеть свет в бассейне. Но свет горел, сильный, очень яркий, очень отчетливый. Что-то в глубине не давало воде успокоиться. Внезапно поднялись волны, потом стихли и вдруг поднялись еще выше, выбросив голубую воду на камни. Затем появился огромный пузырь, который вскоре лопнул, и прямо из-под его яркого света, со дна водоема, и из центра мира, всплыло нечто. Холодное, спокойное, ослепительное великолепие.

И Квай заговорил приглушенным голосом.

— Тебя призвали? — спросил он.

— Призвали? — тупо повторил Роан.

Затем небольшая часть прежней уверенности вернулась к нему, и даже перед лицом открывающейся тайны он нашел в себе силы засмеяться.

— Призвали? О нет, — я пришел сам!

Двое оценивающе посмотрели друг друга. Даже через опущенные веки Роан видел холодное высокомерие в глазах квая и знал это, потому, что в его собственных глазах было нечто похожее. Но с небольшой разницей... квай пришел сюда смиренно, ведомый своей религией, чтобы принести себя в жертву. Роан снова рассмеялся и поднялся на ноги. Усталость все еще одолевала его, но отдыхать было некогда — пока некогда.

Он понятия не имел, что произойдет дальше. Только знал, что сможет справиться со всем, что его ждет.

Сброшенная одежда лежала у края водоема. Чуть дрожа на слабом, влажном ветерке, что дул на вершине Горы, Роан быстро надел рубашку и начал защелкивать заклепки одной рукой, одновременно шаря второй в поисках штанов. Ткань липла к

мокрой коже.

Он застегивал пояс с успокаивающей тяжестью оружия, висящего на нем, когда лопнул еще один огромный пузырь. А следом еще один. И еще. Поправив кобуру, Роан повернулся. Квай неподвижно стоял, а у его ног валялись драгоценности. Он тоже пристально смотрел на водоем. Вода кипела. Свет, подобный солнцу, поднимался все выше и выше...

В бурлящей голубой воде показалась чудовищная голова обитателя водоема. Медленно-медленно она поднималась, вода стекала с ее боков, и над ней было плоское, неподвижное солнце, холодно горевшее белым золотом, мерцающее, выбрасывающее кольца света. Постепенно угасающие, тускнеющие, расширяющиеся, они исчезали в окружающей напряженности, которую можно было почувствовать, но не увидеть. Кольца добирались до самого разума. Они осторожно проникали в него...

Как выглядело это существо? Роан не мог точно сказать, даже когда смотрел. Свет ослеплял его. Только знал, что это было настоящее чудовище. Покрытое чешуей и светящееся, оно, виток за витком, вытягивало свое огромное тело из водоема. Перед ним, незаметно, медленно, неуверенно, как первые лучи рассвета, расходились кольца расширяющегося света. Мысли Роана и квая выходили из их голов осязаемыми волнами, и излучение плоского белого солнца встречало их и провожало внутрь, словно по винтовой лестнице, неумолимо ведущей к центру и источнику всех мыслей.

Нежно, очень нежно. Но поднималась буря.

РОАН ЗАПЕР свой разум, яростно прогнав свет от своих мыслей. Он озадаченно отшатнулся. Затем кольца ринулись снова, и в разуме Роана не оказалось дверей, которыми он мог бы преградить им дорогу.

Огромное число сверкающих мыслей волнами прокатывалось в его голове. Драгоценности. Первая, последняя и единственная: драгоценности. И как теперь Роан мог надеяться добраться до них, когда это чудовище с короной из света медленно вылезало из водоема. И даже если он все-таки возьмет их, как он выберется с вершины Горы? Поскольку Роан точно знал, что кольца света едва шевелились, не показывая и десятой части своей мощи. Было невозможно представить их полную силу, если создание вылезет целиком, или как далеко от Горы они могут расходиться, обжигая, топя и парализуя разум.

Создание не было бессмертным. Роан ударил его ножом, и оно ослабило хватку. Конечно, оно не являлось обычным животным по любым земным меркам, но и сверхъестественным

его тоже нельзя было назвать. Он поранил его тогда и...

Величественно вздымающиеся кольца замедлились. В воде показался разрез в чешуйчатом боку. Чудовище остановилось и резко повернуло коронованную светом голову, чтобы уделить внимание вспышке боли. И Роан понял, что это его единственная возможность...

Квай так и не услышал, как он подскочил. Длинный нож Роана дважды сверкнул в тихом воздухе; сильные, точные удары, ускорившие смерть венерианина, все равно собиравшегося принести себя в жертву богу. Роан знал, что делает. Знал, куда наносить удары.

Когда бьешь в нужные точки, все заканчивается секунды за три. За эти три секунды квай только успел с тупым изумлением оглянуться через плечо.

Роан приготовился подхватить падающее тело прежде, чем подкосятся колени. Он аккуратно поймал его и перекинул через плечо, позволив телу сложиться вдвое, и рванулся вперед в ту же секунду, как присел.

Расчет Роана оказался идеально верным. Когда голова чудовища с солнцем, сверкающем на ней, повернулась обратно, брошенное тело квая безвольно упало прямо на гигантскую морду, повисело в таком состоянии несколько секунд и очень плавно соскользнуло на мостовую в лужу расплесканной голубой воды, тут же окрасившейся в красное.

Роан не стал тратить время, чтобы взглянуть, что происходит между жертвой и богом. Он работал руками, как робот, быстро и точно, собирая драгоценные камни и вслепую рассовывая по карманам. Он надеялся спуститься с Горы тяжело нагруженным, с рюкзаком и карманами, набитыми сокровищами. Но сейчас Роан строго сказал себе, что повторит зачерпывающие движения еще два раза — один раз — все...

Он решительно пихнул в карманы две последние горсти и на коленях пополз назад, не обращая внимания на синяки и острые камни, пытаясь не смотреть на чудовище и его жертву.

Но, задыхаясь, уже стоя перед воротами, Роан бросил быстрый, любопытный взгляд назад, прежде чем полезть в хитроумную металлическую паутину, лежащую между ним и свободой. Вот, в основном, для чего квай должен был умереть. Взять сокровища Роан мог и так. Но, даже если бы он и успел нагрузиться драгоценностями, кваю все равно пришлось бы умереть, чтобы дать Роану время справиться с воротами.

Он оглянулся лишь раз. Чудовище было наполовину в водоеме. Огромная голова с короной нагнулась, и свет начал лениво расходиться кольцами во все стороны. Существо, казалось,

не спеша разглядывало распластавшегося квая. И Роан увидел то, что ошеломило его до глубины души. Он не мог понять этого. Это было невозможно. Он полагал, что все это время чудовище будет завершать обряд жертвоприношения проверенным временем способом — бог будет пожирать свою жертву.

Но Роан увидел, что у бога нет рта.

МЕТАЛЛИЧЕСКИЕ НИТИ ворот мерцали, как замысловатая броня *д'ваньяна.* Снаружи, в хижине с соломенной крышей, где квай спал последний раз в своей жизни, в клетке жалобно щебетал мотылек. На Горе не было других звуков, кроме дыхания серого ветра и тихого позвякивания драгоценностей в карманах Роана.

Он быстро спускался по крутой тропинке, не зная, как скоро кольца света начнут пульсировать и покатятся за ним, ненавязчиво добираясь до потаенных уголков разума и зовя его назад...

Часть Роана хотела вернуться, потому что он выполнил только половину поставленной себе задачи. Или Безумный Джо все-таки соврал? Роан надеялся, что, когда будет спускаться по тропинке, он понесет двойное сокровище: драгоценности и знание. Пошло не так что-то, где-то, почему-то. В двери разума призывно стучала мудрость.

Извилистые нити ворот — извилистые нити мрачной одежды *д'ваньяна.* Ворота и одежда — и то и другое определенно было каким-то таинственным механизмом. Одежда управлялась волнами, выходящими из странного, нечеловеческого мозга *д'ваньяна*, ворота контролировались и открывались желанием Роана войти, пробраться дальше. Или по воле чудовища.

Дважды на Венере Роан видел солнце — один раз на голове существа, обитающего в водоеме, второй — когда он застрелил *д'ваньяна.* Разумеется, связь между Горой и *д'ваньяном* была прочной. Но не очевидной. Роан упускал, в чем ее смысл, где-то, как-то...

Но сейчас не было времени об этом беспокоиться. Он взял драгоценности. Позже, он вернется с оружием и подкреплением, и заберет из водоема все, что захочет. Если тайное знание, делающее всех *д'ваньянов* уязвимыми, находится здесь, а Роан думал, что так и есть, то он прихватит и его. С тем, что лежало у него в карманах, он может справиться со всем. Осталось только одно препятствие. Он задумчиво коснулся бластера и посмотрел вниз на тропу. Форсайт и Джеллаби. Они ждут его... нет, ждут того, что он несет. Роан понимал, что они считали его всего лишь тем, кто вытащит драгоценности из водоема и передаст им.

Где-то внизу на тропинке они встретят его, чтобы обсудить дележку драгоценностей. Он улыбнется, раздумывая, кого пристрелить сначала. То, что он выстрелит первым, казалось само собой разумеющимся. И со смертью Джеллаби — или Форсайта — равновесие сдвинется еще раз, и возвращение оставшегося в живых весь долгий путь по джунглям будет зависеть лишь от Роана. В одиночку это безумно опасно, не рискнув жизнью, нельзя было пройти. Требовалось, как минимум, двое.

Форсайт, — подумал Роан. *Если будет выбор, я убью Форсайта.*

Странно, что Безумного Джо он полностью сбросил со счетов.

БЕЛЫЙ ТУМАН лениво поднимался вверх, пока Роан спускался. Окинув взглядом неизмеримые километры, исчезающие в дымке джунглей, ему показалось, что он увидел, как вдалеке разок моргнул и больше не появлялся проблеск света. Туманное Утро, Флэттери, Суэнпорт... цивилизация. Как же далеко добираться туда.

Туман сомкнулся вокруг Роана. Он шел практически вслепую через белое облако. За каждым поворотом тропы скалы нависали, как ждущие статуи. Через некоторое время он достал бластер и взял его наизготовку, сняв предохранитель, зная, что подходит все ближе и ближе к опасной зоне, где его практически наверняка поджидает засада. Роан теперь шел очень осторожно, заглядывая в каждую щель, а все его чувства напряглись до невозможности. И вскоре, совсем не удивившись, он услышал тихий щелчок металла о камень недалеко впереди в тумане и понял, что момент настал.

Под ногой шевельнулся камень. Чей-то голос прошептал яростное предупреждение. Роан улыбнулся. *Форсайт первый*, подумал он. Это была напускная храбрость и ничего больше. Он знал, что просто выстрелит в первую дернувшуюся тень и понадеется на лучшее. Роан замер, прислонившись к каменной стене, его чувства напряженно пытались приоткрыть серую завесу, там, где на тропе его ждала смерть.

Вполне отчетливо в тумане, и над ним, и позади, раздались звуки шагов.

Роан прижался к камням, резко повернув голову. Это было невозможно.

Он подумал, что, наверное, так причудливо отражаются звуки в этом тяжелом, густом тумане. Роан убеждал себя, что ему показалось. Поскольку за ним никто не мог идти. По пути вниз он никого не встретил. А другой тропы наверх не было. И он убил единственного обитателя Горы, за исключением мотылька в клетке и чудовища в водоеме.

Но звук шагов опять отчетливо донесся чуть ли над самой головой, став ближе. Дело было не в эхе, и не в том, что ему почудилось. Кто-то шел за ним по крутой тропинке. Кто-то шагал обутыми ногами, громко стуча по камням и давя лишайники.

Туман вокруг внезапно стал морозным.

Квай был мертв. Квай точно был мертв. Но наверху не было других людей. На одну дезориентирующую секунду Роан подумал, что человек, так уверенно идущий по тропе, был он сам, безымянный незнакомец, дрожащий, прижимающийся к скале.

Он заставил себя высунуться и всмотреться туда, откуда он пришел, проклиная туман и в то же время благодаря его потому, что не был уверен, хочет ли на самом деле увидеть лицо того, кто идет за ним. Как уверенно ступали ноги по тропинке. Как быстро.

Туман стал еще гуще.

Люди внизу тоже услышали шаги. Металл звякнул о камень, словно кто-то неуклюже и торопливо поднял винтовку. Чей-то голос сердито прошипел. Под ногами покатилась галька. Засада была готова.

На кого? Или на чего?

Роан приложил руку к туго набитому карману и осторожно поднял бластер, а в его голове зашевелилась поднимающаяся паника. Преследователь приближался семимильными шагами.

В последний момент какой-то внезапный инстинкт подсказал Роану убраться с дороги. Он прижался к высокой каменной стене, являвшейся внутренним краем тропы.

Из тумана вынырнул *д'ваньян* и прошел мимо. Его черная одежда сверкала. Пустые, равнодушные, бесстрастные глаза безразлично посмотрели на Роана и отвернулись. Беспристрастные глаза издалека опять недолго взглянули на него, глаза, в которых не было разума или самосознания.

Но Роан узнал это лицо.

В последний раз на нем виднелся отпечаток высокомерия и гордости, как и на лице Роана. Но теперь квай был мертв. Роан знал это. Квай не мог выжить после ударов ножом, которые нанес ему Роан у края водоема, и чудовища, тыкающегося в него мордой. Чудовища без рта...

Значит, оно получило жертву. И теперь с Горы быстро и уверенно шел *д'ваньян*, чье лицо несло ту же самую непроницаемую маску самоотверженности и бесстрастного спокойствия, с которой ходили все *д'ваньяны*.

Маску — надетую кем?

С тошнотой и дрожью, Роан прислонился к камню, наконец, узнав секрет, и его начали окатывать волны холодного отвращения. Так вот *что* было источником *д'ваньянов*. Вот *чем*

кормили чудовище. Вглядываясь в потерянное, призрачное, стертое лицо *д'ваньяна*, он понял, почему «поставщики смерти» являются существами, находящимися между жизнью и смертью.

Но двое в засаде внизу не знали об этом. Роан задержал дыхание, дрожа, будучи не в силах вмешаться в то, что случится дальше, хотя он до самого последнего вихря в голове знал, что именно произойдет. Он уже проходил через это.

Внизу Роан услышал, как кто-то затаил дыхание, когда *д'ваньян* прошагал мимо и исчез в облаке. Это было вдохом человека, кладущего руку на бластер, висящий на бедре, и держащего его до тех пор, пока палец не перестанет давить на курок.

Перестал, и в тумане раздался громкий, гулкий треск оглушительного выстрела, когда Джеллаби выпалил в полуневидимую приближающуюся фигуру, которую он, катастрофически ошибившись, принял за Роана...

Туман раскололся, подхватил огонь и загорелся, как бело-золотое солнце. От этой вспышки ослепли и глаза и разум.

КОГДА К РОАНУ вернулось зрение, тропа перед ним стала чистой. Бластер Джеллаби лежал в трех метрах от владельца. Туман выгорел на добрых полкилометра вокруг солнечной вспышки расширяющейся энергии. И время тоже выгорело. Но насколько, Роан не знал.

Затем стремительное движение далеко внизу у начала тропинки подсказало ему ответ. Десять минут? Пятнадцать? Тридцать? Достаточно долго, чтобы Джеллаби и Форсайт успели вслепую добежать почти до края серого, вечно перешептывающегося леса у подножия Горы. Бессмысленная паника все еще управляла ими, и они неслись, как маленькие марионетки, дергающиеся на веревочках и видимые издалека. Кроме их собственного слепого ужаса, за ними не гнался никто.

Новорожденный *д'ваньян* остался невредим и виднелся еще одним манекеном вдалеке, который заходил в джунгли под углом, отличающимся от того, куда убежали Форсайт и Джеллаби. Он направлялся по своим нечеловеческим делам, отвечая на какой-то беззвучный зов, не слышимый ни одним человеческим ухом. Кто может знать, что призывает *д'ваньяна?*

— Ты обязан знать, Рэд, — сказал голос рядом.

Роан судорожно подпрыгнул, оглянувшись по сторонам. Как он мог не заметить Безумного Джо?

Знакомая фигура прислонилась к камню в шести шагах ниже по тропе, ничуть не пытаясь спрятаться, сложив руки на груди и глядя на Роана. Безумный Джо улыбался через густую бороду.

— Ты размышлял вслух, Рэд, — сказал он.

Роан неуверенно посмеялся. Голова все еще гудела, и все, о чем он думал или видел, было окутано каким-то призрачным туманом. Он сделал шаг вперед, в набитых карманах звякнули драгоценности. Мысль о сокровищах вернула к нему почти целиком здравомыслие, и в его сознании внезапно родился коварный план.

Драгоценности в водоеме принадлежали ему. Роан столько всего вытерпел ради них. Он спустится с Горы, догонит Форсайта и Джеллаби, убьет одного из них и в безопасности пройдет через джунгли. А потом... потом будет время подумать, что делать дальше. Но сперва он должен сделать кое-что еще. Безумный Джо однажды уже проболтался о Горе и ее сокровищах... теперь богатство принадлежало Роану и никому больше. Форсайт и Джеллаби тоже знали. Когда-нибудь придется заставить их замолчать. Безумного Джо — тоже. Причем прямо сейчас.

Роан попытался нащупать бластер. Кобура оказалась пустой. Во внезапной панике он посмотрел вниз. Безумный Джо никогда не носил с собой оружие. Значит, нож тоже подойдет.

Говорить об этом не было смысла. Безумный Джо улыбался, Роан машинально улыбнулся в ответ и одним отточенным движением выхватил нож из-за пояса и шагнул вперед. Его губы все еще кривились в бессмысленной улыбке, когда он приставил лезвие к определенному месту под ключицей Джо, где жизнь бьется так близко к поверхности, что один удар гасит ее навечно за считанные секунды.

Двигаясь, как во сне, Роан вогнал нож прямо туда.

Как странно, равнодушно подумал он, *что Безумный Джо даже не предпринял попытки защититься. Как же раздражает его спокойная улыбка.*

Молния слетела с кончика лезвия, когда нож скользнул по груди Безумного Джо. Не воткнулся, а именно проскользнул, оставив за собой холодный огонь...

Роан глупо поморгал, взглянув на разрезанную рубашку. И на то, что он увидел под ней. Облегающую черную одежду, поблескивающую извилистыми металлическими нитями.

— Это была не моя идея, Рэд, — тихо сказал Безумный Джо словно издалека. — На Венере, когда тебя призывают, нужно идти.

— Меня тоже... призвали? — шепотом спросил Роан и из-за звона в ушах едва расслышал ответ.

— Я рассказал тебе о Горе, не так ли? Это и был призыв, Рэд. Только сильные люди отвечают на него. Только те, которые могут пригодиться *ему*. Подними голову, Рэд.

РОАН ПОСМОТРЕЛ наверх. Кольцо света медленно обволакивало Гору. Света, как бело-золотое солнце, дрожащее в туманном воздухе. Оно мигнуло у лица Роана и исчезло. Но следующее кольцо, которое было шире и плотнее, проходя, дотронулось до его разума.

Все еще спокойно и сострадательно улыбаясь, Безумный Джо кивнул в сторону подъема.

— Иди, Рэд, — сказал он. — Закончи начатое. На Венере много работы, и кому-то надо делать ее. Я знаю. Я тоже занимаюсь ею. Тебя призвали. Иди.

Третье кольцо света проплыло мимо лица Роана, и мысли зашевелились под его черепом. Четвертое задело...

Внезапно руки Роана поднялись и сомкнулись на голове. Но под своими пальцами, под костями черепа, он почувствовал движение. Нет, не движение — излучение. Свет, яркий и ясный, бело-золотой, как солнце, и короткие и мощные микроволны, которые Солнце и звезды посылают через облака даже в этот мир, где никто не видит неба.

На мгновение Роан весьма ясно подумал о теплом, сияющем солнце в ярко-голубом раю. Недолгий приступ ностальгии вызвал воспоминания о мире под названием Земля, далеком, рассеивающемся в пространстве и памяти. Мире под названием Земля, где давным-давно жил человек по имени Роан...

Как его звали?

Он ступил на тропу, почувствовав под собой твердый камень, ища хоть какую-то опору в перевернувшемся мире. Перед ним было бородатое лицо. Он знал его. Оно всегда казалось удивительно знакомым под маскирующей бородой и каким-то еще более плотным покровом — спокойствием и безразличной умиротворенностью. Такая умиротворенность приходит, когда угасает сильная личность и на ее месте расцветает что-то другое. Нечто, похожее на свет, на сияющее золото, на белое пламя, колышущееся в мозгу. На этот раз Роан узнал личность, которая когда-то жила под этим лицом.

— Ты был Барбером, — сказал он. — Барбером Джонсом.

Безумный Джо улыбнулся и кивнул.

Руки Роана сильнее обхватили голову.

— А я... Я... — болезненно попытался выговорить Роан.

Но не закончил. Он был никем. У него не было никакого имени.

— Возвращайся, — сказал Безумный Джо из бесконечного далека. — Здесь тебе больше нечего делать. Совсем нечего.

Кольцо яркого света, расширяясь, прошло мимо него, и имя

«Роан» исчезло, а название «Земля» растворилось. Когда он покорно пошел вверх по тропе, в карманах зазвенели драгоценности. Последняя из ярких мыслей о могуществе потухла и вместе с ней исчезла нужда в сокровищах.

С пустотой в сознании он равнодушно вспоминал слово, безвозвратно потерянное в горящем свете его разума. Через секунду-другую он, кажется, наткнулся на то, что искал. Д... оно начиналось на д...

Д'ваньян.

Он долгое время стоял, прислонившись к камню, и ничего не делал. Один раз его губа дернулась в тут же пропавшем оскале неповиновения. Но затем он пошел, сделал неуверенный шаг вперед, потом еще один и еще, туда, откуда пришел. Это был путь, по которому он шел всю свою жизнь, путь к Горе, по крутой тропинке.

Сияя и переливаясь всеми цветами, драгоценности падали из его карманов одна за другой, пока он взбирался, отмечая места, где спотыкался на пути к Горе, водоему и существу, ожидающему его.

Золотое яблоко

Golden apple, (Famous Fantastic Mysteries, 1951 № 3), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

— КАЖЕТСЯ, из этого можно сделать отличную статью, — толкнув мне папку, сказал Макдэниэлс. — Скажи мне, что думаешь. Из Лондона привезли одну очень интересную находку...

— Чушь, — сказал я. — Такое каждый день происходит.

— Прошу тебя. — Его бледное лицо снова повернулось к лежащей перед ним газете.

— Ну...

Я протянул руку и лениво открыл папку. Деньги лишними не бывают, а мне этой ночью все равно было нечего делать. Голубые сумерки нью-йоркской осени переходили за окнами «Хроники» в ветреную ночь, по телеграфу не приходило никаких новостей, а идти домой мне пока что не очень-то хотелось. Так что я просмотрел папку из хранилища.

Ничего особенного она мне не рассказала, — обычная музейная чепуха. Вроде бы когда-то в средних веках неизвестный мастер сделал помандер[8] — полый, золотой ароматический шарик, инкрустированный полудрагоценными камнями. Говорили, что в своем роде это был шедевр, что его создатель был так же хорош, как и Челлини. В полом шарике, среди искусной резьбы, скрывалась хитроумная потайная защелка. Она оказалась скрытой так хорошо, что способ открытия шарика был утерян, предположительно, до 1890-го года или около того, когда какой-то музейный смотритель — собственно, тот, кто и написал эту заметку, — взял сосуд на выставку и решил попробовать открыть его. Несмотря на то, что он был специалистом в своем деле, это заняло у него несколько недель. Но смотритель нашел скрытую защелку и нарисовал схему, показывающую, как ею воспользоваться. По неразборчивой записи на папке, я понял, что мы купили статью смотрителя и его схему, но так и не напечатали ее.

В статье шла речь о древней истории, о том, что золотой шарик время от времени упоминался в древних рукописях. Его называли Золотое Яблоко — помандер, кажется, переводится, как яблоко — и оно, несомненно, стоило больших денег, как из-за тонкой работы, так и из-за стоимости материалов. И это все.

— И что? — спросил я Макдэниэлса.

Он даже не поднял голову.

— Какой-то парень по имени Аргил прилетел сюда на самолете. Кажется, он пережил бомбежку в Лондоне. Он прибыл к нам на восстановление и захватил с собой реликвию. Вот адрес. — Испачканная краской рука пододвинула ко мне обрывок бумаги. — Хочешь узнать, что тут можно нарыть?

Я ответил, что хочу, и потянулся к телефону. Телефонистка

соединила меня с Аргилом, и, когда я сказал ему, кто я такой и что мне нужно, он удивил меня, предложив немедленно приехать к нему. Это была удача. Так что я сунул статью смотрителя в карман и направился к соблюдавшему светомаскировку Гранд Централу — Центральному вокзалу — с парой наточенных карандашей и пачкой старых конвертов в качестве блокнота. Многого я не ожидал.

Я сел на линию «Лексингтон-авеню», но как только вышел на станции 86-ой улицы, услышал вдалеке завывание сирен синей тревоги.

— Ох-ох, — сказал я и прибавил шагу, надеясь добраться до дома Аргила прежде, чем придется искать убежище. Вой сирен становился все громче и громче, потому что к хору присоединялись все новые громкоговорители. Я едва успел. Аргил жил в большом доме рядом с Центральным Парком, и уличные фонари выключились, пока я поднимался на лифте, а вместе с переходом тревоги на второй уровень полностью отключили освещение.

В коридоре на двенадцатом этаже, где располагалась квартира Аргила, было темно. Через большие окна в обоих концах коридора виднелись спальные районы Нью-Йорка, превращающиеся из сверкающих утесов в черные силуэты на фоне неба. И это все, что я мог увидеть. Я не знал, куда идти дальше. Затем где-то открылась дверь.

— Мистер Расселл? — спросил чей-то голос. — По телефону сказали, что вы уже едете. Я Аргил.

— Хорошо. Где вы? Я ничего не вижу...

— Шагайте вперед, — вот сюда. — Меня схватила сильная рука. — Заходите, но осторожнее. Тут беспорядок, — я еще не распаковал вещи. Свет я тоже не могу включить — нет штор, черт побери.

Я услышал, как Аргил обо что-то запнулся. — Будьте осторожны, — со смешком сказал он, — не запнитесь о коробку. Вот мы и на месте. Прямо за вами кресло. Через несколько минут глаза привыкнут к темноте и сможете все увидеть. Осторожно, сейчас я включу лампочку.

Я ПРИЩУРИЛСЯ, но с большим трудом разглядел ее — обычная крошечная лампочка, используемая при светомаскировке, которая, казалось, была нужна лишь для того, чтобы сделать черное чуть менее черным. В ее почти невидимом свете я сумел едва разглядеть мебель и очертания моего спутника, казавшегося худощавым, — в такой темноте я не мог сказать что-либо еще.

Потом я услышал, как Аргил, слабо скрипя ботинками, ушел в другой конец комнаты, затем раздался звон стекла.

— Выпьете? Думаю, мы сможем пропустить по стаканчику даже в темноте.

— Спасибо. — Я взял стакан, который принес мне Аргил. — Не хочу навязываться, но, думаю, я застрял тут до утра.

— Рад, что вы составите мне компанию. Вы хотели побеседовать о помандере, не так ли? Я заметил, что им заинтересовался таможенник. Наверное, вы узнали о сосуде от него?

Я подтвердил догадку. Аргил рассмеялся.

— Так у этого предмета, и правда, длинная история, да? Я и не знал. Он попался мне на глаза в антикварной лавке. Давайте обменяемся информацией. Мне очень интересно.

— Справедливо, — попробовав брэнди, сказал я.

Напиток оказался отличным. Я перефразировал то, что прочитал в папке из хранилища, и Аргил пошел что-то искать в темноте, его ботинки тихо скрипели по ковру. Я не видел, как он подошел ко мне, но звука шагов было достаточно. Его рука опустилась мне на плечо.

— А, вот вы где. Протяните руку. Это Золотое Яблоко, но вам придется восхищаться им только наощупь. А что там о потайной защелке? Должно быть, она очень хитроумно спрятана, поскольку я ничего такого не заметил.

— Только специалист сумел найти ее, — повертев шарик в руках, сказал я.

Он был размерами с апельсин и имел твердую, резную поверхность, как металлическое кружево. Я почувствовал холод драгоценных камней.

— Подойдите к свету, — порекомендовал Аргил.

Я встал с кресла и согнулся над крошечной лампой. Несмотря на то, что свет был очень тусклым, я увидел маленькие огоньки, играющие на поверхности сосуда, а золото было покрыто приятным и сложным узором.

Помандер был очень древним, — я понял это по одному прикосновению к нему. Возможно, я бы никогда не заметил этого при дневном свете, но темнота, казалось, обострила остальные чувства. Покрутив Золотое Яблоко в пальцах, я сразу понял, что давно умершие руки — умелые, любящие руки — придали ему очень изящную, красивую форму. Гладкие, холодные драгоценные камни — аметист, лунный камень и много других, которые я не смог распознать — украшали орнаментом покрытое резьбой золото. Я подумал о сардониксе и хризопразе, кошачьем глазе и гиацинте, селените, меняющим свечение в зависимости от луны,

и мистическом мелоции, теряющем силу при соприкосновении с кровью. Гиацинт, перидот, безоар — эти названия всплывали из глубин моей памяти, принося с собой странный аромат ушедшего и давно забытого прошлого.

В этой реликвии заключалась настоящая магия. Пока я смотрел на слабое свечение Золотого Яблока, в нем зашевелилась древняя жизнь, глядевшая на меня бессчетным количеством холодных глаз, вся прелесть прошлого, сжатая в шар, с легкостью умещающийся в руке. В темноте в нем собралось все слабое свечение лампы, и теперь шар сиял, как солнце, которое могло взойти над магическими землями.

— Вы сможете найти защелку? — вернул меня к действительности голос Аргила.

— Не знаю. Может быть. Можно попробовать? — ответил я после некоторой паузы.

— Прошу. Там ничего нет. Хотя... вы знаете, если так подумать, вы не первый, кто говорит мне о потайной защелке. Не могу понять, почему я только сейчас об этом вспомнил... — Голос Аргила на секунду стих. — В Лондоне был один американец. Он сказал мне, что несколько лет назад уже изучал этот сосуд. Я пообещал ему показать предмет, но бедного старика убили до того, как мы встретились. Это случилось в тысяча девятьсот сороковом.

Я вспомнил ту ужасную осень.

— Неудивительно, что вы забыли, — сказал я. — Наверное, столько всего произошло, вам было не до того. Этот старик был смотрителем... — Я произнес название музея.

— А, да. Все верно.

— Он изучал сосуд еще в девятнадцатом веке, — сказал я. — У меня с собой его отчет. Все довольно просто, когда знаешь, в чем фокус. Но если нет...

Прочитав документ, я понял, как открыть сосуд, но даже тогда мои пальцы с трудом справились с его мелкими деталями исключительно тонкой работы. На все про все у меня ушло несколько минут. Затем Золотое Яблоко открылось в моих руках, развалившись на две половинки со специальными пазами. Оно оказалось полым.

Но внутри не было пусто.

Я уставился на многократно сложенную пачку... газетной бумаги? Но она не выглядела старой газетой. Наощупь материал походил на пергамент, но казался тоньше луковой кожуры, и на нем были надписи, слова на безошибочно узнаваемом современном английском языке.

— Вы ошиблись, — сказал я Аргилу. — Посмотрите.

Возможно, тут вы найдете зацепку.

Бумага хрустела, пока я разворачивал ее. Но Аргил, перегнувшись через мое плечо, выхватил находку прежде, чем я смог разглядеть хоть что-то в свете крошечной лампочки.

— Дайте мне, — сказал он странным, напряженным голосом.

С той же самой интонацией, с которой Аргил говорил, как в суматохе войны забыл о тайне, рассказанной ему старым смотрителем. Он взял светильник и почти ревниво отвернулся от меня, поднеся лампу к бумаге так близко, что она, наверное, обуглилась, пока он в тусклом свете пытался прочитать, что написано на ней.

В свете лампы я на секунду-другую увидел худой силуэт Аргила. Он был практически неподвижным, только бумага едва слышно шелестела. Затем я услышал его вздох — и глубокий, очень глубокий, почти беззвучный выдох, словно весь воздух из легких вышел за один прием.

— Что там? — спросил я.

— Дайте мне закончить, Расселл, — ответил он очень тихо. — Дайте мне... ох, это невозможно! Боже, это немыслимо!

Я почувствовал, как во мне проснулся журналистский инстинкт.

— Прочитайте вслух.

— Нет... нет. Сначала я сам! — Голос Аргила вдруг стал резким. — Вы все увидите... потом. Не мешайте, ради Бога!

Я ничего не сказал. Я наблюдал за ним из другого конца комнаты — силуэт на фоне крошечного шевелящегося пятнышка света, сидящий в дальнем углу так, что спинка кресла практически скрывала его от меня. Аргил продолжал читать с напряжением, которое чувствовалось в самом воздухе. Страницы неустанно шелестели. Я сидел в темноте, вертя в руках Золотое Яблоко и периодически пополняя стакан из графина, хотя мне каждый раз приходилось его нащупывать. Я был жутко взвинчен от ожидания, каждая секунда, казалось, длилась целую вечность.

Светомаскировка все еще держала Нью-Йорк в полной темноте, когда я услышал тихие звуки ботинок Аргила, шаркающих по ковру. Он поставил маленькую лампу на стол рядом со мной и положил рукопись мне на колени.

— Дайте мне Золотое Яблоко, — сказал он таким напряженным голосом, что я едва узнал его.

Я уставился на бледное овальное пятно его лица и черные, бесформенные контуры тела.

— О чем там говорится? — спросил я.

— Вы... сами прочитаете. — Аргил взял Золотое Яблоко. — Увидите, что... это объясняет все. Прощайте, Расселл. После того,

как прочитаете, то все поймете.

— До свидания. Постойте... Аргил... — Я смотрел на тень, идущую в угол. Я слышал, как стихли звуки его шагов, и как скрипнуло кресло, когда он сел. А затем...

В комнату ворвался порыв свежего воздуха, словно кто-то стремительно прошмыгнул мимо. Этот звук было не с чем сравнить, но каким-то образом, вполне определенно, я почувствовал, что секунду назад в комнате было два человека, а теперь остался только один.

— Аргил... — сказал я.

Тишина. Я понял, что его тут больше нет.

Я взял лампу и с ее едва заметной помощью нашел кресло Аргила. Оно было пустым. Я не слышал, как оно скрипнуло, когда он вставал, но теперь на нем никто не сидел. Я не слышал тихого шарканья его ботинок и знал, что он не проходил по ковру, хотя в комнате его больше не было. Осознание этого факта пришло не благодаря этим небольшим уликам, хотя я, наверное, услышал его, почувствовал его уход. Нет, дело было в моей крайней, неоспоримой внутренней убежденности. Физической уверенности, если вам так больше нравится. Он... погас, как свеча.

Вместе с Золотым Яблоком.

Я ОБЫСКАЛ квартиру. Наощупь вышел в коридор и позвал Аргала. Но он не появился. Когда я вернулся, рукопись, что была в Золотом Яблоке, лежала на ковре, где я уронил ее, когда вскочил.

Я собрал бумаги, а мой разум все еще ничего не понимал. Я понял, что ответ на загадку, если он вообще где-то есть, должен лежать в них. Я сел, держа маленькую лампу очень низко и напряг глаза, чтобы в тусклом свете разобрать, что написано на страницах.

Итак, я прочитал записи, которые нацарапал сам Джон Аргил в начале войны, пока на Лондон падали первые бомбы, когда он наткнулся на магию золотого сосуда, созданного неизвестным мастером, чьи кости давным-давно покоятся в земле. Мое ощущение, когда я в первый раз дотронулся до Золотого Яблока, было верным. В этом древнем, прекрасном предмете заключена магия, опасное колдовство, открывающее врата в утраченные грезы.

И, прочитав, я понял, что случилось с Джоном Аргалом холодной осенней ночью в Лондоне, в его квартире рядом с Кенсингтоном...

* * *

Война только начиналась. Немецкий блицкриг еще не развернулся на полную мощь. Америка тоже еще сохраняла нейтралитет. Агенты переплывали Ла-Манш, пытаясь уговорить Англию сдаться, но ВВС Великобритании уже приняли вызов.

Через год, думал Джон Аргил, он станет достаточно взрослым, чтобы тоже стать пилотом. Разумеется, год — это долго. За это время война может быть выиграна... или проиграна. Сидя у камина в вечерней прохладе, он вертел в руках Золотое Яблоко, глядя, как переливаются разноцветные драгоценные камни, и вспоминал разговор со смотрителем музея из Америки. Потайная защелка... Аргил с надеждой ощупывал резное золото, нажимая и тут и там. Свет камина отражался от множества граней шедевра неизвестного мастера. Почти гипнотические отблески. Он поднял сосуд повыше и стал медленно вращать его, наслаждаясь игрой света и блеска.

Золотое Яблоко... Золотые Яблоки Идунн[9], дающие вечную молодость богам Вальгаллы. Магия. Внутри что-то должно было остаться с тех самых древних времен, если бы он только мог найти защелку. Пальцы Аргила вертели и ощупывали золотую поверхность... он почувствовал, как что-то сдвинулось...

Бесшумно скользя по гладким пазам, Золотое Яблоко раскрылось в руках Аргила. И, внезапно, вместе с тем, как на Лондон опустилась сумеречная вуаль, слой за слоем его начало окружать заклинание древнего колдовства.

Он пристально смотрел на блестящую внутреннюю поверхность полого шара... Отражения были такими яркими, такими чарующими, что вся остальная комната сделалась темной. Маленькие пятнышки различных цветов, такие чистые, такие ясные. Но их искажали изгибы половинок шара. Аргил не посмотрел перед собой в поиске источника эти движущихся отражений. Он знал, что в комнате нечему отбрасывать такой свет. Кроме перемещающихся частиц яркого света, не существовало ничего...

Даже земли под ногами. Она перемещалась, по мере его ходьбы... Аргил делал большие, скользящие шаги, с головокружительной быстротой несущие его по земле, пока все вокруг дрожало. Воздух был наполнен серым дымом, который тоже колебался длинными, медленными волнами. Только светящееся зеркало золотого шара в его руках никак не менялось, и через некоторое время Аргилу показалось, что маленькие неправильные фигурки, двигающиеся внутри шара, начали

обретать форму...

Наверное, он очень долго шагал через сумерки, земля подавалась под ногами, а Золотое Яблоко лежало в руках, как Священный Грааль. Затем Аргил увидел поляну, зеленую, как бархат, с желтым солнечным светом, падающим на деревья, и стены странного маленького застывшего замка, чьи знамена стояли развернутыми и неподвижными, как при устойчивом ураганном ветре. Аргил пока видел его не очень четко, но изображение постепенно принимало форму...

Затем, с последним большим шагом, его нога ступила на твердую землю. Солнечный свет окутал его теплой накидкой, и, внезапно, отражения в Золотом Яблоке перестали быть бестелесными. Они сделались реальными, повторяющими окружающую сцену — бархатную поляну, усыпанную маленькими, плоскими цветами в форме звезд, замком с развернутыми знаменами и густым лесом позади. И что-то двигалось к Аргилу, летя над цветочной лужайкой, нечто, сияющее в солнечном свете.

Он совсем не удивился. Он был за пределами удивления или просто неподвластен ему. Сначала до конца у него ни разу не возникло чувства странности, нереальности происходящего, даже ни единого сомнения, что все это мог быть сон. Аргил просто знал, что это не так. Знал, что все по-настоящему. Он сделал глубокий вдох теплого, сладкого воздуха и оглядел маленький, до нелепости знакомый мир. Возможно, то, что он столько раз видел его прежде, помогло ему до конца поверить в существование этого мира.

Поскольку это было местом старых молитвенных книг, гобеленов и церковной живописи, таких же застывших сцен, как и те, что Аргил видел раньше, тщательно воссозданных любящими, но не очень умелыми руками средневековых живописцев. Здесь были деревья и фонтаны, которые он видел на ярких страницах хроник Фруассара[10], и вплетенные в заглавные буквы старинных малорианских текстов. Поляну покрывали те же нереальные, плоские цветы, что Ботичелли рисовал под ногами танцующих нимф. И теперь по траве бежала девушка...

Ее развевающиеся юбки позволяли увидеть стройные ножки, которым солнечный свет придавал ослепительное золотистое сияние, а платье могло похвастать богатством тиснения и вышивки ткани. На ее плечах лежал жесткий воротник из чеканного золота, а на голове — золотая корона, украшенная стилизованными лепестками лилий. Светлые волосы под короной аккуратно обрамляли печальное личико, а большие темные глаза тревожно смотрели в глаза Аргила.

— Ты все-таки вернулся! — воскликнула она. — Ох, ты вернулся! Ты вспомнил! — И затем, когда она подошла так близко, что смогла разглядеть его лицо, ее пыл угас, а плечи опустились под золотым воротником. — Кто вы такой? — сказала она совершенно другим голосом.

Аргил не ответил. Он не мог ничего сказать. Он ошарашенно стоял, осознавая, что за все то время, пока она говорила, ее рот ни разу не открылся. Ни разу.

И, тем не менее, ее голос была очень нежным, ясным... а речь не совсем английской. Язык вообще было невозможно определить. Аргил понимал смысл слов девушки также ясно, как видел в солнечном свете ее золотистую фигурку, но она не произнесла ни слова. А у него не было времени раздумывать об этом, поскольку то, что стучалось в двери сознания, внезапно прорвалось через них в полном объеме. На поляне слышался не только ее «голос». Воздух наполняли «голоса», которые было трудно уловить потому, что они не имели конкретного источника. Искаженные образы множества мыслей проносились в голове Аргила — крылатых мыслей в теплом воздухе наверху, над зеленым миром, оставшимся где-то внизу. Глубокие, насыщенные, призрачные мысли леса, коричневые, бегущие мысли одинокой воды. Мысли травы, крошечные, искаженные, рассредоточенные. Аргил слышал их, как слышат шумы летней ночи, множество невнятных звуков, сливающихся в тишину. Он знал, что за ними, наверное, скрываются мысли братьев наших меньших: зайцев, птиц и лис, такие дорогие сердцам средневековых художников. Он не видел животных, но улавливал их мысли.

И затем, на одно промелькнувшее мгновение, затмив все остальное, что дрожало в воздухе, сверкнула мысль красная и опасная, как свежая, теплая кровь. Промелькнула и исчезла. Аргил не смог подобрать аналог этой мысли в средневековых картинах. Прямая, слепая, убийственная мысль, яркая, как меч на свету, направленная на убийство и ни на что иное. В ней не было никакого разума. Только убийство.

Потом ужасная мысль исчезла, а девушка присела, чтобы сорвать цветок, ее юбки опали вокруг нее большим золотистым кругом. Цветок представлял собой шестиконечную звезду с желтыми лепестками, с желтым листком и стеблем, а в центре его трепетал алый треугольник. И внезапно Аргил вспомнил то, о чем и не думал до этого момента, — как четыре дамы карточной колоды держат цветочки в своих кулачках. Такие же маленькие цветочки, как и этот...

— Ты никогда тут раньше не был, не так ли? — отчетливо, хотя и без слов, спросила девушка. — Конечно, сюда никто не

возвращается...

Она посмотрела на него. У нее было средневековое лицо с круглым, как у детей, лбом, аккуратным маленьким ртом и большими, темными, раскосыми глазами, сейчас немного печальными. Она крутила цветок в пальцах и смотрела на Аргила.

— Они никогда не возвращаются, — снова сказала она.

— Кто? — спросил он, и его голос прозвучал необычно громко в этом тихом мире беззвучных мыслей.

Он беспокойно смотрел в лес, ожидая повторения опасной вспышки, сверкнувшей секунду назад.

— Кто не возвращается?

— Никто, — ответила девушка. — Даже Колдун, и тот не вернулся. В любом случае, я рада, что ты не такой старый, как он.

— Расскажи мне о Колдуне, — нежно попросил Аргил. — Я ничего не знаю об этом мире, как ты уже поняла.

Девушка посмотрела на него с озадаченной улыбкой.

— Странно, что ты так говоришь, ведь на тебе его одежда. Но я вижу, что ты не лжешь.

Аргил с удивлением оглядел себя. На нем было что-то незнакомое, старомодная туника, такая же фантастическая, как и ее платье, расшитая золотом, богатая, средневекового покроя. Только Золотое Яблоко связывало его с Лондоном, который мог оказаться сном.

— Другие тоже приходили в одежде Колдуна, — сказала девушка и слегка пожала плечами под золотым воротником. — Двое оказались старыми, и мне было все равно, когда они ушли. Молодой человек... ну, он исчез очень быстро, прежде чем я успела рассказать ему, как вернуться обратно. Мне было жаль. Увидев тебя, я на секунду подумала, что это он... но ты ведь тоже молод, да? Возможно, ты останешься.

— Возможно, — ответил Аргил. — Я бы хотел остаться... Почему тот молодой человек ушел так быстро?

— Он не хотел умирать, — сказала девушка и улыбнулась, продолжая крутить цветок. — Смерть, наверное, странная штука. Тут ничто не умирает, только то, что приходит снаружи.

— И из-за чего, — спросил Аргил, — они умирают?

— Из-за Змея, — задумчиво ответила девушка и посмотрела на желтый цветок. — Колдун создал его, когда строил мир. Думаю, он хотел, чтобы тут жили только мы с ним. Но сейчас... — Она вздохнула. — Временами здесь, действительно, одиноко. Этот мир такой маленький, и тут никто не живет, кроме Змея, крошечных созданий и меня.

— ДА КТО ЖЕ ТАКОЙ этот Колдун? — удивленно спросил

Аргил.

Девушка взяла его руку гладкими, холодными пальцами.

— Пойдем со мной в замок. Колдун оставил нас очень давно. Наверное, он уже мертв. Или снаружи прошло много времени? Здесь нет времени, знаешь ли. Он хотел, чтобы было именно так. Он боялся старости... Так что здесь всегда Сейчас. Но как только выйдешь наружу, перейдя через Трясущиеся Земли — ты все забываешь. Это как-то связано со временем. Только по чистой случайности Колдун нашел способ вернуться... — Девушка опять подняла взгляд на Аргила, а ее ротик чуть скривился. — Тебе рассказать, как он нашел обратный путь? Думаю, пока не стоит. Или, может, я должна...

Ее улыбка пообещала, что она расскажет. Пальцы девушки сильнее сжали его руку.

— А как насчет Змея? — бросив взгляд на лес, спросил Аргил.

— Ох, думаю, он сейчас спит. Он бы пришел за тобой раньше, если бы, вообще, знал, что ты тут. Возможно, в замке я сумею спрятать тебя.

Она сказала это так беспечно. Смерть ничего не значила для нее, как и течение времени. И Аргил мог только идти рядом с ней по усыпанной цветами траве, а непривычная туника цеплялась за колени при каждом шаге.

Аргил не спал. Все было живым и реальным, но он не боялся опасности, которая, как он знал, скоро придет за ним. Пальцы девушки потеплели, а, пока они шли к замку в летней тишине, ее печальное личико озарилось улыбкой.

Вскоре он понял, что она имела в виду, когда сказала, что в этом безымянном мире всегда Сейчас. Время тут ничего не значило. Возможно, они шли до замка несколько часов, а может быть всего секунд десять. По воздуху лениво плавали нечеткие, рассредоточенные мысли маленьких существ, населяющих этот мир. То и дело их рассекала вспышка убийственного света. Вероятно, Змей, в своих снах... Но девушка то и дело выразительно косилась на Аргила, ее пальчики нежно держали его руку, а печальное личико тронуло его сердце своеобразием и одиночеством.

— Вскоре ты уйдешь, — сказала она через некоторое время. — А я снова останусь одна. Если я расскажу тебе, как сюда вернуться, — ты придешь? Я бы хотела этого.

— Расскажи, — ответил он. — Обещаю. Я приду.

И она объяснила. Все было очень просто. Взяв Аргила за руку, она провела его через зал замка в круглую, обшитую панелями комнату со столом и в центре него пером, воткнутым в резную коробочку с песком. На столе был пергамент и сосуд с

фиолетовыми чернилами.

— Все это принадлежит Колдуну, — заметила девушка. — Но, думаю, он уже мертв... Можно вернуться только, если ты помнишь, как, так что ты должен написать, как сюда попал и о тайне Золотого Яблока, а также, что лежит за Трясущимися Землями, чтобы вспомнить о своем обещании и обо мне... Садись и пиши, Джон Аргил, и, надеюсь, ты никогда не забудешь об этом, как забыли все остальные. Пожалуйста, Джон Аргил, помни меня!

Итак, он начал писать, а жалобный тихий голосок звенел в его голове. «Пожалуйста, помни меня!» Грусть в ее голосе пронзила Аргилу сердце, пока он царапал пером давно умершего Колдуна по его же листам пергаментной бумаги, описывая ее красоту и одиночество так, чтобы не забыть снова, описывая странное великолепие этого мира и опасность попасться на глаза Змею, чтобы не забыть и это.

Аргил исписал фиолетовыми чернилами три листка бумаги, пока время замерло в тишине заколдованного замка. Только, когда он почти закончил, в его сознании, внезапно, возникла очевидная мысль.

— А почему ты должна оставаться тут? — воткнув перо в песок, пропитанный фиолетовыми чернилами, спросил Аргил. — Почему не можешь пойти со мной?

Девушка покачала головой с золотой короной.

— Когда закончишь, — сказала она, — сложи пергамент и помести его в Золотое Яблоко, потому что это единственное, что ты принес сюда, и единственное, что сможешь забрать с собой. Нет, я не могу пойти с тобой. Здесь мой дом. Я умру в Трясущихся Землях. Ничего не может покинуть этот мир, и ничто не может жить тут хоть сколько-нибудь долгое время, кроме Змея и меня.

Ее печальный вздох сотряс золотой воротник на плечах. Захрустев пергаментом, Аргил резко поднял голову. В тихом воздухе помещения, он поймал промелькнувшую мысль, более яркую, чем мысль девушки.

— Змей? — спросил он.

Девушка выпрямилась, а ее глаза задумчиво устремились куда-то вдаль. Затем она кивнула.

— Кажется, он пробудился, — ответила она. — Так ты вернешься? Возможно, скоро он опять заснет, после того, как ты уйдешь. И я останусь одна. Ты не забудешь обо мне?

— Обещаю, — сказал Аргил. — Я вернусь. Но...

Острая и пронзительная мысль об убийстве снова промелькнула в тишине. Ярко-алая мысль, такая, что Аргил почти увидел в воздухе ее цвет. Пришло время уходить. Причем быстро!

Он запихал хрустящие листы в Золотое Яблоко.

— Покажи мне дорогу, — сказал он.

И девушка подчинилась, быстро двигаясь в своих пышных золотых юбках. Ее пальцы вцепились в его руку почти что отчаянно, а невеселое личико взглянуло на Аргила, и она торопливо повела его по комнате и дальше по залу до двери. А затем они бежали по траве, опасность же, грозящая из леса, наэлектризовывала воздух за их спиной.

Под ногами мелькали яркие цветы. Впереди уже виднелись Трясущиеся Земли, под солнечным светом серый воздух вибрировал у стены, а земля под ней двигалась толчками. Девушка сжала Золотое Яблоко в руках Аргила. Встав на цыпочки, она обхватила его шею и прижала свои губы к его губам.

— Пожалуйста, возвращайся. Пожалуйста, помни меня!

Позади нее Аргил заметил яркое, ужасное алое существо, выползающее из леса. Создание чудовищной красоты, цвета крови, такого чистого и ясного, что, казалось, эта краснота дрожит, как сама жизнь. Аргил едва смог отвести глаза.

— Беги! — закричала девушка. — И... помни!

Но Аргил не собирался бежать. Он вспомнил, что девушка рассказала ему о Трясущихся Землях, и возможность победы над Змеем внезапно ослепила его. Если бы он только смог выманить Змея на эту содрогающуюся, тусклую пограничную землю...

Пока Аргил стоял в тени, оно ползло к нему, словно алая река свежей крови, текущая по зеленой траве. Создание было прекрасно, как, наверное, Змей Эдема, и столь же опасно. Оно подняло величественную блестящую голову и беззвучно зашипело, а мысль об убийстве, рожденная в бессмысленной голове, встряхнула Аргила так, что он развернулся и побежал.

Змей последовал за ним. Его ужасная целеустремленность была подобна молнии в туманном воздухе, и эта мысль не переставала греметь в голове Аргила. И только от этого становилось страшно, не считая огромных скользящих колец змеиного тела, неотступно преследующих его. Неустойчивая земля качалась под ногами. Аргил стиснул Золотое Яблоко и продолжал пробираться вперед, то и дело оглядываясь и видя, что алое пятно никуда не делось, а, напротив, неумолимо приближается.

— Джон Аргил — возвращайся ко мне! Помни меня, Джон Аргил! — тихонько прозвенел в его сознании голос девушки.

Но это был очень отдаленный голос, уже больше похожий на воспоминание, чем на мысль, а Аргил, тем временем, начал видеть отблески камина в своей комнате в Лондоне, которую он покинул Бог знает сколько времени назад. В сознании Аргила

лениво закрутились туманные воспоминания, смутные, рассеивающиеся..

ВСЕ ТАК и должно было завершиться, хотя текст закончился раньше. Возможно, Змей умер в Трясущихся Землях, подумал я. Может быть, дорога назад теперь открыта, поскольку Аргил исчез. Я знал, что, в конце концов, он сдержал свое обещание, что они с девушкой, вероятно, в этот самый момент уже стоят на странной зеленой траве посреди цветов, со средневековым солнцем, купающим их в тепле, и нет больше Змея, чтобы испортить этот Эдем...

Вой сирен снаружи вывел меня из транса. Содрогнувшись, я вернулся в свой мир, услышал свистки полицейских, увидел свет за окном и то, как пробуждается Нью-Йорк.

Раздался щелчок. Я подпрыгнул. Зажженные фонари показали мне Джона Аргила, держащего руку на выключателе, с видом полного ошеломления, сделавшего его лицо похожим на бледное полотно.

Посмотрев на него, я сразу понял, что произошло. Думаю, я понял это даже быстрее, чем он сам. Он все еще был потрясен случившимся. Но, когда Аргил взглянул на то, что было за мной, я увидел, как на его лицо опустилось понимание, и, еще не успев повернуться, я понял, что висит на стене за моей спиной. Я знал, что он там увидел. Зеркало и свое лицо. Лицо, которое девушка из магической страны даже не вспомнила...

Да, Аргил вернулся к ней. Он сдержал обещание, сделанное, когда волшебство открыло путь к ней в начале войны. Но это была другая война. В 1914-ом над Лондоном тоже кружили немецкие бомбометатели на аэростатах... Только через тридцать лет Джон Аргил сумел найти ключ к своей мечте.

Итак я понял, что он увидел в глазах золотой девушки, Королевы Червей с желтым цветком в руке. Юная, в мире, созданном из страстного стремления Колдуна к вечной молодости, с Золотым Яблоком, обещающим бессмертие богам. Богам, но не простым людям.

Я понял, что она не узнала его. Тридцать лет промелькнули для нее как миг в мире вечного Настоящего. Я хотел узнать, умер ли Змей, и свободен ли проход для другого человека — молодого парня, более удачливого, чем Аргил, — открывшего секрет золотого сосуда и прошедшего через Трясущиеся Земли в крошечный мирок красоты и одиночества, где девушка в золотом платье все еще ждет молодого Джона Аргила, который никогда не вернется.

Он отвернулся от меня и от зеркала. Я услышал, как что-то

стукнулось о ковер. Из руки Аргила выпало Золотое Яблоко Идунн.

SCIENCE
FICTION Quarterly
NOV.
132 PAGES
25¢
WE SHALL COME BACK!
by C. H. Liddell
THE BLACK ALARM
by George O. Smith
THE BELT
by Wallace West
ALL STORIES NEW
No Reprints

We shall come back, (Science Fiction Quarterly, 1951 № 11), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

1

Человек: Существо, обладающее наивысшим уровнем развития среди всех животных, главным образом характеризующееся исключительным умом. Данный вид представлен только человеком. Американский словарь для высших учебных заведений.

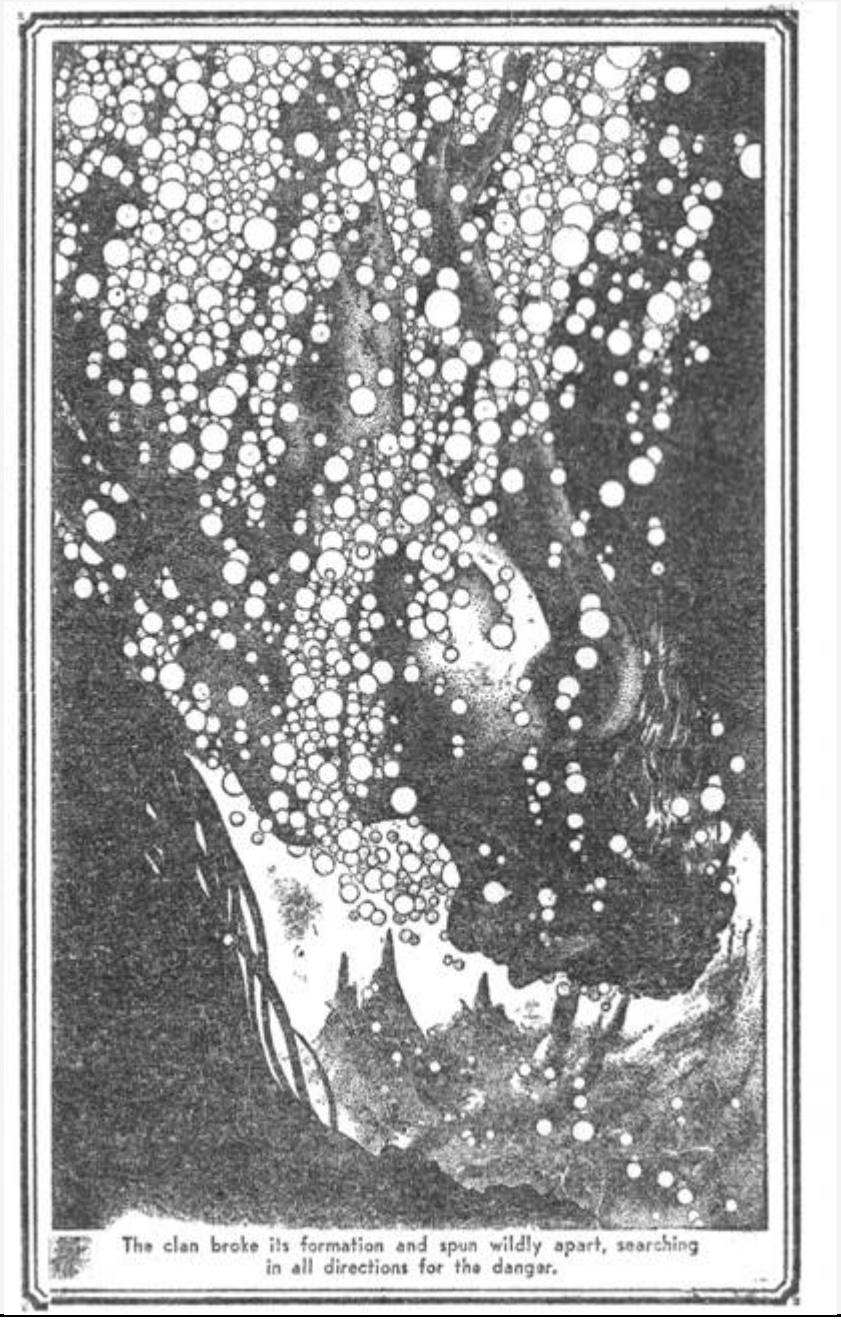
Человек — самое развитое животное из всех существующих или когда-либо существовавших на Земле животных. Новый международный словарь Уэбстера.

ПЕРВЫЕ БЕЗЗВУЧНЫЕ предсмертные крики раздались, когда вспыхнули убийственные огни, взорвавшись красным эхо в каждом воспринимающем разуме. Маленький клан людей, головокружительно несшийся вниз вместе с подводным течением, на секунду впал в истерику, пока неотступно следящая мысль Рэна не призвала всех к порядку.

Суматоха прекратилась, клан собрался вместе, скользкие, бледно-серебристые существа, дрожащие над своими тенями на зеленом песке морского дна. Прижавшись поближе друг к другу, они увидели и услышали резню, жертвой которой стало родственное племя более острыми чувствами, чем зрение и слух. Та же гибель могла настичь и их самих еще до вечера, и они знали это.

Они ждали, покачиваясь на воде, пока далекие фонтаны огня падали на поселения других кланов, сметая всех на своем пути. Даже не глядя, они видели разноцветные звезды, мчащиеся к своим целям, а крики умирающих больно отзывались во внутреннем ухе каждого слышавшего. Глухо отражаясь, как похоронный звон, пробивающийся сквозь эти вопли, доносился стук железного сердца Разрушителя. Племя содрогнулось, когда услышало его, — даже Рэн содрогнулся, — на самом пороге слуха Рэн уже давно узнал его.

Слепая, бессмысленная, животная паника призывала их рассеяться и бежать, сколько есть сил. Инстинкты требовали того же. Рассудок говорил ждать.



The clan broke its formation and spun wildly apart, searching in all directions for the danger.

WE SHALL COME BACK

FEATURE NOVEL OF WORLDS TO COME

By C. H. Liddell

Dim were the memories of Man's greatness in this latter day, when humanity had returned to the sea for refuge. But Ran knew there was hope, if he could fulfill his mission—if he could keep his tribe men...

Затем в воде двинулось что-то огромное — мощное, спокойное биение, которое ударило раз, второй, третий... и стихло. Это было «Мыслью глубины», безликой, как Гольфстрим и такой же могучей. Маленькую группу людей подбросило так, словно с океанского дна дунул ветер.

Что-то в глубине разума Рэна переняло отвагу у этого спокойствия и оттащило его от края темной бездны, где все племя стояло на едва заметной границе между инстинктами и рассудком, где инстинкты кричали оглушительно, а глас рассудка был таким тихим и холодным, что лишь человек мог расслышать его. Не зверь — человек.

Старое осознание долга снова медленно пробудилось в разуме Рэна, и он повернулся в воде, обращаясь к другим членам клана. Его долг был не только перед своими людьми, но и перед чем-то более важным, чем все они, чем он сам, перед непредсказуемым будущим, о котором он знал только легенду и пророчество.

Он должен сохранить свой народ людьми.

Они уже близки к тому, чтобы стать морским животным, находясь у самого низа длинного склона, по которому много тысячелетий спускалась вся их раса, назад, в воду, откуда они вышли вначале, назад, к бессмысленной глупости зверя. А преследователи, охотники, убийцы неумолимо выдавливали людей к последней двери внизу.

Рэн распрямился и созвал клан усилием разума, не произнося ни слова.

— Пока все хорошо, — терпеливо пояснил он. — Они еще не нашли нас. Нам надо бежать: если доберемся то города, то окажемся в безопасности. Не прячьтесь! Следуйте за мной, держитесь вместе, и все будет хорошо.

Возможно, это была ложь, и все, кроме самых глупых, знали это, но бывают времена, когда лучше ложь, чем правда во всех отношениях.

Подводный город представлял собой убежище, где любой мог выглянуть из окна на сотом этаже над мостовой и, при некоторой удаче, успешно спрятаться даже от коварных Разрушителей, прибывающих из Воздуха.

К тому же, там был какой-то другой вид безопасности, хотя даже Рэн не мог описать его словами. Каким-то образом, в подводных городах, которые построил его собственный народ много лет назад — в другой эре, — племя, казалось, стояло дальше от смертельной черты. Каким-то образом, повторяющиеся, почти непреодолимые волны, побуждающие к бессмысленным действиям, здесь ощущались гораздо слабее, чем в открытом море.

В этих долгих, тусклых сумерках планеты, народ Рэна был очень близок к точке, где человечность оставит их навсегда. Рэн, как и другие, знал, что такое сильные порывы чистого инстинкта перед лицом опасности. Но он понимал и свою ответственность, а в подводных городах ощущал ее сильнее всего. Качаясь в темноте океанских ночей, ему даже снились фантастические подвиги, как, вместо того, чтобы бежать, он решительно ждал прибытия Разрушителя, пока тот спускается на дно. Сны, в которых он был не совсем Рэном, а, возможно, сразу всем племенем, а, может быть, частью подводных городов и единственным защитником расы людей.

Ничто на Земле никогда не бросало вызов Разрушителю — ничто, что надеялось выжить. Тем не менее, Рэну снились такие сны, поскольку в грезах не было ничего опасного, даже если бы их можно было контролировать.

Он с трудом выдавил из себя сеть мыслей и направил ее на племя, вставляя между их мыслеобразами свои: отдаленную резню, обагряющую воду, и прислушивающиеся разумы. Рэн побудил свой народ к движению и собрал их в толпу, стремительно понесшуюся вниз по длинному склону к подводному лесу, подальше от средоточия опасности. Его разум одновременно трогал сознания всей группы настойчивыми, быстрыми, успокаивающими изображениями, которые не имели

формы, а были только клановыми символами, приказывающими бежать.

МЫСЛИ ПЛЕМЕНИ мерцали в сознании Рэна, как прикосновение холодных, неуверенных пальцев. Страх, усталость, трепещущие мысли женщины с серебристым мехом, которая никогда прежде не бежала так долго и не ощущала такого страха, дрожь покрытого мехом ребенка, беспорядочные мысли глупцов. И, среди всего этого, ровная, безропотная твердость более старых членов клана, поддерживающих мысли Рэна, не задавая вопросов, потому что они выбрали его в качестве предводителя и знали, что выбрали правильно.

— Быстрее, — говорил он своему племени. — Не отставайте! Быстрее! Если поторопимся, доберемся до города к полудню. Бежим, бежим, бежим! Я знаю, что вы устали. Когда достигнем Белой Расщелины, где растут моллюски, сможем передохнуть. Вам хватит сил добежать дотуда, у Белой Расщелины мы отдохнем. Не останавливайтесь!

Слова ничего не значили. Рэн использовал их, чтобы заглушить крики далекого племени, от которого сейчас не доносилось ни одной членораздельной мысли. Были только бессмысленные всполохи, наполненные паникой, дико мечущиеся серебряные дуги морского народа и огненные арки преследующих звезд, от которых не было никакой защиты — разноцветные вспышки и крики умирающих. Рэн не ощутил ни одной мысли их предводителя, если тот вообще выжил. Конечно, подумал Рэн, все не должны были умереть, если их лидер проявил мудрость. Некоторых он мог послать в укрытие, или самых выносливых отправить с детьми вперед, пока остальные навлекали бы на себя огонь Разрушителя. Но это все было за гранью мышления, за пределами сознания, это уже были морские животные, а не люди, чьи смерти вызывали взрывы мыслей в головах слушающих.

Итак, племя Рэна бежало во имя лучшей и самой древней причины, сквозь ясный подводный рассвет, начинавший сиять зеленым от просвечивающего сверху утреннего солнечного света, где жили и правили миром Чужие. Племена ничего не знали ни о Чужих, ни о Воздухе, кроме того, что это от них приходили неумолимые железные Разрушители. Они ничего не знали о том, что лежит в Огромных Глубинах, откуда медленно и спокойно поднимались «Мысли». Племена знали только свой водный мир, где тут прятаться и как спасаться, когда спускаются Разрушители. Как, если повезет, сохранить свою жизнь, когда Разрушители уже нашли тебя. От другого племени удача отвернулась.

Сейчас от них уже не приходили никакие мысли.

Затем, в пенящихся водах, в безумной панике, криком посылая сообщения, показалось серебристо-голубое тело, плывшее к ним через раскачивающиеся джунгли, разрывая коричневые листья.

— *Бегите! Бегите! Бегите!* — слепое от страха, вопило существо.

Клан нарушил строй и рассыпался в стороны, высматривая во всех направлениях опасность. Рэн послал сигнал быстрее и дальше всех, прощупывая путь назад, вдоль линии движения беглеца, на предмет железного существа в форме торпеды, беззвучно скользящего к ним.

И ничего не засек. Разрушители еще не ушли, но держались далеко, и никто из них, казалось, еще не ощущал присутствия убегающего клана. Эта суматоха могла с легкостью привлечь их. Рэн распушил мех, чтобы уловить движения воды, снова его пригладил и резко двинулся вперед, собираясь догнать новоприбывшего.

Это был крупный человек, с мехом голубого оттенка и полубезумными мыслями, расходящимися по воде, как рябь, и улавливаемыми слуховыми рецепторами разумов племени, слишком напуганного и уставшего, чтобы попасть под их влияние. Рэн почувствовал, как они трясут поводья, которые он на них накинул, и подавил свой гнев, потому что это лишь еще больше распалит их.

— Молчать! — строго приказал Рэн, в основном обращаясь к новоприбывшему. — Молчать! Следуй за нами, но ничего не говори.

Человек развернулся в воде и увидел его. Он рванулся вниз быстрыми, резкими гребками, неся на своем меху отчетливый след крови, насчет которого было невозможно ошибиться. Разделенные каким-то полуметром, двое примерялись к друг другу.

Так Рэн встретил Дагона, предводителя исчезнувшего племени, а сейчас уже вождя без племени.

РЭНУ НЕ ПОНРАВИЛОСЬ то, что он увидел в темном сознании, так долго обладавшем неоспоримой властью. Там скрывалась сила и некоторая отвага, но не было никакой дисциплины, а отвага рассыпалась перед Разрушителями. *И, когда отвага покидает Род Человеческий*, осторожно подумал Рэн, *то что остается? Только слепая ярость, как у акулы.* На секунду он увидел блестящие тела своего народа, как стаю рыб, неразумную, делающую последний смертельный шаг по дороге, ведущей к забвению расы.

Вихрь мыслей о панике, бегстве и смерти, вырывающийся из разума Дагона, чуть не увлек Рэна за собой. Было так легко уступить страху, так легко бросить племя, убежать, не помня себя, поддаться беспричинной панике и, в конце концов, попасться на глаза Разрушителям.

Было легко сделать то, что совершил Дагон. Но, конечно, когда человек видит, как все его племя погибает от единого вала взрывающихся звезд...

— Присоединяйся к нам, — сказал Рэн так спокойно, как только мог. — Мы найдем убежище, тут недалеко есть подводный город...

Но Дагон привык править, а не исполнять приказы. Его мысли испустили дикий крик, наполненный ужасом, призывающий к беспорядочному бегству — причем без оглядки на других. Пара молодых и менее устойчивых к таким мыслям соплеменников Рэна бросились в разные стороны, в панике молотя руками по воде, взбивая пену и разрывая коричневые листья водорослей, готовясь нырнуть, только завидя убежище.

Рэн опустил голову, напряг истощенные мышцы и со всей силой ударил мощным плечом по шее Дагона, точно между головой и ключицей. Рэн раньше много дрался, — он знал куда бить.

Бешеный поток мыслей Дагона прекратился на мгновение — короткое, но очень важное мгновение. В эту пустоту Рэн направил свой собственный разум, излучая знакомые клану мысли об единстве и спокойствии.

Разрозненное племя немного сплотилось, заколебалось, помешкало, а затем собралось в кучу, ожидая дальнейших указаний. Мысли Дагона вновь обрели форму после внезапного секундного молчания. Но он мешкал, колебался. Рассудок оставил его, и Рэн победил — на секунду.

— Идем, — сказал Рэн и мощно оттолкнулся ногами так, что инерция потащила его к колеблющемуся клану. — Тише! Следуйте за мной и не нарушайте строй. Вы знаете дорогу до расщелины.

Внезапно, Дагон развернулся и поплыл за послушным племенем. Его мысли имели красноватый оттенок, но он двигался вместе со всеми.

В воде что-то шевельнулось. Не металлическое биение, говорящее о Разрушителях. А обширная, спокойная пульсация, прошедшая через весь океан медленным и мощным приливом... И прекратилось. Они опять услышали «Мысль Бездны»

* * *

Раса способна ощущать подобные импульсы на заре и в сумерках. Что-то подобное, вероятно, когда-то происходило в папоротниковых лесах, когда биение самой Жизни еще не стихло в тишине. Покрытые шерстью приматы, еще не совсем люди, вероятно, также прислушивались и принюхивались к порывам ветра, когда эти неслышимые импульсы разносились по молочному воздуху, пробиваясь через топот ног травоядных мастодонтов и крики хищников. Человек не может отчетливо чувствовать сердцебиение мира, но те, кто появились раньше человека, могли знать, как оно звучит, — и те, кто пришли после человека — тоже. Человек снова покрылся шерстью и становился все ближе и ближе к тому, чтобы замкнуть долгий цикл жизни на планете, и здесь, в морях, родивших его, он слышал этот звук.

Он был частью моря, как и сам Рэн. Звук всегда присутствовал тут, человек не сомневался в существовании необъяснимого. Память об этом смешалась с более ранними воспоминаниями Рэна, темными, прохладными, тихими картинами из первых лет его жизни и «Мыслью из Бездны», мощной, непостижимой, стремящейся через весь океан так незаметно, что ни одно, даже самое хилое подводное растение не было потревожено, хотя в этом могучем импульсе заключалась сила, способная смахнуть в сторону целое племя, если оно плывет перпендикулярно направлению медленно катящейся «Мысли». Рэн сомневался в этом ничуть не меньше, чем в самих приливах.

Он знал, что «Мысли» поднимаются из Огромных Глубин. Но что лежит там, не мог сказать никто. Ни один человек не возвращался оттуда живым.

2

РАЗРУШИТЕЛИ теперь были уже неподалеку от племени, они рассекали мелководное море ужасающе близко. Рэн чувствовал их огромные темные корпуса, дрожащие от скрытой мощи и поблескивающие, когда солнце пробивалось через волны, чтобы озарить их бока подводным огнем.

Клан не знал об этом. Клан, как и все кланы, слишком положился на вождя, чтобы тот следил за всем, слишком охотно поверил в то, во что их слабые разумы жаждали поверить — что убежище ближе, чем опасность, еда ближе, чем смерть, а отдых на песчаных полянах ближе всего. Рэн не говорил соплеменникам, как близко кружили Разрушители.

Однажды, пока они плыли по открытым саваннам между морскими лесами, по бледно-зеленому песку над ними проплыла чудовищная тень, и клан рассыпался в стороны, не дождавшись приказа, превратившись в суматошные серебристые стрелы, мечущиеся туда-сюда в поисках укрытия в водорослях.

Все в подводном мире бежало в укрытия, когда появлялись эти тени. Это были не Разрушители — в каком-то смысле. Они тоже приходили из Чужого мира, как и Разрушители, но эти убивали всех существ, включая и человека. Даже акулы и барракуды предпочитали спрятаться, даже темные люди-тюлени, так тихо переговаривающиеся на получеловеческом языке. Не только человечество изменилось телом и разумом за долгие тысячелетия с тех пор, как человек впервые нашел убежище в океане, но и все теплокровные. Кланы тюленей и племена дельфинов заполнили моря тихим шепотом своей примитивной речи. Они не боялись Разрушителей, поскольку миссией Разрушителей было истребление одних лишь людей.

Но эта тень была чем-то непостижимым, тем, на чем плавали сами Чужие. Возможно, корабль. Никто не смел поднять взгляд, чтобы увидеть, где расположен киль: на неровной поверхности моря или плывет высоко в Воздухе. Такие корабли перевозили охотников, убивающих всех живых существ. Даже величественный кит, о котором не было известно ничего, кроме того, что он величественный, исчезал в глубине, как только эти корабли выходили на охоту. Все морские создания прятались, когда по океанскому дну начинала скользить эта тень, люди расталкивали рыбу, тюленей и дельфинов без разбора в поисках убежища среди камней.

Но тень уходила, и весь океанский мир, кроме человека,

снова обретал мир. Человек продолжал убегать.

Кто такие были эти Чужие? Никто не знал, ни у кого не было ни единого мыслеобраза о тех, кто унаследовал Землю. Люди только знали, что, когда бы и где бы ни столкнулись они с Разрушителями, они погибали. А акулы и барракуды питались тем, что оставалось от тех, кого родила Земля, и кто когда-то давно правил ей.

И, может, когда-нибудь будет править снова.

Во всяком случае, такова была легенда, это являлось тем, ради чего такие люди, как Рэн, еще сражались, пока не сталкивались с Разрушителями, все еще упрямо старались поддерживать единство своих кланов, искали более далекие и глубокие убежища, где их покрытые серебристым мехом дети могли повзрослеть и передать наследие человечества еще одному поколению, стоящему на грани вымирания.

Рожденные на Земле будут снова править Землей.

Такова была легенда, пророчество. Это было единственное, за что таким людям, как Рэн, приходилось держаться, но этого едва ли хватало. Рэн даже не чувствовал уверенности в том, что, кроме его убегающего племени, еще остались живые люди.

Однажды ему показалось, что раньше Разрушители убивали более небрежно, почти случайно. Так было в дни, которые Рэн едва помнил, когда племена людей толпились в мелких, залитых солнцем морях у каждого побережья. Старейшины знали истории, которые рассказывали их прадеды о золотом веке, когда люди даже осмеливались выйти на покрытых серебристым мехом ногах на пляжи — разумеется, самые уединенные пляжи — и греться в прямых лучах теплого солнца. Легенды гласят, что в те дни люди даже использовали свои голоса, они говорили и пели на открытом воздухе. Старики помнят великие хоры, которые были громче, чем шум прибоя, прокатывающегося от пляжа к пляжу, пока толпы людей грели свои серебристые шкуры и распевали песни.

Но Разрушители давно положили этому конец. Великие бойни последних лет стали систематическими. Машины приходили тысячами, более незаметные, чем акулы, и, несущие гораздо большую угрозу, они расправлялись с океанскими кланами также эффективно, как в древние, очень древние, забытые времена люди собирали зерно, когда Землей правили Рожденные на Земле.

Теперь чувства нигде не улавливали вибрации человеческой мысли. Неужели больше никого не осталось? Может да, а может, и нет. Рэн лишь знал, что они уже очень долго идут по теплой дороге Гольфстрима, являющегося любимым подводным путем

Человечества, и встретили только один другой клан, чья смерть все еще заставляла память вздрагивать. Возможно, больше никого и, правда, не осталось.

РЭН круто повернул и повел племя по спирали вокруг выступа скалы. Клан послушно выстроился в серебристую колонну и продолжал спускаться по длинному склону через тянущиеся к солнцу водоросли. У Рэна не получалось воспользоваться специальными чувства ни в каком направлении без того, чтобы наткнуться на вызывающее онемение присутствие железа, рыщущего по дну моря в поисках добычи.

Рэн терпеливо вел клан по знакомым людям путям к убежищу. Он терпеливо посылал сообщения о том, что все будет хорошо. «Мысли Бездны» то и дело рассекали темные воды огромными приливами...

* * *

С Дагоном будут проблемы. Рэн думал об этом, пока медленно проплывал через длинную расщелину, замыкая колонну своих соплеменников. У выхода из ущелья лежал подводный город. Каменные стены, через которые они попали туда, были тускло-красными и переливались зеленовато-голубыми оттенками, что являлось последствием взрыва, произошедшего много тысячелетий назад. Дно ущелья покрывало расплавленное зеленое стекло.

Рэн медленно скользил вниз, наблюдая, как последние уставшие соплеменники с трудом пробираются через водоросли и оказываются в безопасности, улавливая спутанные мысли Дагона сквозь тихое бормотание племени. В глубине разума Дагона, под замешательством, лежало нечто холодное и опасное, как барракуда. В основном, страх и потенциальная ярость, которая была не совсем человеческими. Мутации могут проходить в обоих направлениях, и в сознании Дагона лежало ясно различимое семя будущего Человечества.

— Мы что, рыба? — спросил себя Рэн. — В нас уже нет ничего кроме страха и голода?

Дагон убегал так же бездумно, как и рыба, пока Разрушитель истреблял его племя. Он не должен был плыть сейчас столь энергично, у него не должно было остаться сил. Вождь клана не имел права сохранить столько сил, с учетом того, что его люди

погибли после долгого бегства. Предводитель племени совсем не должен жить дольше, чем свой клан.

Рэн внезапно понял, что немного боится Дагона — не физически, а разумом, там, где обитает рассудок. Слабость Дагона передавалась всему племени: Рэну и остальным. И, когда настанет решающий час, ошибка Дагона может стать предзнаменованием провала Рэна. Неужели племя Рэна тоже бездумно разбежится, чтобы в панике оказаться на открытом пространстве, как это случилось с народом Дагона? Неужели Рэн...

— Нет, — решительно приказал он самому себе. — Мы — люди. Я не дам нам стать животными. По крайней мере, пока мы живы.

РЭН ПОСЛЕДНИМ покинул ущелье, через которое прошло его племя. Дожидаясь его, задыхаясь и пребывая в неуверенности, они столпились в устье ущелья. Дагон отплыл чуть подальше, кидая на лежащий перед ним город проницательные, быстрые взгляды. Он сразу понял, что это отличное убежище.

Там во много рядов стояли высокие каменные башни, прикрытые вуалями водорослей. Каньоны между строениями были слишком узкими для Разрушителя. И в конструкции башен было нечто, что слегка запутывало их, когда добыча пряталась среди зданий. Рэн без особой уверенности приписывал это серебристому блеску металла, все еще ярко сиявшего, если очистить его от мха.

Прежде город был безопасен, прежде, когда Разрушители пересекали путь клана и выпускали сверкающую разрушительную силу на свою добычу, любой человек, благодаря ловкости или скорости добравшись до города, оказывался в безопасности.

Племена знали, что существуют города, знали смутно, участками памяти, в которых хранятся воспоминания предыдущих поколений о том, что где-то были города, построенные людьми. Как или когда — никто не спрашивал. Даже до Рэна не дошло, что эти города, вероятно, воздвигли на сухой земле, которая потом оказалась под водой. Достаточно было знать, что эти города вообще предоставляли убежища морским кланам, когда те нуждались в нем.

Проницательные глаза Дагона засияли, одобряя место, куда привел их Рэн. Поблизости был разрушенный купол, который притягивал взгляд, во-первых, из-за своих размеров, а во-вторых, потому, что вся серебристая фигура Дагона судорожно задергалась, как только он увидел купол. Это строение являлось не очень хорошим укрытием, в нем не осталось металла, и оно

слишком бросалось в глаза. У Рэна на уме было другое убежище, но Дагон не дал ему времени направить клан туда.

— Бежим! — послал Дагон команду всему племени, не контролируя то, что вкладывает в свои мысли, и едва ли осознав, что вообще отдал команду.

Это был просто озвученный инстинкт.

— Бежим к куполу! Укроемся там, пока будем отдыхать. Все — за мной!

Общий импульс, понуждающий клан к бегу, уже достиг высокочастотного, истерического писка, на который они ответили мгновенно, и не задумываясь, как и сам Дагон. Все скользкие, блестящие тела тут же развернулись и приготовились нестись к призывно выглядящему куполу.

Затем рассудок — то, что от него осталось — прервал порыв, и несколько членов племени остановились, задрожав от нерешительности, вспомнив, что, вообще-то, это Рэн командует ими, а не Дагон. Тем не менее, Дагон говорил так властно, зовя их в очевидное убежище, указывая на очевидную нужду... Большинство из них помчалось за Дагоном.

Рэн оживил уставшие мышцы и понесся через племя, разбегающееся во всех направлениях, нарушив строй, еще не успев его сформировать. Затем Рэн оказался перед ними, развернувшись в воде так резко, что его мех на секунду взъерошился.

— Нет! Нет! Не туда! Вы знаете, где наше укрытие! Я ваш вождь, а не Дагон, — закричал он так властно, как только мог. — Купол слишком открыт, чтобы быть безопасным, направляйтесь к башне!

Слепая паника сделала тех, кто стоял впереди, глухими к приказам Рэна. Именно они первые ответили на призыв Дагона, что показало степень их истерии. Сейчас они могли услышать и понять только одно.

Рэн рванулся к ближайшему и ударил его в бок, второго хлестнул по лицу, а третьего толкнул плечом. Его мысли ревели в их головах, звеня от авторитета.

— Направляйтесь к башне! Слышите! Направляйтесь к башне!

Разобщенная толпа остановилась, поколебалась и собралась вокруг передней группы, бег которой с трудом прервал Рэн. Через секунду-другую Рэн и Дагон оказались в центре полуистерического круга соплеменников, шевелящегося кольца, яростно переминающегося у внешнего края, пока все глаза смотрели за тем, что происходит в середине толпы, где Рэн подскочил к Дагону.

Дагон тяжело развернулся в воде, и позволил своей коже

растянуться, немного увеличив объем тела. Гнев залил краской его лицо везде, где через мех было видно человеческую кожу, а верхняя губа поднялась, обнажив внушительные клыки.

СЕЙЧАС было не время для драки, Дагон должен был это знать. Даже крошечная капелька крови практически наверняка привлечет акул-убийц и, с той же вероятностью, самих Разрушителей. Но спорить тоже было некогда.

Рэн натянул верхнюю губу и позволил острым клыкам сверкнуть. Он не говорил с Дагоном напрямую.

— Вы знаете, где находится наше убежище, — сказал он племени, выпустив мысль старым, кружным путем, чтобы охватить всю толпу. — Следуйте за мной.

Мысль Рэна была приказом, опережающим его самого, открывая проход черед колеблющееся кольцо соплеменников. Наступила секунда, когда оскал Дагона стал вызовом на бой, на который нельзя было не обратить внимание.

Но драка так и не началась.

На дне моря появилась огромная тень. Когда ее край дошел до напряженного сборища морских людей, пристально наблюдавших за ней, их мысли смешал беспорядочный страх. Все серебристые существа одновременно задрожали и взглянули вверх.

Высоко над головой, искаженный толщей воды и висящий сразу под поверхностью моря, медленно плыл рыщущий Разрушитель, таща за собой по песку овальную тень.

Тень остановилась прямо над краем скалы, где стоял клан. Никто не шевелился и не говорил, никто даже не думал.

Затем медленно, очень медленно Разрушитель начал опускаться глубже. Он не знал, есть ли на дне люди. Металл подводного города сбивал его с толку. Но в сложный организм Разрушителя были встроены органы чувств, говорившие ему, что где-то в мерцающей глубине могла прятаться добыча...

Рэн испустил тихий, пробный мысленный шепот, затрагивающий все разумы одновременно.

— Спокойно, — сказал он. — Он может пройти мимо. Ждите моего сигнала. Это будет слово «рассеяться».

Рэн произнес его очень, очень тихо, опасаясь, что даже такой громкости хватит, чтобы панически настроенные соплеменники могли обратить в бегство всю толпу.

Клан содрогнулся единой мыслью, мгновенным ответом всех членов племени, соглашающихся, как один. Даже Дагон присоединился. А Разрушитель все опускался и опускался, его тень на песчаной улице выросла до гигантских размеров,

поглотив трепещущие водоросли и связывающиеся и развязывающиеся узоры, отбрасываемые с далекой поверхности воды солнечными бликами.

Мысли колебались и путались вместе с этими движениями в разуме Рэна, пока он напряженно ждал, прикидывая возможные углы атаки, до последнего откладывая мгновение взрыва скорости, который разбросает большую часть племени и практически наверняка оставит пару самых нерасторопных в качестве жертв Разрушителю, пока остальные будут искать укрытия.

Мысли Рэна были холодные и безрадостные, как вода. Частью разума он выявлял самых медленных и слабых, кого придется оставить позади, чтобы была надежда спасти остальных. Выбор был не из легких, но Рэну пришлось сделать его.

Другая часть сознания отчаянно пыталась услышать хоть малейший шепот других кланов, близко или далеко в холодном, зеленом, гладком мире вокруг. Ничего. Ни одной мысли человеческого существа во всех огромных просторах океана. Только слабый лязг вдалеке, отзвуки его собственных мыслей, резко бьющихся о рыщущего Разрушителя. Далеко и близко — ужасно, смертельно близко — Рэн чувствовал приближающегося врага. И по всем признакам, доступным человеку, этот клан являлся единственным выжившим кланом морских людей.

Это хорошее убежище, успокаивал себя Рэн, глядя на гигантскую тень, проплывающую по улицам, скользящую по углам зданий, растущую, как огромное грозовое облако над ними. *Мы можем прятаться тут, и они никогда не найдут нас, пока мы сами не захотим этого. Но что если это последнее пристанище тоже подведет — что тогда? Что тогда!*

Через воду, из глубокой, глубокой бездны, где не было ни одного человека, величественно прошла длинная «Мысль» моря, больше похожая на медленный удар сердца, один второй, третий — и на этом все.

Огромный темный корпус Разрушителя висел над ними, как левиафан. Рэн затаил дыхание, приготовившись произнести команду к бегу, но придержал ее, ждал, наблюдал. Вода между замершими от ужаса людьми и зависшей над ними машиной колебалась, и опасность стала казаться иллюзорной, тенью, которую волны могли рассеять. Но это была не тень, от нее не существовало никакого спасения, кроме бегства.

3

ЧУЖИЕ, создав эти машины и отправив их в глубины океана, чтобы те охотились на людей, нарушили один из древнейших законов мироздания — закон равновесия. На Земле у всех существ есть свой противник. Но в море и над водой нет никого, кто мог бы на равных сражаться с железными Разрушителями. Казалось, это являлось доказательством, если оно, вообще, было нужно, что Чужие прибыли с другой планеты, свергнув человека с трона.

Казалось, это давало слабую надежду, что Рожденные на Земле еще могут вернуть себе власть над планетой. Ясный свет интеллекта и так уже потух слишком сильно, обнажив примитивные позывы, которые управляли Дагоном. Но Рэн упрямо продолжал цепляться за древнюю легенду. *Рожденные на Земле унаследуют Землю.* Ему приходилось так делать. Если он сдастся прежде, чем сможет передать эстафету следующему поколению, какой вообще толк бороться?

Разрушитель уже был рядом с вершинами башен. Там он остановился, зондируя заросшие водорослями улицы на предмет биения теплокровных сердец среди холоднокровных. Но убежище из водорослей и разрушенных зданий укрывало, как теплое, так и холодное, инстинкты и рассудок вместе вслушивались в тишину смерти.

— Когда он пройдет мимо купола, — подумал Рэн, — нам надо будет рассеяться. Но не раньше. Все еще есть шанс... что он не найдет нас...

Напряжение стало невыносимым, но шанс все еще был...

Среди коричневых водорослей в приступе внезапного ужаса содрогнулась серебристая человеческая фигура. Самые слабые разумы перешли через тонкую грань между рассудком и инстинктом.

— *Бегите! Бегите! Прячьтесь и бегите!* — завопил Дагон в приступе слепого бешенства.

Для племени это было уже слишком. Разрушитель мог бы пройти мимо, но сейчас он заметил добычу. Люди Рэна выскочили из укрытий, как осколки бомбы, взорвавшейся на улицах давно мертвого города. Вода зазвенела воплями бессвязного ужаса.

Разрушитель немного поднялся, послав во все стороны мощные волны.

Рэна на секунду покинул рассудок, когда он неподвижно

завис в воде, подавляя гнев на Дагона и вспоминая сны, в которых он решался встретиться с Разрушителями лицом к лицу. Дагон, животное, навлек на них беду. Рэн, человек, опасно медлил в недолгом, бессильном вызове врагу. Почему? Он не знал, что делать дальше, возможно, в его разуме возникло какое-то глупое стремление доказать машинам, что еще не все люди стали животными или созданиями, которыми движут только инстинкты. Но Рэн не мог ничего доказать. Разрушители тоже не обладали мышлением, они были подобны машинам, подчиняющимся импульсам, приказывающим уничтожать, встроенным в их огнедышащие тела. Только люди могли мыслить, — причем далеко не все.

Затем самоубийственный момент прошел, и Рэн вспомнил о своем племени.

— Башня! — резко развернувшись в воде, заорал он, заглушив дикие отчаянные крики. — Прячьтесь! Бегите! Но встретимся у башни, если вы сможете добраться туда. Бегите! Бегите!

Рэн не знал, услышали ли его. Он уже глубоко нырнул в тень, став мощной, компактной, серебристой полосой, сверкающей меж толстых стеблей водорослей, зарывающейся в гладкие полые стволы и убежище из камней. Рэн инстинктивно искал металл, прижимался к торчащим ребрам давно разрушенных зданий и скользил вдоль холодной арматуры с полуинтуитивной, полуосмысленной уверенностью, что это сильнее всего собьет с толку врага, если тот решится на погоню.

Чувствами, отличными от зрения, Рэн осознал, что сзади на его людей начали обрушиваться фонтаны огня — так же, как и совсем недавно обрушивались на людей Дагона по той же самой причине — из-за паники Дагона, его животной безмозглости перед лицом опасности. Хороший вождь отправил бы сначала пару людей, затем еще пару, и Разрушитель увидел бы их издалека, из-за зданий, а основная группа успела бы добраться до нового укрытия. Но кроме этого, хороший вождь вспомнил бы о слабости Дагона, так что Рэн тоже был виноват.

РАЗНОЦВЕТНЫЕ звезды взмывали ввысь и дождем падали на город, расцветая синим и янтарным, алым и золотым. Рэн слышал предсмертные крики своих соплеменников, теряя их одного за другим, и считал про себя имена, сначала по одному, затем по двое, по трое, а в конце целыми группами. Он слышал их, а затем оглох, закрыв свой разум к их последним назойливым призывам, потому что не мог ответить на крики последней секунды человеческой жизни.

Рэн должен был посвятить свои силы живым, чтобы как можно дольше продлить их существование. Он уже ничем не мог помочь умирающим. Рэн закрыл уши и, держась как можно ближе к металлической направляющей, быстро поплыл.

Крошечной частью своего разума он понял, что Дагон еще жив. Многие умирали, но Дагон, с силами, которые не должен сохранять ни один вождь, недавно потерявший свой клан, все еще излучал мощные бессмысленные крики паники и плыл в убежище вместе с остальными.

Невозможно было понять, сколько времени фонтаны разноцветных звезд дугами поднимались и взрывались яркими вспышками среди затененных водорослями улиц. В течение всего этого времени морской народ молча кричал и умирал всякий раз, когда расцветала новая звезда.

Наконец, фонтаны начали стихать, а медлительных и неудачливых членов племени один за другим выбирали и убивали алые, серебристые и холодно-голубые звезды.

Но Дагон выжил, и Рэн, обнимающий блестящий металл, выжил тоже. Выжили и самые удачливые, самые мудрые, самые ловкие представители клана. Теперь они оказались в безопасности на внутренних улицах, куда Разрушители еще никогда не забирались, и в скрытых местах под землей, где металлические конструкции были наиболее густыми.

Они думали, что находятся в безопасности.

Они начали перешептываться тихими, неуверенными прикосновениями ветерка, и постепенно стекаться к месту встречи...

* * *

Именно тогда, с первым, ужасным, раздирающим звуком металла, скребущего по камню, под водой началась последняя глава истории Человечества.

Племя резко замерло, в ступоре зависнув в воде, тщетно пытаясь понять, что же могло стать источником этого звука, которого они никогда раньше не слышали.

Еще один оглушающий скрежет металла по камню стал единственным ответом на немой вопрос. Но этого хватило, чтобы все понять. Поднявшись к просвету в коричневых листьях, Рэн увидел начало конца, происходящего прямо у него перед глазами. Это было так близко, что даже в тусклой придонной воде он ясно

все видел невооруженным глазом, и слышал так громко, что почти оглох. Океан — шумное место даже по самым скромным прикидкам, звуки в воде разносятся очень далеко, а этот скрежет парализовал как чувства, так и разум.

Поскольку рушился последний оплот Человечества — Разрушитель пробирался через город.

Пока Рэн смотрел, огромная машина уперлась тупой мордой в основание башни, и с ужасным воплем стали, с уже знакомым долгим, скрежещущим звуком, усиленным водой, башня содрогнулась и стала наклоняться к границе города все сильнее и сильнее, а ее зеленые знамена-водоросли вытянулись в обратную сторону. Из содрогающихся окон вырвалась стая рыбы.

Не выдержав натиска, башня подалась целиком, ее верх был нетронут, но основание рассыпалось в пыль, и все здание рухнуло, завалив мелкими обломками горбатые плечи Разрушителя, закопав, скрыв их из виду.

На одно безумное мгновение Рэн понадеялся... но он прекрасно знал, что это невозможно. Ничто не могло сломать Разрушителя.

Когда облако пыли немного осело, он увидел, как темный корпус поднимается, стряхивая с себя каменную мантию, которую башня набросила на его спину, лишь едва поцарапав непроницаемую броню.

Прежде чем обломки улеглись, раздался еще один отдаленный крик сопротивляющегося камня, ударивший по ушам племени в хорошо проводящей звук водной среде. Рокот, как от землетрясения, прокатился по узким улицам, и какая-то невидимая башня ужасным весом обрушилась на плечи какого-то другого невидимого Разрушителя.

Машина тяжело развернулась перед племенем и уткнулась тупым носом в следующее здание. Высокие стены простонали, треснули по всей ширине и с пугающим достоинством начали медленно накреняться.

Итак, последний город, предоставлявший убежище человеку на его собственной планете, наконец, уступил, сдавая улицу за улицей, одного за другим убивая представителей последнего клана людей.

* * *

РЭН И окружающая его группа собрались в узком ущелье,

через которое попали в это бесполезное убежище. Никто ничего не говорил, пока они болтались в воде между переливающимися стенами над расплавленным зеленым стеклом дна. Истощение и отчаяние заглушили все мысли в их головах. Они только могли тесниться вокруг Роана и оцепенело ждать смерти.

Вдали Разрушители методично превращали город в руины, здание за зданием, выискивая последних представителей человеческой расы. Город, трижды разрушенный, наконец, пал, башня за башней. Теперь уже никто не мог даже представить, с каким именем он родился. Иллиум, Константинополь, Чикаго, Лондон, Перле... кто сейчас помнил? Когда-то он познал разрушение огнем, это еще было видно на почерневших стенах. (Тени тех, кто не сумел убежать при этом нападении, и тут и там все еще виднелись темными пятнами на камнях, отпечатанные самым мощным огнем из всех существовавших, но в море уже ничего не осталось от людей, которые знали, что это были за тени, и кто их отбросил.) Один раз город подвергся разрушению водой. А теперь...

Спокойно, никак не замечая теней, этих остатков конфликтов верхнего мира, через воду то и дело проносились «Мысли Бездны». Машины не обращали на них никакого внимания. Возможно, у Разрушителей не было органов чувств, способных уловить эти выбросы глубинной энергии. Медленные и непреклонные, как сам прилив, гигантские «Мысли» разворачивались и прокатывались мимо падающих башен, толпящихся людей и затем, неизбежно, сворачивались снова и исчезали.

Последние люди на Земле были слишком ошеломлены, чтобы уделять им хоть какое-то внимание.

Даже Рэн, знавший, что им придется сделать дальше — в какую последнюю, ужасную опасность он должен повести свой народ, — едва ли узнал величественный прилив «Мысли», прошедший мимо них.

Клан уже почти стал стаей морских животных. Рэн болтался, такой же измученный и бездумный, как все остальные, не посылая никаких сообщений. Дагон укрылся под нависающим выступом камня, слишком дрожащий и перепуганный, чтобы излучать даже собственный страх. Это было последнее поражение. Интеллект подвел их, хитрость тоже. Неразумные океанские существа, выживающие благодаря негибкому набору инстинктов, были в большей безопасности, чем Человечество, которое быстро опускалось до их уровня.

Думать было слишком трудно, ужасно трудно. Легче было перестать думать, плавать стаями и слушать того, кто громче всех

выкрикивает известное всем остальным. Бежать было тоже легко. Древние, очень древние механизмы тела могли избавить их от ноши мышления. Не нужно было бы предсказывать, что будет завтра, поскольку осталось бы только бесконечное сегодня — если люди вообще выживут. Если Разрушители не найдут их и не пробьются через толщу камня, чтобы уничтожить последних представителей рода.

В глубине разума Рэна что-то задрожало и снова неохотно ожило. Старое знание, что на его плечах лежит огромная ответственность, все еще двигало им, долг не только перед племенем, но и перед чем-то в неосязаемом будущем, о котором он знал лишь легенды и пророчества. Спасти им жизнь будет недостаточно. Рэн должен спасти их будущее. И, что самое важное, он должен сохранить их людьми. Путь Дагона был прост — вернуться к беззаботности животных...

РЭН испустил осторожную, пробную мысль, касаясь разумов соплеменников. Весь клан задрожал от этого едва ощутимого призыва к жизни, к тому, чтобы снова поднять ношу, которую они почти сложили навечно.

Некоторые отпрянули от этого прикосновения, отрицая его, решительно закрывая свое сознание, поскольку думать было слишком больно. Осознание себя тоже причиняло слишком сильную боль. Они стали кланом, который в тот момент перестал признаваться в том, что у них есть эго. Они отказались от него в пользу более легкого способа и по собственной воле стали морскими животными.

Но были и другие, те, кто с доверием повернулся к Рэну, открыв свои разумы для его приказов.

У него не было для них других команд — только одна, причем слишком опасная, возможно, последнее, что может сделать Человечество. Рэн направил свои мысли старейшинам клана, спрашивая совета, горячо надеясь, что тяжесть выбора не ляжет на него одного. Одного за другим он настойчиво опрашивал их.

По морю мимо них прокатилась разворачивающаяся волна «Мысли», похожая на ритм громкой музыки, Рэн содрогнулся, когда почувствовал, как она прошла, зная, какой выбор он должен сделать. Поскольку старейшины ничем не смогли ему помочь.

— Мы не знаем, — пассивно сказали их разумы. — Ты наш вождь. Веди нас. Спаси, если можешь.

От Дагона не пришло вообще ничего. Водоросли, колышущиеся вокруг людей, были такие же молчаливые, как он.

Рэн на секунду прислушался к медленному биению «Мысли»,

а его разум погнался за этим приливным движением. Он неохотно заговорил.

— Здесь, — сказал он, — наше последнее убежище. Оно тоже может означать смерть, но все остальное точно приведет нас к смерти. Даже в верхних слоях моря сейчас опасно для нас. Есть только один вариант. — Рэн помешкал и добавил. — И этот вариант — Бездна.

— Бездна! Только не Бездна! Мы должны бежать, но не туда!

От взрыва страха Дагона очнулись и другие.

— Нет, только не Бездна! — Поднялся со всех сторон хор испуганных отрицаний. — Никто не знает, что там. Из Бездны выходят «Мысли». Кто испускает эти «Мысли»? Никто не знает.

— Никто не осмеливается узнать. Только не Бездна!

От Дагона пришло слабое, пробное предложение. Казалось, он подумал про себя, но невольно передал свою мысль всем остальным. Дагон терял способность думать про себя, что являлось еще одним признаком превращения в животного.

— Мы можем бежать, — сказал он. — Бежать очень быстро. Возможно, даже быстрее, чем Разрушители. Может, найдем какой-нибудь другой город, чтобы спрятаться там. Мы должны бежать...

Немного поднявшись в воде, Рэн встряхнул мех и напряг уставшие мышцы.

— Мы слишком устали, чтобы бежать, — сказал он. — Разрушители гораздо быстрее нас. Они сравняют с землей все города, как сравняли этот. Пока они заняты, у нас, возможно, есть время убраться отсюда. Я направляюсь в Бездну. Что там лежит — никто не знает. Может быть, смерть, но здесь мы точно умрем. Теперь выбирайте. Я иду туда — прямо сейчас, можете следовать за мной, если хотите.

Племя поплыло за Рэном, неохотно, неуверенно, обуреваемое страхом неизвестного, — но поплыло. Дагон двинулся последним.

4

ЭТО БЫЛ край мира.

Навечно остались позади открытые моря. Прозрачная зеленая вода, пронизанная сетью солнечного света. Дно с зеленоватым оттенком под цвет моря. Позади остались джунгли покачивающихся водорослей, чьи длинные корни цеплялись за камни, а верхушки доставали до поверхности воды. Это все были знакомые места. Когда морской народ с тоской оглянулся, даже Разрушители показались привычными в контрасте с неизвестным.

Перед ними был край мира. Великая Бездна уходила в бесконечность, недоступную для человеческих органов чувств. Сплошной обрыв вел во тьму, где лежало одно лишь бездонное море, становящееся темно-синим, затем фиолетовым, и наконец, цвета вечной, непостижимой ночи.

Из Бездны медленно выходило мощное биение «Мыслей».

Рэн старался не думать о том, что могло таиться внизу. Он подплыл к краю обрыва и завис на секунду, изо всех сил направляя свои чувства вниз, пытаясь узнать хоть что-нибудь. Ничего. Ничего. Вообще ничего. Только молчание и, то и дело, лениво поднимающиеся из глубины огромные, непостижимые «Мысли». Возможно, это «думала» сама планета.

— За мной, — сказал Рэн и пригладил свой мех, позволяя себе тонуть.

Обрыв оказался глубиной километра три.

Они медленно, осторожно опускались вниз длинной, колеблющейся полосой серебристых фигур, прижимающихся к уходящей в темноту скале. Свет исчез еще в самом начале спуска, но, поскольку зрение не было чувством, от которого морские люди сильно зависели, племя не стало особо переживать по этому поводу. Свет означал тепло, знакомые места, безопасность. Свет означал, что на Земле правит человек, хотя, разумеется, люди и понятия не имели, что это значит. Они лишь знали, что темнота пугает их, даже с учетом того, что могли «видеть» в ней подводными чувствами, и быть уверенными, что там не таится никаких осязаемых угроз.

Пока племя опускалось все глубже и глубже, ощущение и вкус воды необъяснимо менялся. Теперь они оказались на чужой территории, где могло случиться все, что угодно. Но ничего не происходило, только огромные «Мысли», выходящие из Бездны, набирали силу, и плывущих людей стало раскидывать во все стороны, словно мощным потоком, всякий раз, когда они

попадали в восходящее его течение. Казалось, что они просачивались между «Мыслями» и сквозь них, опускаясь к самым истокам.

К тому времени, когда они поняли, что плывут прямо в ловушку, поворачивать было уже слишком поздно. Вначале только Рэн понял, что весьма недалеко от них есть еще одна каменная стена, идущая почти параллельно первой. Стены медленно сужались. Рэн замедлил скорость погружения и напряг все чувства, чтобы узнать, куда ведут смыкающие каменные стены и решить, стоит ли возвращаться.

Осторожность предупредила его, но, тем не менее... тем не менее.... Нет, в Бездне было нечто, которое манило его .*Дальше, еще совсем немного, там что-то есть...* — подумал Рэн.

Опоры мира превратились в ущелье, воронку, в которую, следуя с необдуманным доверием за Рэном, медленно опускалось последнее племя людей.

КОГДА ИМЕННО первый Разрушитель напал на их след, никто не понял. Даже Рэн не знал, что их преследуют. С этой задачей он не справился. Или даже этот провал был лишь звеном в огромной цепи неудач, сковавшей их?

Так или иначе, кто-то вскоре оглянулся назад и испустил беззвучный крик ужаса, и все разумы заметались, чтобы понять причину. Над ними, в далеком свете дня, который Человечество покидало навечно, виднелась овальная фигура, медленно опускающаяся в темноту, таща за собой длинные усики органов чувств, зондирующих воду в поисках убегающего племени.

Паника превратила племя в меховой шар с Рэном посередине. Он испускал мысли, пытаясь охватить всех, словно руками, чтобы успокоить свой народ.

— Рано или поздно, они должны были нас найти, — сказал он. — Но видите, какие они медлительные тут, внизу? Возможно, они слишком большие, чтобы спуститься так далеко. Видите? Они тоже напуганы. Они не знают Бездну. Смотрите — эта «Мысль» заставила их дрогнуть. Плывите — следуйте за мной. Думаю, мы еще можем от них оторваться. Думаю — *думаю* — под нами есть убежище. Плывите!

Теперь пассивный спуск закончился. Люди перевернулись головой вниз и вспенили воду быстро гребущими ногами, направляясь к сердцу планеты. Над ними появился второй Разрушитель, затем еще один и еще, нависая над темными водами Бездны.

Человечество опускалось, зная, что машины Чужих следуют за ними. Каменные стены смыкались, пока Рэн не стал ощущать

их со всех сторон: обезображенный камень, заросший глубоководными созданиями, полуживотными, полурастениями, с тусклыми чувствительными вуалями, колеблющимися в пещерах и вдоль скал. Возможно, из таких бледных созданий Человечество и начало свое восхождение к способности дышать воздухом и господству над планетой. Дальше, все глубже и глубже, мимо забытых этапов прошлого своего вида, Рэн вел человечество вниз и назад, чтобы замкнуть круг.

Огромные «Мысли» величественно поднимались, сотрясая всех и не обращая ни на кого внимания.

Наследники Земли спускались к источнику всей жизни, неслись в избранную ими самими ловушку, и существа, которые прибыли из другого мира, те, что правили ныне Землей, гнали людей к их гибели. Последний защитник Человечества сумел лишь привести свой народ к уничтожению. Поскольку, как вообще Рожденные на Земле могли питать хоть какую-то надежду на то, чтобы править сушей?

Паника трясла Рэна, пока он чувствовал, как каменные стены медленно сжимаются, но другого пути не было. И, тем не менее, сквозь панику его что-то вело, несмотря на все ощущения, нечто намекало ему, что поражение еще не определено, что за их спуском в Бездну таится какая-то цель... что конец человеческой расы еще не наступил.

У них оставалось еще наследие. Рэн должен удержать племя вместе и не дать ему превратиться в стаю животных, пока наследие не будет передано следующему поколению. Дети или дети детей еще смогут подняться с колен и снова взойти на трон...

Каменные стены сузились теперь почти вплотную, а внизу величественно двигалось нечто огромное.

Пока племя рвалось вниз, «Мысли Бездны» становились все сильнее и сильнее в этой сужающейся каменной воронке. В море наверху они ощущались, как летний бриз, но здесь поднимались, как мощные потоки, разбрасывающие пловцов, словно водоросли, пока их разумы попадали прямо в середину восходящих колонн. Даже Разрушители с трудом справлялись с этим мощным потоком. И теперь, внизу, в темноте зашевелилось нечто осязаемое...

Клан заколебался и начал вытягиваться за Рэном в длинную колонну. Дагон, который до сих пор плыл в ошеломлении полном мерцающего гнева и страха, теперь остановился.

— Там внизу опасность. Я там что-то видел. Дальше я не пойду...

Некоторые соплеменники повторили его слова. Рэн мог

назвать имена тех, кто всегда вторил Дагону, еще до того, как они начинали говорить.

— Да, что-то пошевелилось... Я не могу различить, что именно... оно слишком большое... может, стоит убегать? Или, может быть, прятаться?

Разум Дагона принялся дико метаться, окидывая взглядом скалы.

— Это ловушка, — сказал он. — Но тут есть пещеры. Мы можем спрятаться в них. Может, убежим? Да, думаю, нужно бежать...

Только Рэн молча висел, не обращая внимания на эти голоса. Он искал в Бездне очертания огромной, темной, движущейся фигуры.

— Ждите здесь. Всем — ждать, — тихо сказал Рэн. — Я спущусь вниз один и выясню, что там. Следите за Разрушителями, но не убегайте без моей команды. Еще полно времени. Неважно, что случится со мной, у меня будет время, чтобы отдать вам приказ. Старейшины, держите клан вместе...

ГРОМАДНЫЕ колонны «Мыслей», катящиеся вверх, кидали Рэна из стороны в сторону, пока он плыл вниз. Каменная воронка сужалась. Но все равно оставался узкий проход. Теперь Рэн почувствовал и вкусил потоки свежей морской воды, мягко обтекающие его, попавшие сюда из какого-то далекого открытого пространства внизу.

Значит, там нет тупика. Рэн нашел подтверждение этой части своих убеждений. Пока он напрягал все чувства, направляя их на огромное нечто внизу, то с ужасом осознал, что в своем последнем, отчаянном рывке по спасению Человечества как разумного, мыслящего вида, он привел людей сюда, ведомый самым слепым из своих инстинктивных убеждений. ...Далеко внизу были ворота в скалах. Ищущие чувства Рэна нашли проход. Но ворота что-то перегораживало. Слегка покачиваясь, там висело в воде *нечто.*

И Рэн, наконец, увидел темные, гигантские очертания того, кто испускал «Мысли Бездны».

Успокаивая свой разум и прижимаясь к стене, Рэн осторожно скользил вниз. Но ему не нужно было беспокоиться по поводу поддержания тишины. Мысли катились вверх, не обращая на него никакого внимания, как и на тусклые листья морских растений, как и на безжизненные скалы. Безмятежные, точно сама вода, они разворачивались и поднимались, двигаясь в толще воды столь же величественно, как планеты летят по космосу.

Это был страж ворот. Он задумчиво висел рядом с ними,

испуская мощные мысли и игнорируя мысли всех остальных.

Но он был живой. И чувства Рэна, осторожно прощупывая воду, подсказали ему, что это теплокровная жизнь, как и его собственная. К тому же, если существо не обращало на него внимания, то это, по крайней мере, значило, что и оно не представляло опасность. Но оно блокировало выход, а машины неумолимо приближались.

Рэн не хотел двигаться вперед. Его сердце стучало с трепетом и страхом — страхом неизвестного и трепетом по поводу истинного размера «Мыслителя» и его величия. Теперь Рэн знал о нем.

Но ему надо было идти дальше. Он заставлял себя опускаться, пока огромное туловище «Мыслителя» не выросло перед ним, как гора. Его голова оказалась наклонной скалой, «Мысли» постоянно выходили из глубоко спрятанного «разума», из бесконечно глубоких и сложных извилин его «мозга» — гораздо более развитого, чем человеческий, даже в лучшие дни его существования.

У существа совсем не было лица. У левиафана никогда нет лица. Как и свои мысли, он всегда скрывал лицо. Был лишь огромный, загадочный, гладкий лоб и глаза, расположенные на противоположных сторонах головы, глядящие каждый в свою сторону. Левиафан смотрел сразу в обоих направлениях.

Рэн спускался, пока не завис на одном уровне со спокойным глазом, находящимся со стороны скалы. Он замер, всматриваясь в безмолвие этого немигающего глаза. Если существо заметило человека, то не подало вида. Ближним глазом оно без всякого интереса рассматривало воду, Рэна и камни, как единое целое. А дальним... кто мог знать, над какими непостижимыми глубинами висел левиафан?

Земля — очень древняя планета.

Существуют хроники, описывающие историю Творения, и Левиафан был первым из всех существ. *Бог создал китов и всех живых существ*. Давным-давно, когда записи только появились, Левиафан был самым удивительным из всех существ. *Его глаза*, как говорится в записях, *походили на окна в утро. Его сердце было твердо, как камень. На земле больше нет таких существ, существ, не ведающих страха.* Но это было давным-давно. Человечество сильно изменилось с тех пор.

Итак, это был кит...

Рэн смиренно висел перед Левиафаном, у ворот в скрытое царство Левиафана, без всякой надежды вглядываясь в безразличный глаз, расположенный под могучим лбом, больше напоминающим скалу.

Он плавал в морях, писал Мелвилл[11], *еще до того, как появились континенты... Во время Великого Потопа Левиафан пренебрег Ноевым Ковчегом, и даже если весь мир когда-нибудь будет затоплен, как Нидерланды, чтобы избавиться от крыс, вечный кит все равно останется жить...*

5

НАВЕРХУ, где ждало племя, внезапно поднялась суматоха. Рэн на секунду направил все свои чувства назад и вверх, словно животное, поворачивающее уши, не двигая головой. Мощный, испуганный крик Дагона звучал громче всех.

— Они идут! Они зажали нас в угол! Смотрите — когда они проплывут мимо того камня, они заметят нас. Нужно бежать! Бегите! Чего вы ждете? Бегите, я говорю! Бегите!

В ответ беспорядочно закипели мысли. Теперь уже никто не понимал, почему они не убегают, даже старейшины не видели выхода, ни вверху, ни внизу, и не знали — бежать им или ждать. Их вождь не дал им надежды, которую они смогли бы узнать. Только призыв Дагона к безоглядному бегу в эту секунду имел очень четкий смысл. По крайней мере, бежать легче, чем просто стоять, пока смерть подходит все и ближе.

— Пещеры! — прокричал Дагон. — Прячьтесь в пещерах!

Рэн собрал все силы, развернулся и поплыл вверх мощными гребками, а волны могучих «Мыслей» подталкивали его. Клан уже рассеивался во все стороны, когда Рэн понесся в его середину.

— Разрушители! — пролепетали они. — Смотри! Когда они проплывут мимо того камня... — Мысль растворилась в чистом, безмолвном ужасе, но другие разумы подхватили крик. — Куда нам идти? Что нам делать? Говори быстрее, пока нас не убили!

— Мы идем вниз, — как можно более спокойно и уверенно, сказал Рэн, бессознательно пытаясь пробиться через мощный прилив «Мыслей» Левиафана, который раскидывал их в стороны, пока они там висели. — Вниз. За мной.

Не ожидая, Рэн снова развернулся в воде и поплыл вниз мощными, решительными гребками. У него не было никакого плана, он следовал таким же примитивным инстинктам, как и Дагон. Рэн знал одно, — это было единственным, что оставалось людям. Пока ответственность лежала на нем, он должен был делать хоть что-то, и его долг заключался в том, чтобы держать клан вместе, сохранять его людьми и упрямо нести ношу человеческого наследия.

Поколебавшись, клан поплыл за ним, Дагон в самом конце, а их разумы наполнял ужас, но они были готовы ухватиться даже за такую хрупкую надежду, пока и она не рассыплется в прах.

Огромный, темный «Мыслитель» все еще тихо висел в воротах, один задумчивый глаз смотрел на людей, второй скрывался с другой стороны, оглядывая царство, которое никто не

мог даже представить. Если у кита было два разума, чтобы отвечать за оба поля зрения, то он даже секунду не подумал о донельзя утомленной группке беглецов, чей род когда-то правил миром.

Они висели, дрожа, в воде.

Рэн поплыл вперед и мрачно посмотрел в глаз. Рэн собрал все силы разума, которые слабость и страх еще не успели отобрать у него. Если бы он только смог пробиться через эту грандиозную задумчивость и поговорить с Левиафаном как одно разумное существо с другим...

— Наши враги гонятся за нами, — сказал Рэн Левиафану просто и прямо. — Можно пройти?

Глаз Левиафана не изменился. Гигантская «Мысль» безразлично катилась вверх.

— Дай нам пройти! Дай нам пройти! — завопил Дагон диким, пронзительным, животным криком.

С таким же успехом могла кричать барракуда или мурена, с учетом ответа, который дал Левиафан.

Клан подхватил крики, заполнив воду паутиной бессвязных, испуганных мыслей, криков о помощи, отчаянных просьб открыть проход и просто криков, в которых звучал лишь страх смерти. Но им никто не внимал. Левиафан и раньше слышал, как кричат морские животные.

Так что выхода не было. Клан не мог идти вперед и не мог вернуться. Им оставалось только висеть в ловушке, в которую завел их Рэн, кричать и метаться из стороны в сторону, пока первый Разрушитель не проплывает мимо скрывающей их скалы.

КОГДА ДАГОН заметил ужасную фигуру наверху, его вопль заглушил все остальные крики. Он замахал руками и ногами, вспенивая воду вокруг себя, и дико рванулся к испещренной выбоинами стене.

— Бегите! — прокричал он. — Прячьтесь! Прячьтесь!

Для племени этот приказ обладал четким смыслом. Но не для Рэна. Люди понеслись за Дагоном, рассеиваясь во всех направлениях, бездумно ударяясь о камни, друг о друга, крича от ужаса и даже не осознавая, что они делают. Их обуяла паника, и они мчались прямо в пасть своего преследователя.

Только Рэн медлил, собирая все силы разума и все чувство ответственности за клан, который он так упрямо вел к смерти, следуя незнакомому ранее инстинкту.

Сила его разума была незначительной в сравнении с чудовищной скрытой мощью разума кита. Но у Рэна больше не было ничего. Он вложил всю энергию своего сознания в единую

мысль и направил ее на Левиафана. Рэн не пытался использовать слова или призывы. Он просто искал способ пробиться через его всепоглощающую задумчивость, чтобы заставить Левиафана заметить, что рядом есть еще одно разумное существо, теплокровное, мыслящее.

Левиафан едва заметно пошевелился в воде. Его «Мысль» поднялась огромной колонной, больше походящей на столб дыма, раскачивающийся из стороны в сторону и приближающийся к Рэну. Он ощутил его прикосновение, обжигающее силой такой могучей, что весь его разум отпрянул от опаляющего касания. Рэн даже не сразу понял, что в глубокой Бездне скрытый «Мыслитель» задумчиво чуть повернулся к нему.

— Помоги нам! — безмолвно сказал Рэн со всей силой, какую только мог вложить в свои слова.

Глаз, похожий на окно в живой скале, казалось, немного очнулся. Рэн не смог понять, увидел ли его кит, и обратил ли внимание на то, что увидел. Рэн знал, что через секунду-другую это будет неважно, поскольку по переполоху, который происходит над ним, Левиафан поймет, как близок конец Человеческого Рода.

Рэн швырнул последнюю яростную мольбу в громадину, блокировавшую ворота.

— Помоги нам сейчас же! — закричал он. — Помоги нам!

Затем Рэн резко подтянул ноги к груди и изо всех сил помчался к разбегающемуся племени. Кричащие мысли обгоняли его, лихорадочно достигая всех разумов, которые еще могли слышать и подчинятся ему.

— Вниз! — звал Рэн. — За мной! Все вниз!

Как они могли внять его словам, когда смерть была уже так близко? Проще было следовать диким, мощным воплям отчаяния Дагона, исходившим уже с уровня, где находились машины. Дагон оказался вне досягаемости, он перешел грань и утратил все человеческое. Но клан — большую его часть — еще можно было спасти.

Рэн рванулся вверх, из последних сил выкрикивая приказ.

Для соплеменников это были бессмысленные команды. Он приказывал им умереть, а не бежать. Некоторые не отвечали вовсе, только слепо неслись прочь. Другие вяло возражали, скуля от ужаса.

РЭН НЕ ОБРАЩАЛ внимания на их крики. Ему нужно было привести их к Левиафану, и пришлось сделать это при помощи чисто физической силы, поскольку другого выхода не было. Они не отбивались, вне зависимости от того, какие удары он наносил, поскольку он был — или когда-то был — их вождем. Но они и не

подчинялись.

То, что последовало дальше, в некотором роде было гомерическим. Куча серебристых тел барахталась и кричала в холодной, черной воде, мощные удары отправляли их вниз один за другим против их воли — все это было сущим кошмаром. Рэн сцеплялся с молодыми и сильными, в конце концов, побеждал их и швырял в бездну. Он толкал возражающих вбок и вниз. Расталкивал старых. Выхватывал вопящих детей из рук матерей и бросал вниз, отправляя следом и самих матерей.

К этому времени уже начали падать звезды, издалека, из открытой воды. То и дело они находили цели, иногда попадая в какого-нибудь мечущегося беглеца, которого Рэн сам толкнул навстречу смерти. Он не мог ничего с этим поделать, он не думал об этом. Ничто не имело значения, кроме того, что нужно привести клан к Левиафану и принять то, что последует за этим.

Высоко над головой Рэн слышал стихающие, нечеловеческие вопли Дагона и животные крики тех, кто в бешеном ужасе рвался наверх, не образуя ни одной мысли разумом, который уже перестал быть разумом человека.

Рэн не обращал на них внимания. Возможно, они сумеют проплыть мимо Разрушителей, хотя таких будет немного. Сейчас это было уже неважно. Те, кто так бездумно убегал, уже никогда больше не станут людьми, даже если прорвутся к сомнительной свободе верхних слоев моря. Они оставили все человеческое позади, тут, в глубинах, рядом с Рэном и испуганными остатками племени людей. Если для человечества еще оставалось какое-то будущее, оно ждет их внизу.

Рэн изо всех сил толкал свой народ вниз, к воротам и Левиафану.

Съежившийся клан — единственное, что осталось от Человечества, теперь, дрожа и скуля, висел перед стражем врат. Пробившись через толпу, Рэн испустил мощную, охватившую все племя мысль, с помощью которой он попытался успокоить их, как только мог, а затем встал перед огромным глазом в живой скале.

И на этот раз кит увидел Рэна, увидел и услышал.

Потому что, когда раскрывшаяся мысль Рэна разошлась во все стороны, она коснулась не только человеческих разумов. Мыслящее сознание коснулось другого мыслящего сознания, и, одной частью безмятежного, величественного разума, Левиафан посмотрел в лицо и сознание человека. Другой стороной и дальним полем зрения, он продолжал взирать на то, что не мог представить ни один человек, ни сейчас, ни когда-то давно.

Дождь сверкающих звезд уже падал на клан, пока последний вождь Человечества стоял лицом к лицу со стражем врат, ведущих

в колыбель мира. В течение невероятно долгой секунды ничего не происходило.

Затем с бесконечным величием кит шевельнулся. Как живая гора, он двинулся вперед, а потревоженная вода рванулась назад мощными потоками, когда существо открыло проход.

Медленно, медленно в каменных стенах, которые охранял Левиафан, появился проем. Врата, ведущие в далекие глубины, где могло теперь спрятаться Человечество.

Левиафан неторопливо поднимался, а под него, в убежище глубочайшей колыбели планеты, один за другим бросались представители маленького клана трясущихся людей. Рэн замкнул цепь.

Кит был летающей крепостью над ними. Рэн, наконец-то, смог глубоко вздохнуть, зная, что его долг выполнен, а ответственность снята. Он сохранил свой народ людьми. Он не провалил миссию, инстинкт, который привел его сюда, оказался мудрее, чем рассудок, в конце концов, это ведь был не животный инстинкт. Дверь открылась, и круг замкнулся, но не настал конец Человечества. То, что происходило дальше, было за гранью понимания Рэна, но он знал, что не подвел свой род.

Теперь он навсегда освободился от ноши наследия.

Рэн наклонил голову и опустил плечи, согнувшись под могучей крепостью-китом, пока заводил последних людей в темноту.

КОГДА ВСЕ ПЛЕМЯ прошло вниз, Левиафан тяжеловесно развернулся в воде, рассматривая дождь звезд, которые Разрушители все еще выплескивали в ущелье, где прятались последние люди.

Звезды впивались в гигантский лоб, из которого поднимались и пульсировали на протяжении бесконечных тысячелетий «Мысли бездны». Этот кит был тут еще до возникновения Человечества. Терпеливо плывя по вечности, Левиафан ждал своего часа. На континентах рождались и умирали завоеватели, но три четверти мира покрывала вода, и кит мог ждать сколько угодно.

Теперь конфликт, наконец, переместился вниз, в мир Левиафана.

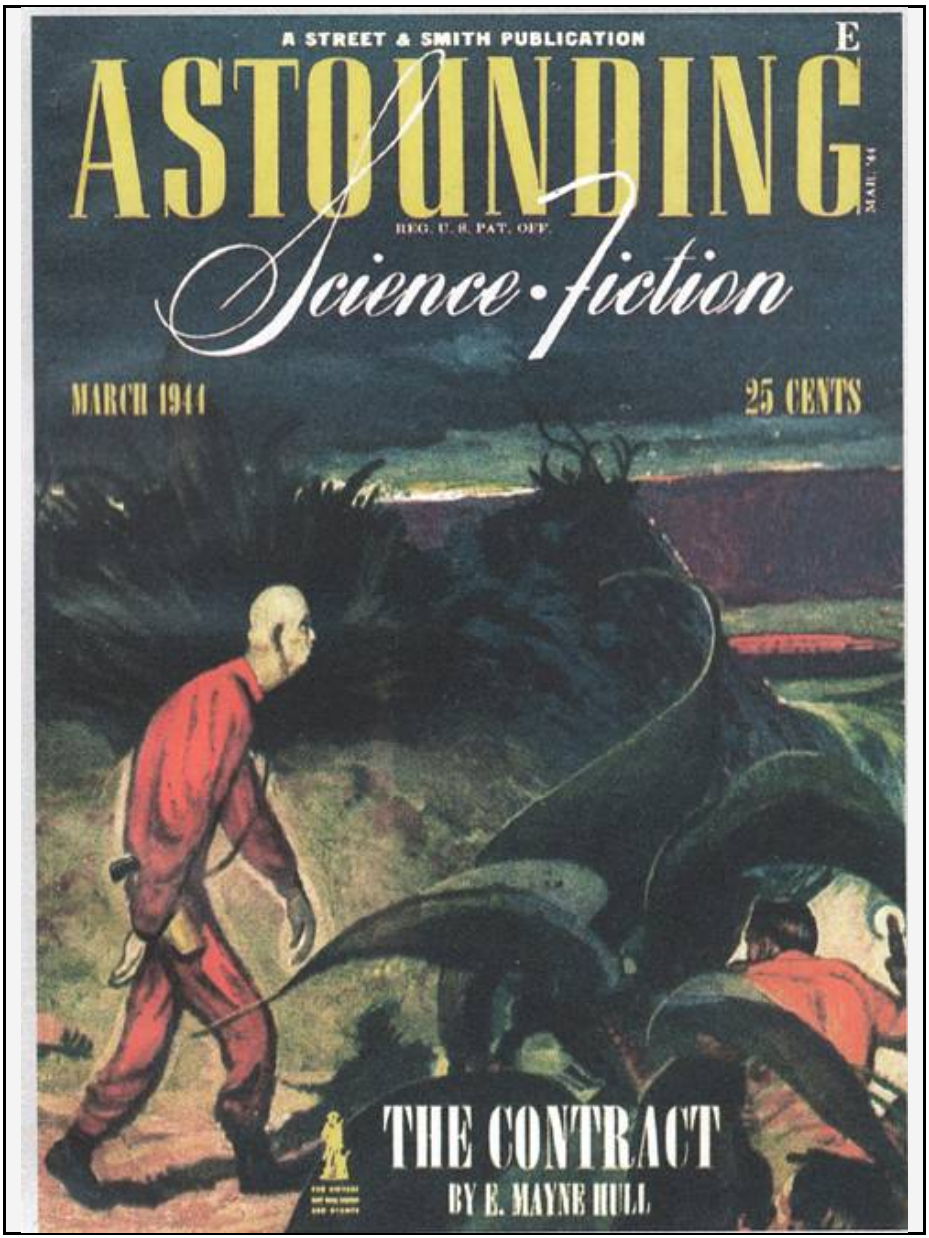
Медленно опускаясь, подплывало все больше и больше Разрушителей, слегка задерживаясь в течениях «Мыслей», которые беспрепятственно проходили через темные воды. Лились смертоносные дожди, заставляющие все живые существа на земле и под водой прятаться и умирать при соприкосновении со звездами.

Левиафан наморщил величественный лоб и стряхнул с себя

эти звезды.

Затем Рожденный Землей медленно и мощно повернулся в своей родной глубине — повернулся и увидел Чужих.

Детский час



The Children's Hour, (Astounding Science Fiction, 1944 № 3), пер. Андрей Бурцев

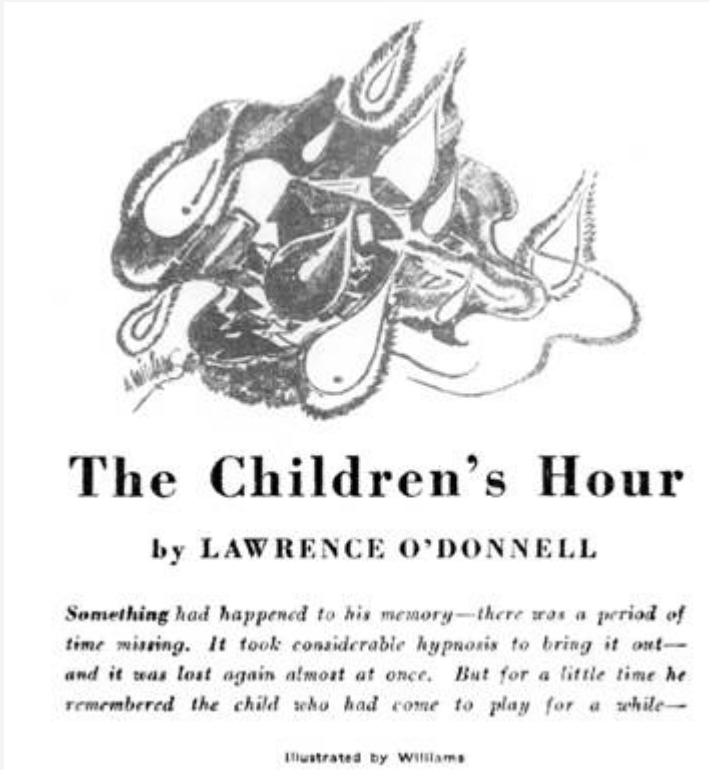
Он сидел на скамейке в маленькой рощице перед зданием Администрации, глядя, как стрелка часов над дверями начальника военной полиции рывками подбирается к семи. В назначенное время он войдет в эту дверь, один в лестничный пролет и по коридору в кабинет, где ждет лейтенант Дайк, который ожидает уже столько вечеров до этого.

Нынче вечером все может закончиться. Лессинг думал, что, возможно, так оно и будет. Что-то шевельнулось за неосязаемой блокировкой его памяти, и он подумал, что сегодня вечером может открыться дверь, так долго сопротивляющаяся квалифицированному гипнозу. Сегодня вечером, наконец, дверь может широко распахнуться и выдать тайну, о которой Лессинг понятия не имеет.

Лессинг был хорошим субъектом для гипноза. Лейтенант Дайк давно понял, экспериментируя в их классе, что солдат может научиться уменьшать чувствительность своего тела и не чувствовать ни боли, ни голода, когда боль и голод становились невыносимыми. Во время таких экспериментов иногда раскрываются тусклые, заброшенные коридоры памяти. Но очень редко в чьем сознании появляется нечто подобное блоку в голове Лессинга.

Он хорошо прошел все тесты. Неподвижность и десенсибилизация[12], изменения центра равновесия — все, что с успехом выполняли остальные подопытные, и здесь прошло без помех. Но в сознании Лессинга выявился один неподвижный барьер. Три месяца его жизни были заблокированы и изолированы непробиваемыми стенами, созданными гипнозом.

Самое странное, что он в обычном состоянии прекрасно помнил эти три месяца. Но под гипнозом они как бы не существовали. Под гипнозом у него исчезали малейшие воспоминания о том, как он жил и что делал июнь, июль и август два года назад. Лессинг жил тогда в Нью-Йорке, был гражданским, работал в рекламной фирме и жил обычной жизнью, какая еще существовала какое-то время *после 7 декабря 1941 года*. Тогда не происходило ничего такого, что заставляло бы его загипнотизированное сознание отключаться с таким упрямым постоянством, когда его просили вспомнить тот период.



The Children's Hour

by LAWRENCE O'DONNELL

***Something** had happened to his memory—there was a period of time missing. It took considerable hypnosis to bring it out—and it was lost again almost at once. But for a little time he remembered the child who had come to play for a while—*

Illustrated by Williams

Так начались длинные сеансы поисков, зондирования и осторожного управления сознанием Лессинга, и все это походило на ремонт очень сложного механизма или реабилитацию атрофировавшихся мышц, которые возвращаются к жизни при помощи сеансов массажа.

До сих пор барьер сопротивлялся. Но сегодня вечером...

Первый удар часов, отмечающих семь, разнесся в вечернем воздухе. Лессинг медленно встал, Чувствуя в своей голове непривычные прикосновения мягких лапок паники. *Это будет сегодня ночью,* подумал он. И что-то шевельнулось в самой глубине его души. Сегодня он узнает истину, снова просмотрит воспоминания, которые его разум почему-то отказывается выдавать, и он почему-то немного боялся этого знания. Он сам понятия не имел, почему. И это было нелогично.

В дверях он на мгновение приостановился и оглянулся. Лагерь окутывали сумерки, и уже размывались очертания бараков, лишь вдали все так же высилась громада госпиталя. Где-то вдали раздался гудок поезда, отбывшего в Нью-Йорк час назад. В Нью-Йорк, воспоминания о котором были заблокированы в его голове.

— Добрый вечер, сержант, — сказал лейтенант Дайк, отрывая

взгляд от стола.

Лессинг встревоженно поглядел на него. Дайк был маленьким, плотным блондином, излучающим внутреннюю энергию. Он проявил неподдельный интерес к феномену с памятью Лессинга, и Лессинг до сего момента испытывал к нему только благодарность. Но сейчас он не был уверен в этом.

— Добрый вечер, сэр, — машинально ответил он.

— Садитесь. Сигарету? Что вы нервничаете, Лессинг?

— Не знаю.

Он взял сигарету и повертел ее в пальцах, не зная, что делать с ней. Страх поднимался в его душе, как прилив, и Лессинг не мог думать ни о чем другом. Барьер начал подаваться, и кто знает, какие мутные потоки воды таились за ним в темноте, ожидая, когда их выпустят наружу? В голове у него раздавались щелчки, словно поворачивались болты, сдерживающие воспоминания. Это начал работать условный рефлекс. Его мозг готовился к гипнотическому зондированию Дайка.

Над столом Дайка покачивалась лампа без абажура. Лессинг уставился на нее, и все вокруг начало темнеть. Это тоже действовал рефлекс. Дайк, возникший вдруг позади него, провел пальцем по его голове. И Лессинг стал быстро тонуть. Он слышал, как голос Дайка становится все громче и исходит откуда-то из темноты. Голос был непреодолимой силой, которая тянула его и куда-то вела. Дайк почти сразу же направился к барьеру. Плотина в памяти тут же задрожала. Лессинг испугался.

— Возвращайтесь. Возвращайтесь. Назад, в лето сорок первого. Лето. Вы в Нью-Йорке. Когда я досчитаю до десяти, вы все вспомните. Один. Два...

Ведя отсчет, голос Дайка становился все тише и тише. И сказалась длительная подготовка к этому моменту. Джеймс Лессинг вернулся назад во времени и...

И увидел лицо, белеющее в темноте, яркое, как пламя в пустоте быстротекущего потока времени. Но чье это лицо? Лессинг не знал, зато он знал, что позади него находится тень, более черная, чем темнота, бесформенная и осторожная.

Тень росла, какой-то смутный силуэт, склонившийся над ним. Раздалось какое-то ритмическое звяканье. Это были обращенные к нему слова:

Между днем и ночною порой,
Когда сумрак сгущается,
Есть период такой небольшой —
«Детский час» называется[13].

Бессмыслица какая-то. Лессинг начал шарить руками в темноте, пытаясь найти первопричину.

И оно начало возвращаться к нему. То, что он забыл. Совсем незначительное, едва стоящее того, чтобы помнить. Что-то... Нет, кто-то... И, в конце концов, не такой уж незначительный. А напротив, кто-то довольно важный. Кто-то, кого он случайно встретил где-то, где именно, он не мог вспомнить — на улице или в парке... Или на какой-то вечеринке — но совершенно случайно. Кого-то... *Да, я был в парке*, подумал вдруг Лессинг и вспомнил поляну, яркую в солнечном свете, и траву под ногами. Фонтан, у которого он остановился, чтобы попить. Он даже вспомнил воду, прозрачную, тихо журчащую и очень вкусную, но не мог вспомнить, кто был рядом... Все отчетливее Лессинг помнил все, что тогда окружало его, все, кроме человека. Забвение упрямо окутывало эту неясную фигуру. Стройную фигуру, ростом пониже Лессинга... Темноволосую? Белокурую? Нет, все же брюнетку.

Удар черных очей этой девицы!

Внезапно он задохнулся, словно от настоящего удара, кода память бешеным потоком хлынула на него. Кларисса! Как он мог забыть ее? Как он мог? Как могла даже амнезия стереть *ее!* Он был ошеломлен яркой лавиной воспоминаний, которые были скрыты от него. И где-то в этом ярком потоке таилось горе, но он еще не позволял ему выплыть на поверхность.

Кларисса. Какими словами описать эти радужные воспоминания о ней? Когда рухнул барьер, Лессинг оказался погребенным под лавиной воспоминаний...

Они гуляли в парке над Гудзоном, впадающим в океан, голубая, как мрамор, вода становилась синей в глубине и сверкала на солнце. Чистая вода в фонтане журчала по камешкам, под деревьями пестрели тени. И все было ярким и насыщенным, как в первое утро Творения, из-за Клариссы, идущей рядом под блестящей листвой. *Кларисса...* как мог он забыть *ее!*

Все это было так, словно Лессинг оглянулся и увидел мир, более яркий, чем обыденный. Все сверкало, все блестело, все звуки были более сладостными и ясными, словно у всего, что он видел, слышал и чувствовал, было какое-то ослепительное внутреннее сияние. Это как в детстве, когда новизна мира наделяет каждую обыденность определенным очарованием. Очарование — да, это слово так подходило к Клариссе.

Не сладостность или даже нежность, а именно очарование, это старинное слово. Когда Лессинг был рядом с ней, он всякий раз словно возвращался в детство и видел все с почти невыносимой *новизной*.

Что же касается самой Клариссы... Кем она была? Как выглядела? И, главное, как он мог *забыть* ее?

Он прошел через бесформенную вуаль прошлого. Какая это фраза внезапно разорвала темную вуаль? Шок почти стер ее из памяти Лессинга. Она была как вспышка молнии, сверкнувшая в темноте и тут же исчезнувшая. Черные глаза черноты... Темноты... Нет. *«Удар черных очей этой девицы!»* Разумеется, цитата, но откуда? *Думай, думай*, пронеслось в голове Лессинга. Шекспир? Да, «Ромео и Джульетта». *«А разве это была не... как ее там, Меркуцио?»* — кажется, так сказал о своей первой любви Ромео. О девушке, которую он любил до того, как встретил Джульетту. О девушке, которую совершенно забыл...

Забыл!

Лессинг откинулся на спинку стула, позволив всему остальному ускользнуть обратно в глубины подсознания. Что-то стерло все воспоминания о Клариссе из его памяти, но где-то в темных глубинах подсознания они остались, прицепились, замаскировались, исказились, скрывшись за аналогиями и аллегориями, за фразой, написанной бродягой-драматургом триста лет назад.

Так что, в конце концов, оказалось невозможным полностью стереть Клариссу из его разума. Она оставила такой глубокий отпечаток в его личности, сияла так ярко, что вообще ничто не могло уничтожить память о ней. И все же лишь искусство лейтенанта Дайка да случайно всплывшая фраза возродили воспоминания (один ужасный момент Лессинг подумал о том, какие еще воспоминания, неясные и дрожащие, могут скрываться за аллегориями на дне подводных впадин его подсознания).

Таким образом, он все же победил их — бестелесных, безмолвных людей, стоящих между ними. Боги-ревнивцы, темные опекуны... На мгновение его мысленный взор ослепил золотой блеск. В этой вспышке Лессинг увидел незнакомцев в богатых одеяниях, перемещающихся на каком-то запутанном, незнакомом фоне. Затем дверь памяти захлопнулась, и Лессинг, моргая, выплыл в реальность.

Их? Победил *их?* Но кого? Он понятия не имел. Даже в этом волшебном проблеске возвращенной памяти, он думал, что не уверен, кто такие *они*. То есть, очень возможно, здесь крылась так и не разрешенная тайна. Но где-то в темноте на задворках его сознания были спрятаны все эти невероятные вещи. Боги, жидкое золото света и люди в ярких одеждах, и было все это, конечно... не в нашем мире...

Все было яркое-яркое, гораздо ярче, чем видели обычный мир нормальные глаза. Такова была Кларисса и все ее окружение.

Очарование, исходящее от нее, было куда сильнее, чем просто очарование первой любви. Лессинг был убежден в этом. Идя рядом с Клариссой, он пользовался каким-то волшебством, придающим блеск всему, на что падал взгляд. Прекрасная Кларисса, чудесный мир, такой яркий, с такой *клариссмой,* рядом с которой не сравнится никакая харизма, то бишь дар Божий, по-настоящему новый, свежий мир детства. Но между Лессингом и ею стояли какие-то темные люди...

Стоп! Кларисса... и тетя? Там была тетя? Высокая, темная, тихая женщина. Ослабляющая сияние окружающего всякий раз, как появлялась рядом? Лессинг не помнил ее лица, она была всего лишь тенью позади сияющего присутствия Клариссы, безликое, безмолвное небытие, с негодованием находящееся на заднем плане.

Память заколебалась и нахлынуло отчаяние, с которым Лессинг стал отчаянно бороться, так как окружающее сияние начало тускнеть. *Кларисса, Кларисса* — где теперь она, распространяющая вокруг чудесное сияние?

— Рассказывайте, — послышался голос лейтенанта Дайка.

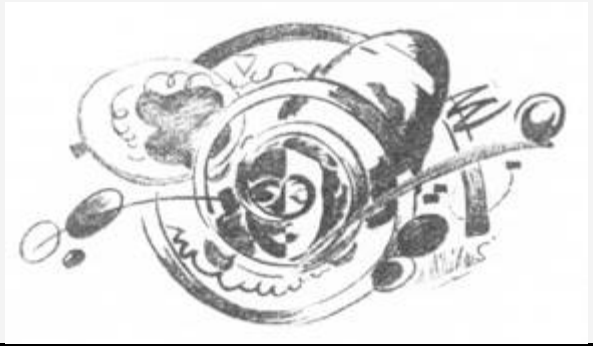
— Была девушка, — безнадежно сделал попытку Лессинг. — Я встретил ее в парке...

Кларисса сияющим июньским утром, высокая, темноволосая, стройная, на фоне Гудзона, несущего за ней синие, ровные воды. *«Удар черных очей этой девицы!».* Да, действительно, черные глаза, яркие, звездные и черные, точно космос, глядящие на него с какой-то серьезной отстраненностью и заботой, точно на ребенка. И в тот момент, когда он встретил этот сияющий, серьезный взгляд, они познали друг друга. Он действительно ощутил удар — удар, пробудивший его от жизни во сне. (Ромео, которому нанесли такой удар, в итоге потерял обеих возлюбленных...).

— Привет, — сказала Кларисса.

— Это продолжалось не очень долго... мне кажется, — неуверенно сказал он Дайку. — Достаточно долго, чтобы почувствовать нечто странное в Клариссе, — хотя и очень замечательное, — но недостаточно долго, чтобы понять, что это такое... Так мне *кажется*.

(И все же были сияющие дни счастья, даже после того, как тени пали на них. Потому что всегда были тени, которые ей приходилось распихивать локтями. Лессингу казалось, будто они центрировались вокруг тети, которая жила с нею, это мрачное небытие, лицо которого он никак не мог вспомнить).



— Я не нравился ей, — пояснил Лессинг, хмурясь от усилий все вспомнить. — Хотя, нет... не совсем так. Но что-то витало... вокруг, когда она бывала с нами. Кажется, я вот-вот вспомню... Как жаль, что я не могу вспомнить ее лица!

Но, вероятно, это не имело никакого значения. Они не часто видели тетю. Они встречались, Кларисса и Лессинг, в различных местах в Нью-Йорке, и всякий раз эти места сияли, когда ее присутствие накладывало на них необъяснимую *клариссму*. Не было никакого разумного объяснения этого сияния, или что уличные шумы слагались вдруг в чарующую музыку, и пыль, обычная пыль становилась золотой в то время, которое они проводили вместе. Это было так. Словно он смотрел на мир ее глазами, а она смотрела на все с иной, не человеческой точки зрения.

— Я так мало узнал о ней, — продолжал Лессинг.

Казалось, она вообще появилась в мире в ту первую встречу у реки. И, как он чувствовал, исчезла из мира в небытие в разом потускневшей квартире, когда тетя сказала... что же сказала тогда эта тетя?..

Это был тот момент, который Лессинг оттягивал с тех пор, как память начала возвращаться к нему. Но сейчас он должен все вспомнить. Возможно, это был самый важный момент во всей этой странной цепи событий, момент, который так внезапно и наглухо отрезал его от Клариссы и ее яркого, нереального, гораздо лучшего, чем обычный, мира...

Что же сказала ему та женщина?

Лессинг сидел неподвижно, пытаясь вспомнить. Он закрыл глаза и сосредоточился, пытаясь вглядеться внутрь себя и вернуться в тот странный, облачный час, наощупь продвигаясь мимо теней, которые начинали двигаться при малейшем его касании.

— Нет, не могу, — нахмурившись, все еще не открывая глаз, сказал Лессинг. — Не могу. Это были какие-то отрицательные...

наверное, слова, но.... Нет, бесполезно.

— Попытайтесь еще раз вспомнить тетю, — предложил Дайк. — На что она была похожа?

Лессинг закрыл руками глаза и принялся напрягать память так, что в голове затрещало. Высокая? Темноволосая, как Кларисса? Мрачная, конечно... или это было всего лишь впечатление от ее слов? Он не мог вспомнить. Он заерзал на стуле, морщась от усилий. Она стояла перед зеркалами и смотрела свысока... Свысока? Какая же фигура была у нее на фоне света? У нее не было никакой фигуры. Она никогда не существовала. Ее образ, казалось, ускользал и прятался за мебель или ловко сворачивал за угол всякий раз, когда память Лессинга пыталась последовать за ним по квартире. Казалось, здесь блок памяти стоял неколебимо.

— Не думаю, что я когда-либо видел ее, — сказал, наконец, Лессинг, глядя на Дайка напряженным, недоверчивым взглядом. — Ее просто там не было.

Но все же была тень между ним и Клариссой за секунду до... до того... что отключило его память. Что же произошло? Что-то ведь произошло перед тем, как нахлынуло забвение. Перед... амнезией.

— Вот и все, — сказал Лессинг с изумлением в голосе и открыл глаза. — Это все основные факты. И ни один из них ничего не проясняет.

Дайк взмахнул в воздухе сигаретой, его сощуренные глаза сияли.

— Где-то мы упустили суть, — сказал он. — Настоящая истина скрыта еще глубже, чем мы думали. Но это трудно понять заранее, пока не начал копать. А вы думаете, это все Кларисса?

— Не думаю, что она вообще что-то знает, — покачал головой Лессинг.

Все те очаровательные дни она была совершенно обычной девушкой, пока не... Что же произошло? Лессинг не мог вспомнить, но то, что произошло, явно *не было* обычным. Что-то вырвалось и нанесло удар, что-то, лежавшее в глубине души, под пластами обыденности. Что-то великолепное, сияющее в самой глубине.

— Попытайтесь еще раз вспомнить тетю, — велел Дайк.

Лессинг закрыл глаза. Эта безликая, бестелесная, безмолвная женщина так ловко ускользала от его памяти, что он пришел в отчаяние и решил, что никогда уже не поймает ее и не вытащит на поверхность...

— Тогда возвращайтесь, — велел ему Дайк. — Обратно, к

самому началу. Когда вы начали понимать, что происходит нечто необычное?

Сознание Лессинга понеслось назад, через противоестественно пустые провалы в прошлом.

Он даже не сразу понял, с чего все началось, с одной странности, о которой вспомнил лишь теперь, когда узнал, как чудесным образом преображался мир в присутствии Клариссы. Осознание это, должно быть, медленно проявлялось после многих встреч, как своего рода магнетизм. Лессинг знал, что было чудом просто дышать тем же воздухом, что и она, и ходить по тем же улицам, по которым ходит она.

По тем же улицам? Да, значит, нечто странное произошло где-то на улице. На улице, на которой вдруг раздались крики... Несчастный случай. Столкновение произошло у Центрального Парка, у самого выезда на Семьдесят Вторую улицу. Воспоминания об этом вернулись теперь ясные, с нарастающим ужасом. Они уже шли вдоль решетчатой ограды к улице, когда услышали визг тормозов, глухой удар и скрежет металла о металл, а затем крики.

Лессинг держал Клариссу за руку. И внезапно почувствовал, как задрожала ее рука, а затем мягко, нежно, но с какой-то странной ловкостью выскользнула из его ладони. Их пальцы были переплетены и не разжимались, но рука каким-то образом освободилась. Он повернулся, чтобы посмотреть...

Воспоминания на этом прервались. Но он уже вспомнил, что произошло. Он вспомнил, что увидел круг потревоженного воздуха, точно такой же, как круг на воде от брошенного камня. Кругов стало много. Они были абсолютно такие же, как на воде, за исключением того, что эти круги не расширялись, а напротив, сжимались. И пока они сжимались, Кларисса куда-то перемещалась. Она словно летела в быстро уменьшающемся туннеле из ярких кругов, сфокусированных на парке. Она не глядела ни на Лессинга, ни на кого вокруг. Глаза ее были печальные, лицо задумчивое и какое-то притихшее.

Лессинг застыл на месте, слишком ошеломленный даже для того, чтобы удивляться.

Яркие концентрические круги сомкнулись вместе в ослепительной вспышке. Лессинг невольно прикрыл глаза, а когда открыл их снова, Клариссы уже не было. Люди бежали по улице и собирались в толпу, шум которой становился все громче. И никого не было рядом, кто мог бы увидеть это — или, возможно, сам Лессинг видел лишь те образы, которые создал его собственный взбудораженный разум. Возможно, он внезапно сошел с ума. Паника росла у него в груди, но еще не

выплеснулась на лицо. Для этого не хватило времени.

Но прежде, чем он полностью осознал происшедшее, он снова увидел Клариссу. Она спокойно стояла у зарослей кустарника. Она не смотрела на него. А он стоял посреди пешеходной дорожки, ноги подгибались, и ему казалось, что весь парк вокруг дрожит. Затем Кларисса подошла к нему, улыбнулась и снова взяла его за руку.

И это было всего лишь первым происшествием.

— Я не мог заговорить с ней об этом, — сухо сказал Дайку Лессинг. — Я понял, что не смогу, как только взглянул ей в лицо. Потому что она *не знала.* Ей казалось, что ничего не случилось. А затем я подумал, что мне вообще все это почудилось — но я знал, что невозможно увидеть такое, если только не сошел с ума. Позже я начал выстраивать свою теорию... — Он нервно рассмеялся. — Вы знаете, как трудно удержаться и не принять того, что я видел... ну... просто за галлюцинации?

— Продолжайте, — повторил Дайк, подался вперед через стол и глаза его, казалось, проникли в душу Лессингу. — Что было потом? Это произошло снова?

— Ну, не совсем так.

Не совсем так? А как? Он все равно плохо помнил все это. Воспоминания появлялись вспышками, и каждое завершалось перед каким-то событием, но вот сами события были еще как в тумане.

Неужели те ярко светящиеся кольца были чистой воды галлюцинацией? Лессинг был убежден, что поверил бы в это, если бы ничего больше не случилось. Потому что невозможное отступает, когда мы убеждаем себя, что этого просто не может быть. Но Лессингу не давали забыть...

Клубок памяти продолжал распутываться, воспоминания одно за другим проносились у него в голове. Он вошел в них потом и расслабился на стуле, лицо его из угрюмого приобрело очень сосредоточенный вид. Где-то в самой глубине души лежало открытие, чей удивительный свет сиял сквозь темноту забвения, но оно все еще ускользало и не давало схватить себя за хвост. Если Лессинг вообще хотел его схватить. Если он смел. Он поспешно двинулся вперед, стараясь не думать об этом.

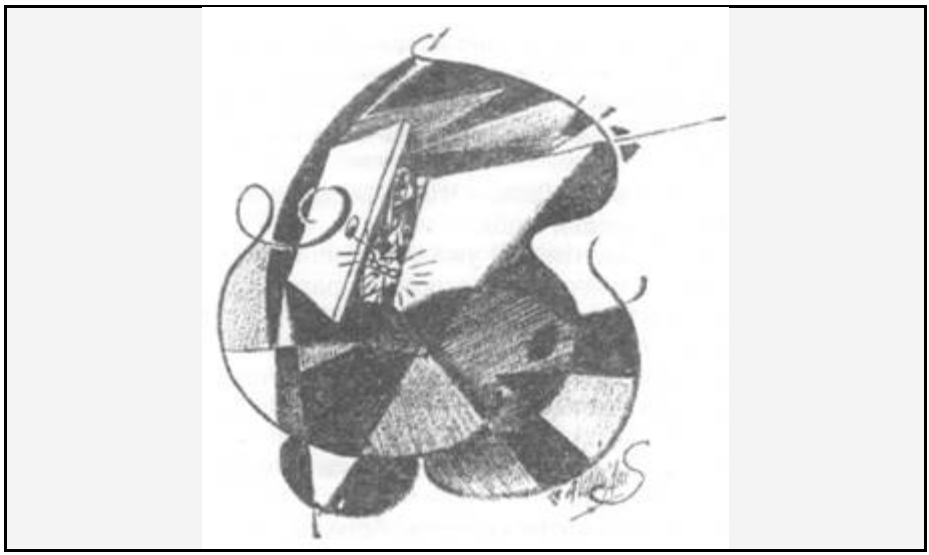
Что там было следующим?

Снова парк. Странно, как часто преследовали его воспоминания о парках Нью-Йорка. На этот раз шел дождь, и что-то произошло. Что именно — Лессинг не знал. Приходилось ощупью, шаг за шагом, возвращаться назад, к кульминационному моменту, туда, что так не хотело вспоминать его сознание.

Дождь. Неожиданная гроза, которая застала их на берегу озера. Холодный ветер, поднимавший рябь на воде, крупные капли дождя, застучавшие вокруг них. И его собственные слова:

— Бежим, мы еще успеем вернуться в беседку.

Смеясь, они побежали, рука об руку, по берегу. Кларисса, придерживающая свою широкополую шляпу и приноравливая свои шаги к его, крупным, скользящим, шагам, так что они двигались по траве плавно, словно танцоры.



Беседка потемнела, проведя тут, на утесе, много зим. Она стояла в небольшой нише в склоне из черного камня, выходящего к озеру, пыльное скудное убежище от дождя, в которое они вбежали со смехом.

Но она не защитила их. Беседка просто не могла защитить их.

Лессинг увидел, как беседка внезапно замерцала и исчезла, расплывшись ярким пятном, исчезла, словно в фильме, когда камера становится не в фокусе.

— Но не так, как исчезала Кларисса, — пояснил Лессинг Дайку. — Там были ясно видные концентрические кольца, образующие нечто вроде туннеля. На этот же раз беседка просто расплылась и исчезла. Прошла минута, другая... — Он взмахнул рукой в воздухе.

Дайк не шевельнулся, не спуская с Лессинга ясного, всепроникающего взгляда.

— Что же Кларисса сказала на этот раз?

Лессинг нахмурился, потер подбородок.

— Разумеется, она видела, что произошло. Я... Мне кажется,

она сказала что-то просто вроде: «Ну, вот, прибежали домой. Что-то не хочется мне торчать тут под дождем». Словно она привыкла к подобным вещам. Возможно, и действительно привыкла. По крайней мере, это не удивило ее.

— И на этот раз вы тоже ничего не сказали?

— Я не смог. Она восприняла это так спокойно. Для меня было огромным облегчением понять, что она тоже видит исчезновение беседки. В первый раз я подумал, что мне все показалось. Но не на этот раз. А к настоящему времени...

Внезапно Лессинг замолчал. До этого он был слишком поглощен возвращением неуловимых воспоминаний, чтобы объективно взглянуть на то, что уже вспомнил. Теперь же невероятная действительность того, о чем он рассказывал, ударила его без предупреждения, и он уставился на Дайка с настоящим ужасом в глазах. Какое могло быть объяснение этих видений, кроме фактического сумасшествия? Но все это, и возможное, и невозможное, произошло в потерянные им месяцы. Было уже достаточно невероятно, что он забыл об этом периоде своей жизни, но вот *что именно* он забыл, относится к еще более невероятной теории, которую он собирался изложить Дайку, теории, вытекающей из гипотезы о настоящем чуде...

— Продолжайте, — очень тихо сказал Дайк. — Что было дальше?

Лессинг сделал длинный, дрожащий вздох.

— К настоящему времени... Кажется... Я уже отбросил идею о галлюцинациях... — Он вновь замолчал, неспособный продолжать говорить о таких явных невозможностях.

— Продолжайте, Лессинг, — осторожно подтолкнул его Дайк. — Продолжайте, пока мы не ухватим то, с чем можно поработать. Должны же быть какие-то объяснения всему этому. Продолжайте копать глубже. Почему вы решили, что это не галлюцинации?

— Потому что... Ну, мне показалось, что это слишком уж простое объяснение, — упрямо сказал Лессинг.

Было нелепо так просто отказаться от гипотезы безумия, и он снова перерыл свою память в поисках логичного ответа.

— Во всяком случае, безумие казалось мне неверным ответом, — продолжал Лессинг. — Насколько я сейчас помню, кажется, я почувствовал, что всему этому есть какая-то причина. Кларисса явно не знала, но я начинал понимать.

— Причина? Какая причина?

Лессинг нахмурился, стараясь сосредоточиться. Несмотря на свое очарование чем-то неизвестным, он, через мрак амнезии, все же нащупал ответ, который уловил тогда, несколько лет назад, поймал и вновь упустил.

— Для нее это было столь естественно, что она даже не замечала. Это была неприятность, но неприятность такого сорта, который следует принимать философски. Вы должны были промокнуть, когда гроза поймала вас вдали от укрытия. И если укрытие, до которого вы все же добежали, удивительным образом вдруг исчезло, что ж, это лишь подчеркнуло факт, что вам предначертано было промокнуть. Предначертано, понимаете?

Он замолчал, совершенно неуверенный, что это самое главное, но тут в его памяти, среди обрывочных воспоминаний, всплыла одна фраза, которая показалась ему ужасно значительной, когда он вытащил ее на свет. В ней, казалось, и заключалось открытие.

— Она действительно промокла, — медленно продолжал Лессинг. — Теперь я это вспомнил. Домой она вернулась вымокшая до нитки, простудилась и несколько дней у нее держалась высокая температура...

Он быстро пробежался по цепочке воспоминаний, делая невероятные выводы. Неужели что-то, так или иначе, управляло жизнью Клариссы такой мощной рукой, что она могла нарушить все законы природы, чтобы вести девушку определенным путем? Неужели что-то действительно перенесло ее через небольшой участок пространства-времени, чтобы сохранить от дорожной аварии? Но когда ей было предназначено промокнуть и заболеть, то это же что-то уничтожило беседку. Уничтожило так, словно ее никогда и не было. Позволило ей исчезнуть так же естественно, как пошел ливень, чтобы Кларисса простудилась...

Лессинг снова закрыл глаза и прижал к ним ладони. Хочет ли он вспоминать, что было дальше? В какие еще дебри неправдоподобия приведут его эти воспоминания? Он проник глубже, ужаснулся и отпрянул. В глубине души все еще сиял свет удивительного открытия, снизошедшего до него, но Лессинг пошел туда медленно, ничуть не уверенный, что хочет проникнуть в ту глубину и ясно увидеть, что там сияет.

— У нее был жар? — дошел до его сознания голос Дайка. — Продолжайте, что случилось потом?..

— Я не видел ее в течение нескольких недель. И... мир опять стал обыденным, таким, как всегда. Исчезло окружающее его праздничное сияние...

Значит, оно должно возобновляться с ее присутствием, это странное очарование, усиливающее все цвета, резче вырисовывающее мельчайшие детали, делавшее музыкальным все звуки, когда они были вместе. Теперь, когда ничего этого не было, Лессинг жаждал его всей душой. Оглядываясь назад, он

вспоминал невыносимую тусклость того периода. И, вероятно, тогда он стал понимать, что влюбился без памяти.

Прошли недели, и Кларисса опять появилась. Лессинг вспомнил, как засиял день в ее огромных черных глазах. Сияние было слишком сильное, чтобы смотреть ей в глаза, словно яркие звезды сверкали в них, пока сами глаза не стали черным пламенем, более великолепным, чем какой-либо свет.

В ту первую встречу после ее болезни Лессинг увидел Клариссу одну. Где была тетя? Во всяком случае, не рядом с ней. Странная была у Клариссы квартира, пустая, не считая ее самой. Без окон? Лессинг напрягся, пытаясь вспомнить. Да, правда, никаких окон там не было. Но было много зеркал. И очень глубокие, темные ковры. Таково было его впечатление от этой квартиры, очень тихой и очень... доброй, с отражающими друг друга зеркалами, уходящими куда-то в бесконечность.

Он сидел возле Клариссы, держал ее за руку и что-то тихонько говорил. Ее улыбка была неуверенной, а глаза такими яркими, что почти пугали. В тот день они были очень счастливы. Он слегка просиял даже сейчас, вспоминая, насколько счастливы они были. А ведь теперь он не должен был чувствовать ничего, кроме горя.

Замечательная яркость восприятия постепенно вернулась к Лессингу, когда они были вдвоем, и все в мире казалось ослепительно *правильным.* Комната была центром совершенной Вселенной, красивой и упорядоченной, все сферы которой пели в унисон.

Тогда я был к Клариссе ближе, подумал Лессинг, *чем потом, во время последующих свиданий. Ведь это был мир Клариссы, красивый, спокойный и очень яркий. Можно было даже услышать пение каких-то механизмов, в совершенстве исполняющих арии, дуэты и хоры. Жизнь Клариссы всегда была таковой. Нет, никогда больше я не был так близок к ней*.

Механизмы?.. Почему ему на ум пришел этот образ?

Лишь одно было неладно в этой квартире. Лессингу все время казалось, что за ним наблюдают чьи-то глаза, отмечая все, что он делает и даже думает. Вероятно, виноваты в этом были зеркала, но это смущало его. Лессинг даже спросил Клариссу, зачем тут так много зеркал.

— Чтобы лучше видеть тебя, любимый, — рассмеялась она.

Но тут же замолчала, словно какая-то мысль неожиданно пришла ей в голову, и огляделась вокруг, с озадаченным видом глядя на собственные отражения, видимые под разными углами. К тому времени Лессинг привык наблюдать за возникающими на ее лице выражениями, которые являлись странными реакциями

на обычную жизнь. Она действительно была странным созданием, Кларисса, и в этом, и во многом другом. *Два плюс два*, подумал он с внезапной нежной улыбкой, *редко были для нее меньше шести, и она часто впадала в необъяснимо глубокую задумчивость при виде самых обычных вещей*. Еще вначале их знакомства Лессинг понял, что бесполезно спрашивать ее обо всем этом.

— К тому времени, — пробормотал он почти что про себя, — я уже ни в чем не сомневался. Я просто не смел сомневаться. Я жил в плоскости не совсем обычного мира, но это был мир Клариссы, и я не задавал никаких вопросов.

Безмятежной, яркой, неописуемо организованной была маленькая Вселенная Клариссы. Настолько организованной, что созвездия могли изменить свои очертания в небе, если это было необходимо для ее спокойствия. Какие-то механизмы, поющие во время работы, были явно ответственны за то, что она таким экстравагантным образом спаслась во время уличного происшествия, или за уничтожение беседки, чтобы она могла полежать в постели с лихорадкой...

Лихорадка тоже наверняка служила какой-то цели. Никогда ничего не происходило с Клариссой — в этом Лессинг был уверен, — без определенной цели. Случайностям не было места в том мирке, окружавшем ее. Лихорадка повлекла за собой бред, а в бреду, вероятно, ей открылись какие-то истины. Но что это были за истины? У Лессинга не было никаких предположений на этот счет. Но ее глаза теперь сверкали так противоестественно ярко, словно в них задержался лихорадочный блеск или как будто... как будто она смотрела вперед, в будущее, такое невероятно светлое, что его отблески постоянно отражались в ее глазах, с чернотой, более яркой, чем свет.

Лессинг был теперь уверен, что она даже не подозревает, что ее жизнь отличается от жизни всех остальных, что не замечает, какие чудеса происходят в мире под знаком *клариссизма*. (Парочку раз мир сам по себе изменялся, и у Лессинга возникала дикая мысль: а что, если она права, а он не прав, и все остальные живут так же, как Кларисса, кроме него самого?).

В те дни они жили в особенном ореоле. Она любила его, в этом Лессинг не сомневался. Но все увеличивался ее восторг. Должно было произойти нечто особенно замечательное и, что самое удивительное, она сама не знала, что именно. Она напоминала ему ребенка, проснувшегося Рожественским утром и лежащего в восхитительном полусонном состоянии, помня лишь, что его ожидает нечто чудесное, когда он совсем проснется.

— Она никогда не упоминала об этом? — спросил Дайк.

— Это было лишь мое впечатление, — покачал головой Лессинг. — И если я пытался задать вопросы, они... смысл их, казалось, тут же ускользал. Но она не избегала их. Это было нечто иное, словно она не совсем понимала... — Он помолчал. — А затем что-то пошло не так, — медленно произнес он. — Что-то...

Было трудно вытащить на свет эту часть воспоминаний. Наверное, плохие воспоминания погружались гораздо глубже, нежели хорошие, и прятались за испещренными шрамами тканями, шрамами, которые постепенно затягивались. Что же произошло? Лессинг знал, что Кларисса любит его, они даже планировали свадьбу. Разумеется, в этих планах был так подробно изложен образец счастья, что оставалось лишь следовать ему.

— Тетя, — с сомнением в голосе произнес Лессинг. — Мне кажется, тут вмешалась она. Я думаю... Кларисса словно начала выскальзывать из моих объятий. Она все время была занята, когда я звонил, или тетя говорила мне, что ее нет. Я был совершенно уверен, что она все еще лежит в постели, но что мог поделать?

Когда же они встречались, Кларисса пренебрежительно отбрасывала его сомнения, заверяя его сияющими взглядами и какой-то серьезной нежностью. Но все же она была так занята. В действительности она мало что делала, но всегда странным образом казалась такой занятой.

— Она могла наблюдать, как воробьи на подоконнике клюют крошки, — сказал он Дайку, — или как двое мужчин спорят на улице, причем уделяла всему этому полностью все внимание, так что для меня уже ничего не оставалось. Поэтому, спустя какое-то время, — кажется, прошла целая неделя без свиданий с ней, — я решил поговорить с ее тетей.

Тут в памяти был провал... Лессинг ясно помнил лишь, как стоит на площадке перед дверью квартиры и стучит в нее. Он помнил, как дверь тихонько заскрипела, лишь чуть приоткрывшись. Дверь была на цепочке, и открылась лишь на длину этой цепочки, выпустив на площадку немного света. Это были отблески многих зеркал, хотя никакого источника света Лессинг не увидел. Однако, он видел, как кто-то перемещается внутри, какая-то фигура, искаженная зеркалами, размноженная ими, направлялась по своим делам, не уделяя никакого внимания его стуку в дверь.

— Эй! — позвал он. — Кларисса... Это ты?

Никакого ответа. Лишь бесшумное движение, время от времени отражающееся в зеркалах. Тогда он позвал тетю по имени.

— Это вы, миссис...

Какое там было имя? Сейчас он понятия не имел. Но тогда он звал ее по имени снова и снова, все более сердясь, потому что движущаяся фигура не обращала на него никакого внимания.

— Я вас вижу, — почти что кричал он, прижав лицо к щели. — Я знаю, что вы не можете не слышать меня. Почему вы не отвечаете?

В ответ — ничего. На пару мгновений движение в зеркалах исчезло, затем возникло снова, а потом еще раз. Лессинг не мог различить фигуру, отражающуюся в этих зеркалах. Кто-то темный тихонько ходил по темным коврам, не обращая никакого внимания на приоткрытую дверь. Какой-то очень уж расплывчатой, неясной была эта тетя.

Внезапно Лессинг поразился нереальности этой ситуации. Неясная фигура направилась к следующей комнате и, колеблясь, остановилась на ее пороге. Какого дьявола эта женщина разводит здесь тайны? Слишком уж властно вела она себя. Но ведь Кларисса может поступать так, как хочет...

В душе Лессинга вскипел гнев неожиданной, жаркой волной.

— Кларисса! — позвал он.

Затем, когда мерцание зеркал снова потускнело, он уперся плечом в дверь и с силой нажал.

Фиксатор цепочки не выдержал и отлетел, и Лессинг, теряя равновесие, сделал пару шагов вперед. Комната с темными зеркалами головокружительно завертелась у него перед глазами. Он так и не увидел тетю Клариссы, только быстрое, загадочное движение в зеркале, но внезапно случилось нечто совсем уж необъяснимое.

Тяготение вдруг изменилось как по силе, так и по направлению. Не устояв на ногах, он стал медленно падать — точно в сказке про Алису — в какую-то кроличью нору. Все это походило на кошмарный сон своей неправдоподобностью и тому, что ничуть не удивляло его. Странное падение вытеснило все остальное из его головы. В комнате никого не было, не было никаких зеркал, да не было уже и самой комнаты. Он падал в пустоте, бестелесный, не человек, а чистая, лишенная тела личность...

Но потом появилась Кларисса. Лессинг увидел вспышку золотого света, пылающую, падающую в белой темноте. Золотой душ, окутавший и уносивший Клариссу.

Отстраненно, какой-то частью сознания он знал, что должен удивляться. Но все это слишком походило на сон. Во сне слишком просто принимать все происходящее вокруг, а он был слишком ленив, чтобы приложить усилия и проснуться. Он снова увидел Клариссу, летящую на странном, меняющемся фоне, иногда

просто незнакомом, а иногда, подумал Лессинг, дико невозможном...

Затем появился человек в доспехах, стоящий на террасе, освещенной теплым солнцем, за террасой виднелся парк, а еще дальше — горы. Какая-то женщина отпрянула от него, и двое мужчин заслонили ее собой. Была там также и Кларисса. Лессинг вдруг осознал, что понимает их язык, хотя и не знал, как и почему. У человека в доспехах было какое-то оружие, которое он поднял и закричал:

— Назад, Ваше Высочество! Я не могу стрелять, вы слишком близко...

Молодой человек в долгополой одежде варварской расцветки или мантии с широким поясом, внезапно размотал этот пояс, который оказался алым кнутом. Но никто из них не казался готовым к каким-либо агрессивным действиям. На лицах людей появилось удивление, глаза стали круглыми, когда они уставились на Лессинга. Позади них высокая женщина с недовольным лицом стояла, застыв от такого же удивления. Лессинг огляделся в замешательстве и встретил пристальные, недоверчивые взгляды девушек, сбившихся позади нее. Среди них была и Кларисса, а за ней... совсем рядом... кто-то, кого Лессинг не мог вспомнить. Темная, загадочная, чуть наклонившаяся фигура...

Все стояли, как вкопанные. Все, кроме Клариссы и, возможно, фигуры рядом с ней. Человек в доспехах стоял с приподнятым оружием. Юноша в мантии уже размотал свой кнут, но держал его опущенным. Все носили какие-то фантастические одеяния стиля и периода, о каком Лессинг слыхом не слыхивал, кроме удивления, лица их выражали напряжение и недовольство, словно что-то тревожило их. Лессинг так и не понял, что это было.

Только Кларисса выглядела безмятежной, как и всегда. И только она не выказывала удивления. Ее черные глаза под черными волосами, уложенными в странную, тщательно исполненную прическу, встретились со взглядом Лессинга, он уловил в них знакомое сияние, а Кларисса молча улыбнулась.

Девушки принялись взволнованно перешептываться.

— Кто вы? — странным голосом спросил человек в доспехах. — Откуда вы появились? Отойдите, иначе я буду вынужден...

— Он возник прямо из воздуха! — изумленно воскликнул юноша и щелкнул темно-красным кнутом по траве.

Лессинг открыл рот, чтобы сказать... ну, хоть что-то. Кнут почему-то выглядел очень опасным. Кларисса, все еще улыбаясь, покачала головой.

— Не надо, — сказала она. — Не трудись ничего объяснять. Все равно они все забудут.

Если он что-то и хотел сказать, то после ее слов у него из головы улетучились все мысли. Это было слишком фантастично и одновременно походило... на нечто знакомое. Алиса, пришло вдруг ему в голову. Алиса в Зазеркалье, у Герцогини, устроившей прием гостей на открытом воздухе. Яркие странные костюмы, яркая зеленая трава, и такая же витающая в воздухе угроза. Так и кажется, что Герцогиня вот-вот закричит: «Отрубить ему голову!»

Юноша в мантии сделал шаг назад и взмахнул кнутом, заставив его алыми кольцами взмыть в небо. *Змеи! Змеи! Они никому не нравятся!* — пронеслась в голове Лессинга дикая мысль.

А затем весь мир принялся крутиться, словно повинуясь вращению этих колец. Парк стал осью, крутившейся все быстрее и быстрее от удара темно-красного кнута. Лессинг потерял равновесие на вращающейся траве, и центробежная сила швырнула его в темноту небытия...

Голова болела.

Лессинг медленно встал с пола лестничной площадки, держась за стену, чтобы не упасть. Вокруг все еще вращалось, но уже медленнее, останавливаясь. У него заняло какое-то время, чтобы перестала кружиться голова, но как только Лессинг пришел в себя, то ясно понял, что произошло. Он вообще не выламывал дверь. Цепочка так и осталась целой. Он не попадал в темную зеркальную комнату, где бесшумно мельтешила взад-вперед тень тети. Дверь, к тому же, вообще не открывалась. По крайней мере, теперь она не была приоткрыта. А местоположение половика и длинные, темные царапины на полу поясняли, что Лессинг попытался выломать дверь и поскользнулся. Должно быть, он ударился головой о косяк.

Лессинг подумал о том, не мог ли такой удар послужить причиной последующих галлюцинаций, а также отбросить его назад во времени. И он подумал, что ему привиделось — наверняка привиделось, — что дверь приоткрылась, а за ней беззвучно перемещаются тени.

Когда он тем вечером позвонил Клариссе, то был полон решимости непременно поговорить с ней, даже если для этого придется пригрозить ее тете полицией. Лессинг понимал, как оскорбительно бесполезно прозвучат такие угрозы, но не мог придумать никакую альтернативу. И потребность увидеть Клариссу стала совсем отчаянной теперь, после странных видений Страны Чудес и Зазеркалья. Лессинг хотел поговорить с

ней об этом и думал, что его история произведет какой-нибудь эффект. Чуть ли не в замешательстве он ожидал, что Кларисса вспомнит ту роль, которую она играла во всем этом сама, хотя и понимал, каким идиотским выглядит это ожидание.

В таком настрое он и позвонил, и был несколько дезориентирован, когда услышал в трубке не тетю, а саму Клариссу.

— Я сейчас приеду к тебе, — категорично заявил он срывающимся голосом.

— Да, приезжай, — ответила Кларисса так, словно они расстались лишь несколько часов назад.

Объятому нетерпением Лессингу поездка через город показалась очень долгой. Он репетировал в уме историю, какую расскажет ей, когда они останутся одни.

Видение было таким реальным и ярким, хотя, должно быть, прошла лишь доля секунды между тем, как его голова ударилась о дверной косяк, и тем, как колени коснулись пола. Что же скажет об этом Кларисса? Лессинг не знал, почему вообще хочет рассказать ей об этом, но ему казалось, что она может дать ответы на его вопросы, если он задаст их ей.

Он нетерпеливо позвонил в дверь. Как прежде, из-за двери не донеслось ни звука. Лессинг позвонил еще раз. Никакого ответа. С чувством, будто он перенесся назад во времени и второй раз переживает эту удивительную галлюцинацию, Лессинг толкнул дверь. К его удивлению, дверь широко открылась. На этот раз ее не сдерживала никакая цепочка. Он уставился в уже знакомый, со многочисленными зеркалами, полумрак. И пока он стоял на пороге, неуверенный, позвать ли или снова нажать кнопку звонка, то заметил, как в глубине квартиры, видной лишь в зеркалах, что-то шевельнулось.

На мгновение ему показалось, что он опять переживает случившееся. Но затем Лессинг увидел, что это Кларисса. Кларисса, стоящая неподвижно, с выражением ожидания на ее ярко светящемся лице. Это был тот самый взгляд, словно у ребенка Рождественским утром, который он уже видел раньше мельком, но никогда так ясно, как сейчас. Лессинг не видел, на что она смотрит, но выражение ее лица он узнал безошибочно. Собиралось произойти что-то великолепное, просто ослепительно прекрасное, подразумевал ее взгляд. Что-то великолепное, вот здесь, сейчас...

И вокруг нее замерцал воздух. Лессинг изумленно заморгал. Воздух замерцал, сделался золотистым и вдруг стал литься вокруг нее золотым дождем. *Это то же самое видение*, пронеслась в голове Лессинга дикая мысль. Он уже видел все это прежде.

Кларисса молча стояла под золотым душем, подняв лицо, позволив золотым ручейкам медленно стекать по нему. Но если это было то же видение, то больше ничего и не произойдет. Лессинг невольно напрягся, ожидая, как под ногами завертится пол...

Но нет, все оставалось реальным. Значит, он видит другое чудо, чудо, бесшумное и великолепное, которое происходило в тихой квартире.

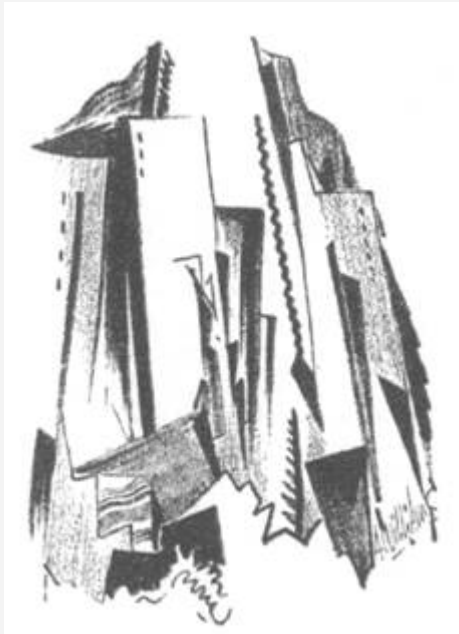
Он видел его в видении, теперь оно происходило в действительности. Кларисса стояла под дождем из... из звезд? Стояла, как Даная, на которую пролился Золотой Дождь...

Как Даная в своей медной башне, спрятанная от всего мира. Его внезапно ударила мысль о сходстве Клариссы с Данаей. И что значит этот невозможный золотой дождь и ее немыслимое восхищение? Что льется яркими струями на нее? Кто так отгородил Клариссу от всего остального Человечества, защищая ее вплоть до нарушения законов природы, с помощью каких-то механизмов, мелодично поющих на разные голоса? Кто этот всемогущий... да-да, всемогущий, каким был Зевс, который пролился на свою избранницу сказочным Золотым Дождем?

Стоя неподвижно и видя отражение всего этого в зеркале, Лессинг позволил своим мыслям все быстрее и быстрее скользить по причинно-следственной цепочке, и выводы заставили его задохнуться от неверия и одновременно ошеломили своей немыслимой убедительностью. Потому что он подумал, что наконец-то у него появился ответ.

Дикий, невероятный, но ответ!

Он больше не сомневался, что каким-то образом жизнь Клариссы принадлежала некоему иному миру, отличному от его. И повсюду, где сталкивались эти миры, этот потусторонний мир получал преимущество. Трудно было полагать, что какая-то беспристрастная сила природы так заботливо сосредоточилась на Клариссе. По тем мимолетным видениям, которые ему позволили увидеть, проще было считать, что за Клариссой наблюдает какой-то иной разум. Кто-то, кто превосходно понимает Человечество, но сам не принадлежит к нему. Кто-то в роли ангела-хранителя, ведет Клариссу по пути... к чему?



Конечно, этот *кто-то* не хотел, чтобы Кларисса увидела несчастный случай на улице, и перенес ее через пространство-время на безопасное расстояние, сделав это так, что она даже не поняла, что случилось.

Кому-то понадобилось, чтобы она простудилась, и он просто уничтожил беседку по время грозового ливня. *Кто-то*, как начал было понимать Лессинг, вел ее почти буквально за ручку все эти тихие, задумчивые и яркие дни и ночи, разбрасывая вокруг нее такое *очарование*, что оно действовало на любого, подошедшего к девушке достаточно близко. А в те долгие моменты полного поглощения, когда Кларисса пристально разглядывала самые обыденные вещи, *кто-то* нашептывал ей в ухо какие-то наставления, какие могла слышать лишь она...

А как сам Лессинг вписывается в эту картину? *Возможно*, думал он, испытывая головокружение, *я тоже играю в этом какую-то роль. Кто-то позволил нам развлекаться, за исключением тех случаев, когда эта всемогущая рука вынуждена была направлять нас по нужному пути. По пути Клариссы, но не меня, Лессинга.* И действительно, Лессинг был уверен, что все эти невероятные вещи происходят именно для того, чтобы защищать Клариссу. Кларисса не заметила паузу во время уличного столкновения машин, как не заметила исчезновения беседки. Но Лессинг-то все видел. Лессинг был потрясен и ошеломлен. И... Лессинг должен был все забыть.

Тогда, в какой точке ее жизни Кларисса была заключена в эту

зеркальную тюрьму с тетей в роли надзирателя, и, сама не зная того, продолжала идти по пути, который *кто-то* наметил для нее? Кто нашептывал ей в ухо, когда она вдруг задумчиво отрешалась от внешнего мира? Кто пролился на нее Золотым Дождем, как на Данаю, живущую в башне со стеклянными стенами?

Никто не мог дать на это ответ. Вернее, могло быть столько ответов, сколько мог вообразить человеческий ум, и еще множество за пределами его воображения. Как мог человек найти ответ на вопрос по делу, не имеющему никаких прецедентов в опыте всего Человечества? Ну, ладно — никаких прецедентов, кроме одного.

Была ведь Даная.

Это просто смешно, сказал себе Лессинг, *смешно предполагать какую-то систему в этом случайном сходстве*. И все же — с чего пошла легенда о Данае? Или, быть может, две тысячи лет назад, как и сейчас, какая-то другая Кларисса восторженно стояла под другим звездным потоком? И если это возможно, то имел ли Лессинг право произвольно предполагать, что первоначальная легенда о Данае верна, поскольку он наблюдал все это сейчас и делал, возможно, ложные выводы? Было так много легенд о смертных, которых возжелали боги. У некоторых из этих легенд могли быть простые объяснения, по греки не были такими уж наивными и, как думал теперь Лессинг, за аллегориями легенд могли скрываться некоторые непреложные факты. *Должно быть* какое-то основание, объясняющее все те бесчисленные истории, какая-то твердая почва под ними вне всяких фантазий.

Но зачем эта долгая подготовка, которую невольно проходила Кларисса? Лессинг стал думать об этом, затем его мысли перепрыгнули к легенде о Семеле[14], которая увидела своего возлюбленного олимпийца во всей славе его божественного бытия и умерла от этого ужасного зрелища. Не могла ли эта долгая, неторопливая подготовка совершаться для того, чтобы спасти Клариссу от судьбы Семелы? Ее мягко, но неустанно вели от знания к знанию, так, чтобы, когда бог явится к ней в своем величии и божественном блеске, она сумеет вынести его облик? Действительно ли это ответ на то сияющее ожидание, которое Лессинг так часто видел у нее на лице?

Внезапно его обожгла палящая ревность. Кларисса, самая не зная того, уже смотрела на сияние, не принадлежавшее к ее родному миру...

Лессинг с силой ударил в дверь и позвал:

— Кларисса!

В зеркале он увидел, как она слегка вздрогнула и повернулась. И золотой дождь дрогнул вместе с ней. Затем она вышла из поля зрения, и в зеркалах осталось лишь золотистое свечение, когда она шла к двери.

Лессинг стоял, дрожа и покрывшись потом, с беспорядочным сумбуром в голове. Он знал, что выводы его смешны и невозможны. Он и сам не верил им. Он перепрыгнул к заключениям, слишком диким, чтобы им можно было поверить, от слишком произвольных умозаключений, которые можно было принимать во внимание в этот дикий момент. Да, вокруг Клариссы действительно происходили необъяснимые вещи, но тем не менее, у него не было никаких логичных причин принять существование божественного любовника. Кто-то, *кто-то,* стоял за всеми этими событиями, и Лессинг безумно ревновал к этому *кому-то*, кем бы он там ни был. Потому что планы этого *кого-то* явно не принимали в расчет самого Лессинга. Да и не могли принимать. Это Лессинг знал точно...

— Привет, — тихо сказала Кларисса. — Я заставила тебя ждать? Очевидно, звонок испорчен... я не слышала, как ты звонил. Входи же.

Лессинг смотрел на нее. Ее лицо было столь же безмятежно, как и всегда. Даже, возможно, в глубине ее глаз еще сиял свет восторга, но золотой дождь исчез, и Кларисса ничем не показывала, что вообще помнит его.

— Чем ты занималась? — спросил Лессинг слегка дрожащим голосом.

— Ничем, — ответила Кларисса.

— Но я видел тебя! — вспыхнул он. — Я видел тебя... в зеркале! Кларисса, что...

Ее рука нежно, очень нежно легла ему на губы. Практически, нематериальная, практически, несуществующая. Но каким-то образом она сумела оборвать его фразу. Ни слова больше не вырвалось из его рта. Словно сама Тишина плотной затычкой замкнула его губы. И после ужасного, ошеломительного момента Лессинг понял, что *кто-то* был прав, он не должен ничего говорить, было бы жестоко и несправедливо сказать то, что он собирался.

И в эту жуткую секунду он даже не знал, замкнула ли эта затычка ему уста или что-то более тонкое и изощренное воздействовало на его разум, заставив замолчать. Лессинг понял, что не должен ничего говорить о тех странностях, которые он видел во время свиданий с Клариссой. Она не знала о них. Она их не замечала. Так и должно продолжаться.

Лессинг почувствовал, как у него по лбу катится пот, а

колени стали ватными. Он откашлялся и хрипло сказал:

— Я... Я не очень хорошо себя чувствую, Кларисса. Думаю, мне нужно уйти...

Лампа без абажура над столом Дайка мягко покачивалась. Издалека донесся гудок поезда, казавшегося из-за темноты в какой-то неизмеримой дали. Лессинг выпрямился на стуле, оглянулся, испытывая небольшое головокружение, пораженный от резкого перехода таких ярких воспоминаний к действительности. Дайк наклонился над своими скрещенными на столе руками и тихо спросил:

— И вы ушли?

Лессинг кивнул. Теперь он уже не чувствовал ни скептицизма, ни нежелания обрести свои воспоминания. То, что он уже вспомнил, казалось более реальным, чем этот стол или сидящий за ним человек с тихим голосом.

— Да. Я должен был уйти от нее и привести в порядок свои мысли. Было ужасно важно, чтобы она поняла, что с ней происходит, и все же я не мог рассказать ей об этом. Она была... словно спящая. Но было необходимо ее разбудить, пока не станет слишком поздно. Я думал, она имеет право знать, что происходит, и я имел право помочь ей в этом, позволить ей сделать выбор между мною и... этим. *Им.* И еще я чувствовал, что этот выбор должен быть сделан как можно быстрее, иначе будет слишком поздно. Разумеется, *Он* не хотел, чтобы она обо всем узнала. *Он* хотел появиться в надлежащий момент и найти ее подготовленной к *Его* появлению. А мое дело было разбудить ее и заставить все понять *до того,* как это произойдет.

— Значит, вы думали, что это случится скоро? — спросил Дайк.

— Очень скоро.

— И что вы сделали?

Лессинг погрузился в воспоминания, взгляд его стал рассеянным.

— На следующий вечер, — сказал он, — я пригласил Клариссу на танцы.

Она сидела напротив него за столиком возле маленькой танцплощадки, медленно вращая в руке бокал хереса и прислушиваясь к шуму, создаваемому плохим оркестром, который эхом разносился по дымному залу. Лессинг не был уверен, зачем он вообще привел ее сюда. Возможно, он надеялся, что, даже если и не сможет сказать ей всего, что подозревал и чего боялся, то сумеет хотя бы пробудить ее, вырвать из окутывающей ее безмятежности, чтобы она сама сумела заметить,

как ее маленький мирок отличается от обычного, человеческого мира. Здесь, в этом маленьком зале, трясущемся от диких ритмов, переполненном людьми, которые накачивали себя ликером и возбуждающей музыкой, не могла ли здесь прорваться ее броня яркой безмятежности и показать то, что она скрывала?

Лессинг позвякал льдом в своем бокале, на треть наполненном *коллинзом*, и наслаждался приятным туманом, который алкоголь добавил в его голове к яркой дымке, всегда окружавшей Клариссу. Ничего больше и не требуется, сказал он себе. Разумеется, он был совсем не пьян. Просто нынче вечером даже в этом маленьком, шумном второсортном ночном клубе был такой пьянящий воздух. Чувствовалось, что музыканты играли словно в наркотическом бреду, а танцоры на площадке просто пылали страстью.

И Кларисса отозвалась на все это. Ее огромным черные глаза сияли с невыносимой яркостью, и смех ее был столь же ярок и заразителен. Они танцевали в толкающейся толпе и не чувствовали, что кого-то толкают сами, потому что музыка несла всех в едином ритме. Кларисса говорила гораздо больше, чем обычно по вечерам, была веселой, тело ее в руках Лессинга было гибким и упругим.

Что же касается самого Лессинга, то да, он был пьян, хотя и не знал, от трех ли бокалов или от какой-то тонкой, более неуловимой причины. Но все его опасения испарились под напором веселья и беззаботности, а в уши била неслышимая мелодия. Ничто не могло его одолеть. Он не боялся ничего и никого. Он хотел увезти Клариссу подальше от Нью-Йорка, ее тети тюремщика и сияющего *кого-то,* кто становился все ближе с каждым вдохом.

Спустя некоторое время начались провалы в памяти. Лессинг не помнил, как они ушли из ночного клуба и попали в машину, или куда собирались направиться. Он лишь помнил, как они ехали по шоссе Генри Гудзона, а внизу мрачно катила воды река и подмигивали огни Джерри, лежащего в обрамлении Палисада.

Они нарушили этот... образ жизни. Лессингу казалось, что они оба понимают это. В ее образе жизни не было места головокружительной поездке по Генри Гудзону, когда улицы мелькали, пролетая мимо, как спицы в сияющем колесе. Кларисса откинулась на его свободную руку, такая же пьяная как и он сам, хотя выпила за вечер не больше двух порций хереса, но дикие ритмы музыки и дикое волнение этой странной ночи сделали свое дело. Они чувствовали какой-тот пьяный вызов, потому что убегали. Убегали от чего-то... от *Кого-то*. (Разумеется, убежать было невозможно, даже в опьянении Лессинг понимал это. Но

попробовать-то они могли).

— Быстрее, — повторяла Кларисса, елозя головой по его руке.

Нынче вечером она была такой оживленной, какой Лессинг ее еще не видел. Почти проснувшейся, пронеслось в окутанном туманом сознании. Почти готовой услышать все, что он должен был сказать ей. Предупредить...

Он специально остановился под уличным фонарем и заключил ее в объятия. Ее глаза, голос и смех нынче вечером сияли и искрились, как никогда, и Лессинг знал, хотя любил ее и прежде, что эта новая Кларисса так очаровательна, что... да, даже бог мог спуститься с Олимпа, возжаждав ее. Лессинг поцеловал ее со страстью, заставившей весь город закружиться вокруг них в торжественном танце. Это было так восхитительно — напиться, любить и целовать Клариссу на глазах у богов-ревнивцев...

Когда они продолжили путь, в воздухе повисло чувство какой-то... неправильности. Образ жизни стремился вернуться в наезженную колею, пытался заставить их прекратить эту безумную поездку. Лессинг почувствовал какое-то давление на свои мысли. Его пытались заставить свернуть, изменить маршрут таким образом, чтобы вернуть Клариссу в ее квартиру. Чтобы не свернуть на этот маршрут, Лессинг поехал на север, но был вынужден изменить направление из-за ремонта улицы, потом пришлось ехать в обход, и снова, и еще раз, но они все равно неминуемо продвигались обратно на юг. Раз за разом Лессинг объезжал кварталы, и все равно его направляли в центр Нью-Йорка.

Прежний образ жизни Клариссы *должен быть* сломан. *Должен!* Словно в тумане, Лессинг подумал, что если найдет хотя бы щелочку, лишь одну лазейку из этой мышеловки, то он выполнит свою цель. Но такой лазейки просто не существовало. Где-то напевали всемогущие, запредельные механизмы, и Лессинг повиновался им, даже не зная, что повинуется. А может, этот *кто-то* и не думал отпускать свою всемогущую руку, но не хотел насильственно возвращать их на место, а делал все так, чтобы они сами вернулись туда.

— Поворот, — сказала вдруг Кларисса. — Поворачивай же. А то мы снова поедем в обратную сторону.

Лессинг изо всех сил попытался повернуть рулевое колесо, но оно не поддавалось.

— Не могу... — почти на пределе выдохнул он. — Не могу.

Она подарила ему великолепный взгляд черных глаз и наклонилась, чтобы самой дотянуться до руля. Даже ей оказалось трудно повернуть его. Но все же она это проделала, и машина, свернув за угол, снова направилась на север, а огни Джерси

поплыли мимо, расплывчатые, словно в бреду.

Это туманное состояние никак не могло быть вызвано обычным опьянением. Оно стремительно росло. Это, с трудом подумал Лессинг, *Его* следующий шаг. *Он* не позволит ей увидеть то, что он делает, но понимает, что должен остановить нас сейчас, иначе мы вырвемся из заколдованного круга и докажем свою независимость.

Высокие узкие здания по обеим сторонам улицы напоминали высокие деревья в лесу с неподвижными листьями-окнами. Все эти окна были на разных этажах, словно подчеркивая разнообразие Бога в бесконечно малых различиях, и все они попеременно мигали, пока машина ехала все вперед и вперед по этому каменному лесу. Лессинг уже видел прогалины среди этих деревьев, не совсем прозрачные, а видимые словно через какое-то новое измерение. Он увидел улицы, разделявшие этот лес на квадраты и прямоугольники, и ошеломленно вдруг вспомнил другой лес, также разбитый на квадраты, в Зазеркалье.

Машина ехала по лесу опять на юг.

— Кларисса, помоги мне, — сказал он сдавленным голосом, сражаясь с рулем.

Ее маленькие белые ладошки появились из темноты и легли на его руки.

Дождь света внезапно полился на них, окутывая Клариссу, как некогда Зевс окутал Данаю. Бог ревнивец, бог-ревнивец, — засмеялся Лессинг и с бессмысленным торжеством крутанул рулевое колесо...

Между деревьями мерцал какой-то свет. *Нужно идти тихо*, бесшумно, подумал Лессинг и отправился на цыпочках по... мощеной дороге. Без всякого удивления он понял, что идет пешком, через лес в темноте, совершенно один. Он все еще был пьян. Никогда еще я не был так пьян, с какой-то гордостью подумал он, пьян сильнее, чем когда-либо прежде мог напиться смертный. Любой смертный. Но не боги...

Между деревьями появились люди. Лессинг знал, что они не должны увидеть его. Это неимоверно потрясло бы их. Он вспомнил ярко разодетых людей из другого видения и юношу с кнутом. Нет, лучше держаться скрытно, пока может. Лес скрывал его плотной дымкой, а в ушах, вероятно, лишь шумело опьянение.

Люди были мрачно одеты во все черное, с черными капюшонами, покрывавшими головы и оттенявшими бледные лица. Они шли между деревьями длиной колонной. Лессинг наблюдал за ними, а они все шли и шли. Некоторые женщины несли с собой мешочки для вязания и вязали спицами на ходу. Некоторые мужчины читали на ходу какие-то книжки и то и дело

спотыкались о камни и корни. Но никто не смеялся над ними.

Кларисса шла одной из последних. Лицо у нее под черной шапочкой было веселое, веселое и самое беззаботное из всех, что он видел в этом... в этом мире. Она шла легкой, танцующей походкой, и те, кто двигался позади, бросали на нее хмурые взгляды. Но ее это, казалось, не заботило.

Лессингу захотелось позвать Клариссу. Захотелось так сильно, что, как ему показалось, она почувствовала, потому что начала отставать, позволив обогнать себя сначала одной группе, потом другой, пока не оказалась в самом конце колонны. Несколько девушек оглянулись на нее, захихикали, но ничего не сказали. Кларисса отступала все больше. Потом процессия повернула, а Кларисса остановилась посреди дороги, глядя, как они уходят. Затем рассмеялась, исполнила торжественный пируэт, словно на пуантах, и черные юбки образовали круг у ее ног.

Лессинг вышел из-за дерева и шагнул было к ней, готовый позвать ее по имени, но опоздал. Кто-то оказался к ней ближе, чем он. Кто-то, кого Кларисса весело окликнула на незнакомом Лессингу языке. Затем между деревьями мелькнуло что-то темно-красное, и кто-то, закутанный с головы до пят в красный плащ, подошел и заключил ее в объятия. Красные фалды плаща окутали их обоих. Из-под наклонившегося капюшона послышался счастливый смех Клариссы.

Лессинг остался стоять на месте. Это может быть другая женщина, с отчаянием сказал он себе. Это может быть ее сестра или тетя. Но нет, скорее всего, это был мужчина. Или...

Лессинг искоса глянул по сторонам — в странном его состоянии все было зыбким, детали норовили ускользнуть, когда он пытался сосредоточить на них взгляд, — но на этот раз он был почти уверен в том, что заметил. Он был почти уверен, что, когда Кларисса приподняла лицо, в полумраке леса был почти ясно видел свет... свет, падающий из нависшего капюшона мужчины. Свет, льющийся из капюшона. Золотой дождь. Даная в золотом дожде...

Тут лес вдруг круто накренился и начал вращаться. Пораженный Лессинг полетел, кружась, в темноту, все дальше и дальше... Лес Клариссы остался где-то далеко позади. Кларисса осталась в объятиях бога.

Когда вращение остановилось, он снова сидел в автомобиле, а слева по шоссе с шумом проносились машины. Очевидно, он остановился где-то у дороги, автомобиль стоял во втором ряду рядом с обочиной, двигатель мягко урчал. Лессинг потряс головой.

— Я дойду сама, — с какой-то легкостью в голосе сказала Кларисса. — Нет, не беспокойся. Ты все равно не найдешь здесь место для парковки, а я так устала. Хороший был вечер, любимый. Позвони мне утром, только не рано.

Лессинг мог лишь сидеть и моргать. Взгляд ее черных глаз, ее улыбка были просто ослепительными, но неотступный туман не позволял как следует разглядеть ее лицо. И только теперь он понял, что они стоят там, откуда начали свой безумный путь, возле дома Клариссы.

— Доброй ночи, — повторила Кларисса, и дверь захлопнулась позади нее.

После последних слов Лессинга в кабинете наступила тишина. Дайк сидел молча и ждал, не отрывая глаз с лица Лессинга, и тень его чуть шевелилась на столе из-за покачивающейся лампы.

— Ну, и?.. — сказал Лессинг через секунду почти что с вызовом.

Дайк слегка улыбнулся и поерзал на стуле.

— И что? — эхом отозвался он.

— Что вы думаете?

— Я вообще ничего не думаю, — покачал головой Дайк. — Для этого еще не пришло время... Ведь история здесь не заканчивается. Не заканчивается, не так ли?

— Нет, — задумчиво протянул Лессинг. — Не совсем. Мы встретились еще раз.

— Только раз? — глаза Дайка прояснились. — Должно быть, именно тогда вы и утратили память. Это самое интересное из всего. Продолжайте, что было дальше?

Лессинг прикрыл глаза. И заговорил, медленно, словно припоминая по кусочкам каждый фрагмент того, что рассказывал.

— На следующее утро меня разбудил телефон, — сказал он. — Это была Кларисса. Как только я услышал ее голос, то понял, что настало время уладить все раз и навсегда... если я только решусь. Если мне разрешат. Но я не думал... *Он*... вряд ли он позволил бы мне рассказать ей все, но я знал, что должен попытаться. По телефону голос Клариссы казался расстроенным. Она не сказала, почему. Она только хотела, чтобы я приехал как можно быстрее.

Она стояла у раскрытой двери, когда Лессинг вышел из лифта, стояла на фоне зеркал, в которых не было ни малейшего движения. Она выглядела свежей и прекрасной, и Лессинг поразился этому, как поразился после пробуждения, что от чрезмерного опьянения прошлой ночи не осталось ни малейших следов. Но выглядела Кларисса встревоженной, ее глаза

буквально ослепили его черным светом, а на лице не было привычной безмятежности. Лессинг обрадовался этому. Значит, она все же просыпалась от долгого-долгого сна.

— Где твоя тетя? — первым делом спросил Лессинг, войдя следом за ней в квартиру.

Кларисса рассеянно огляделась.

— Наверное, где-то тут... — сказала она. — Это неважно, Джим, лучше скажи мне... мы сделали что-то не так вчера вечером? Ты помнишь, что было? Все помнишь?

— Ну, я... Наверное, помню, — протянул он, медля с ответом, все еще не готовый, несмотря на свое решение, ринуться с головой в эти глубокие воды.

— Так что там произошло? Почему это так беспокоит меня? Почему я не могу вспомнить?..

Ее глаза с тревогой впились ему в лицо. Лессинг взял ее руки. Они были холодными и слегка дрожали.

— Иди сюда, — сказал он. — Сядь. В чем дело, любимая? Что случилось? Все было в порядке. Мы немного выпили и покатались на машине, разве ты не помнишь? Затем я привез тебя сюда, пожелал спокойной ночи, и ты ушла.

— Это не все, — с какой-то убежденностью сказала Кларисса. — Мы с чем-то боролись. Неправильно было бороться... я никогда не делала так прежде. И даже не знала, что это *что-то* существует, пока не стала бороться с ним вчера вечером. Но теперь я знаю. Что это такое, Джим?

Лессинг серьезно посмотрел на нее, чувствуя, как в душе поднимается волнение. Возможно, что-то из того, что делали они прошлой ночью, все же сыграло свою роль. Возможно, хватка *Его* ослабела, когда они попытались разрушить привычный для Клариссы образ жизни.

Но сейчас нельзя было медлить. Именно теперь, в этот момент, когда *Его* путы ослабли, настал момент нанести удар и порвать их, если он только сумеет. Завтра Кларисса, возможно, снова вернется в прежнее состояние, которое не допустит этого. Он должен все рассказать ей немедленно... сейчас же, чтобы они вместе сбросили сжимающие ее мягкие оковы.

— Кларисса, — сказал Лессинг и повернулся на диване лицом к ней. — Кларисса, думаю, я должен тебе что-то сказать. — И тут его внезапно обхватили дурацкие сомнения, и он спросил ни к селу, ни к городу: — А ты действительно уверена, что любишь меня?

Почему-то ему показалось чертовски важно убедиться в этом именно сейчас, хотя он сам не знал, почему.

Кларисса улыбнулась и подалась ближе в его объятия,

прижавшись щекой к его плечу. И оттуда, невидимая, пробормотала:

— Я буду любить тебя вечно, дорогой.

Долгую секунду он ничего не говорил, затем, обнимая ее одной рукой и не глядя в лицо, начал:

— Кларисса, любимая, с тех пор, как мы встретились, стало происходить что-то странное, то, что тревожит меня. Это касается тебя. Я хочу рассказать тебе об этом, если смогу. Я думаю, есть что-то, или, скорее, *кто-то* очень могущественный, который следит за тобой и вынуждает тебя идти неким определенным путем, о конце которого у меня есть лишь предположения. Я собираюсь сейчас попробовать рассказать тебе, почему я так думаю, и если я буду вынужден не закончить рассказ, знай, что сделаю я это не по собственной воле. Что меня просто остановили.

Лессинг замолчал, ощутив страх от того, как смело он игнорировал этого *Кого-то*, чья могущественная рука уже останавливала его прежде. Но на сей раз ничто не мешало ему говорить, не сковывало молчанием его губы, и он продолжал, думая при каждом слове, не станет ли оно последним. Кларисса молча прижималась к его плечу, дышала беззвучно и вообще не шевелилась. Лессинг не видел ее лица.

Итак, он рассказал ей всю историю, рассказал очень просто и ясно, без ссылок на собственное замешательство или дикие выводы, которые он делал. Он рассказал ей о случае в парке, когда она унеслась в воронке из ярких колец. Рассказал об исчезновении беседки во время грозы. Рассказал о фантастическом эпизоде в прихожей, когда он бросился за ней в полумрак зеркал, или, скорее, ему это почудилось. Он рассказал ей и об их странной, ошеломительной поездке по городу прошлой ночью, когда машина чуть ли не сама собой все время сворачивала к ее дому. И рассказал ей о двух ярких видениях, в которых она — наверное, это все же была не она, — фигурировала. А затем, не делая никаких выводов вслух, Лессинг спросил Клариссу, что она обо всем этом думает.

Кларисса секунду полулежала неподвижно в его объятиях, затем медленно отодвинулась, откинула с лица темную волну волос и встретилась взглядом с лихорадочно блестевшими глазами Лессинга, и в глубине ее черных очей был точно такой же блеск.

— Так вот оно что, — задумчиво протянула она и замолчала.

— Что? — почти раздраженно спросил Лессинг, все еще переполненный торжеством, что *Кто-то* не заставил его замолчать и позволил всей этой истории выйти наружу. *Теперь,*

наконец, подумал он, *можно будет добраться до истины.*

— Значит, я была права, — продолжила после паузы Кларисса. — Вчера вечером я действительно боролась с чем-то. Странно, но я даже не подозревала, что оно существует, пока не начала с ним бороться. Теперь я знаю, что оно существовало всегда. Интересно...

Поскольку она не стала продолжать, Лессинг спросил напрямик:

— Поймешь ли ты когда-либо, что... что для тебя все по-другому? Что весь мир для тебя иной? Кларисса, скажи мне, о чем ты думаешь, когда... когда внезапно застываешь и долго рассматриваешь что-нибудь совершенно обыденное?

Она повернула голову, окинула его долгим, серьезным взглядом, сказавшим ему больше, чем любые слова, чары вокруг нее еще не развеялись. На вопрос она не ответила, но, помолчав, продолжала:

— Я почему-то каждый раз вспоминаю сказку, которую моя тетя рассказывала мне, когда я была маленькой. Я никогда не забывала ее, хотя, конечно, это была не такая уж важная сказка. Видишь ли...

Она снова замолчала, глаза ее сияли, как два прожектора в темной комнате, полной зеркал. Какое-то радостное ожидание, какое Лессинг уже видел не раз, возникло у нее на лице, и она улыбнулась, улыбнулась восхищенно, хотя и без всякой причины, даже казалось, что она сама не заметила этой улыбки.

— Да, — продолжала она, — я хорошо помню эту сказку.

Давным-давно, в одном королевстве в лесу; родилась маленькая девочка. В королевстве все люди были слепыми. Солнце светило там ярко, но никто из жителей не видел его. И девочка тоже жила с закрытыми глазами, даже не подозревая о том, что существует такая штука, как зрение. Однажды, когда она гуляла одна в лесу, то услышала рядом чей-то голос.

— Кто ты? — спроста она, и голос ответил:

— Я твой опекун.

— Но мне не нужен опекун, — воскликнула девочка. — Я хорошо знаю эти леса. Я родилась здесь.

— Да, ты родилась здесь, — ответил ей голос, — но ты не принадлежишь этому месту, дитя. Ты не слепая, как все здешние жители.

— Слепая? — воскликнула маленькая девочка. — А что это такое?

— Я еще не могу объяснить это тебе, — сказал голос, — Ты только должна знать, что ты... дочь нашего короля, которую перенесли жить сюда, среди этих скромных людей. Мой долг

следить за тобой и помочь тебе открыть глаза. Когда настанет время. Но время еще не пришло. Ты еще слишком молода, и солнце ослепило бы тебя. Поэтому живи дальше, дитя, и помни, что я всегда здесь, возле тебя. Наступит день, когда ты откроешь глаза и увидишь...

Кларисса замолчала.

— Ну, и что дальше? — нетерпеливо спросил Лессинг.

— Тетя никогда не заканчивала сказку, — вздохнула Кларисса. — Может, поэтому я и запомнила ее.

— *Я* не думаю... — начал было Лессинг, но замолчал.

Что-то в лице Клариссы остановило его. Тот же зачарованный взгляд, то же выражение лица Рождественским утром, когда ребенок просыпается и вспоминает, какое радужное, блестящее чудо ждет его внизу.

— Это правда, — сказала вдруг Кларисса тихим, но ясным голосом. — Конечно, это правда! Все, что рассказал ты, и о чем говорится в сказке. И это *я* — дочь короля! Конечно же, это я!

Внезапно, совершенно по-детски она закрыла руками лицо, словно ожидала, что аллегория слепоты вдруг станет буквальной.

— *Кларисса!* — воскликнул Лессинг.

Кларисса уставилась на него расширенными, ничего не видящими глазами, едва ли осознавая его присутствие. И на мгновение странные воспоминания заполнили его голову, принеся с собой ужас. Алиса, идущая с Олененком по зачарованному лесу, где ни у чего нет ни имени, ни названия, а она шла, по-приятельски положив руку на шею Олененку. И слова Олененка, когда они добрались до края леса и память вернулась к ним. Олененок отскочил от нее и пораженно уставился на Алису, а Алиса глядела на Олененка, точно так же, как Кларисса глядела сейчас на него, Лессинга. *«Ну, я... Олененок*, — изумленно сказал Олененок. — *А ты — Дитя Человеческое*!»

Иной вид.

— Интересно, почему я совсем не удивлена? — пробормотала Кларисса. — Наверное, я знала все это наперед. О, интересно, а что будет дальше?

Лессинг потрясенно уставился на нее.

Она была точь-в-точь как ребенок, слишком восхищенный перспективой — какой? — чтобы думать о возможных последствиях. Это напугало его, поскольку она была слишком уверена, что от дальнейшего можно ждать лишь хорошего. Ему не хотелось разрушать это ожидание чуда, написанное у нее на лице, но он был вынужден сделать это. Лессинг хотел, чтобы Кларисса помогла ему бороться с этим чудовищным будущим, чтобы она не

приняла его. Сам он не чувствовал никакого предвкушения и восторга. Кларисса *должна* бороться с *Ним*...

— Кларисса, — сказал он, — подумай немного! Если это правда, — а мы можем оказаться неправы, — то разве ты не видишь, что это означает? Он — они — не позволят нам быть вместе, Кларисса. Ты не сможешь выйти за меня.

Яркие глаза радостно просияли ему.

— Разумеется, мы поженимся, любимый! Они только заботятся обо мне, разве ты не видишь? Не причиняют мне боли, просто присматривают за мной. Я уверена, что они позволят нам жениться, как только нам захочется. Я уверена, что они никогда не сделают мне ничего плохого. Любимый, из всего, что мы знаем, ты ведь тоже можешь быть одним из нас. Вот интересно, не так ли? На это все указывает, разве ты не думаешь? Иначе почему они позволили нам влюбиться друг в друга. О, любимый...

Внезапно Лессинг почувствовал, что его кто-то держит. *Кто-то*... Одну секунду, заставившую замереть сердце, он думал над тем, уж не сам ли бог-ревнивец снизошел с небес, чтобы потребовать Клариссу, поэтому не осмеливался повернуть голову. Но когда яркие глаза Клариссы оторвались от его лица и не высказали никакого удивления, Лессинг понял, что это не так.

Он просто стоял совершенно неподвижно и знал, что не сможет шелохнуться, даже если захочет. Он мог лишь наблюдать за Клариссой и, хотя в наступившей тишине не раздалось ни единого слова, увидел, как изменилось выражение ее лица. Восторженная радость утекала с него, как из разбитого кувшина. Она покачала головой, с недоверием и замешательством, которые сменили экстаз, охвативший ее всего лишь секунду назад.

— Нет? — спросила она у кого-то, кто стоял позади Лессинга. — Но я думала... О, нет! Ты не должна! Ты не можешь! Так нечестно! — Из ее великолепных черных глаз внезапно хлынули потоки слез, удвоивших яркость этих чудных очей. — Ты не смеешь, не смеешь! — зарыдала Кларисса, бросилась Лессингу на шею и продолжала рыдать, уткнувшись в его плечо и бубня какие-то невнятные протесты.

Руки Лессинга сами собой сомкнулись вокруг нее, хотя разум отчаянно бился, пытаясь вернуть власть над телом. Что происходит? Кто...

Некто, кого он видел лишь в образе силуэта. Тетя. Лессинг понял, хотя и без всякого облегчения, что ожидал кого-то более удивительного. *Кого-то*, чье существование он до сих пор мог только предполагать.

Тетя нависла над ними и осторожно потянула Клариссу за вздрагивающее плечо. Руки Клариссы отпустили его шею, и она

покорно отошла, все еще всхлипывая от рыданий. Лессингу отчаянно хотелось сделать или сказать что-нибудь, что успокоит ее, но его разум и тело странным образом были замедленны, словно в комнате действовала какая-то сила, которую он не мог осознать. Как будто он действовал против действия этих странных поющих механизмов, и ему казалось, что они ополчились против него одного, в то время, как тетя с Клариссой были свободны.

Кларисса позволила отвести себя от Лессинга. Она двигалась, точно безвольный ребенок, весь отдавшийся своему горю и не замечающему ничего вокруг. Слезы текли по ее щекам и капали на сжатые плечи. Ее пальцы все еще скользили по рукам Лессинга, но потом он почувствовал, как они соскользнули, и понял, что это окончательное расставание. Их разделяли лишь несколько футов ковра, но было такое чувство, словно между ними пролегло много миль. И это расстояние все увеличивалось с каждой секундой. Кларисса смотрела на него сквозь слезы невыносимо яркими глазами, губы ее дрожали, руки были все еще протянуты к нему.

Это все. Ты исполнил свое предназначение, теперь уходи. Уходи и все забудь.

Лессинг не знал, чей голос сказал это и какими в точности словами, но смысл был ему предельно ясен. *Уходи и забудь*.

В воздухе раздавалась громкая музыка. Еще секунду он стоял в мире ярких, насыщенных красок, потому что это был мир Клариссы, и в нем сияла даже эта полутемная квартира со множеством зеркал. И во всех зеркалах он видел отражение Клариссы в различных ракурсах горя и разлуки, постепенно она удалялась, позволяя рукам опуститься. Он видел множество Кларисс, опускающих руки, но так и не увидел, как ее руки упали окончательно, а затем... затем он погрузился в пучину Леты[16].

Дайк с шумом выдохнул воздух, откинулся на спинку стула и без всякого выражения глаз под редкими бровями посмотрел на Лессинга. Лессинг сидел и моргал. Лишь секунду назад он стоял в квартире Клариссы, он еще чувствовал у себя на руках прикосновения ее теплых пальчиков. Он слышал ее, оглядывался и видел, как смущенно переминаются в окружающих зеркалах ее многочисленные отражения...

— Минутку, — сказал он. — Отражения... Кларисса... Я почти вспомнил что-то, что было тогда... — Он замолчал и невидящими глазами уставился на Дайка, наморщив лоб. — Отражения, — повторил он. — Кларисса... Отражения Клариссы...но не тети! Я смотрел на них обеих в зеркалах, но не видел никакой тети! Я

вообще никогда не видел ее... ни разу! И все же я ожидал... Ответ где-то тут... Тут, до него рукой подать, если бы я только мог...

Затем ответ появился у него в голове в полной своей красе. Кларисса сама подсказала ему этот ответ, он весь заключался в той сказке, что она рассказала ему. Страна слепых! И как слепые ее жители могли увидеть посланца короля, который следил за принцессой, пока она бродила по заколдованному лесу? Как Лессинг мог вспомнить то, чего никогда бы не сумел постичь своим слабым умишком? Как мог он *увидеть* ее опекуна, не считая ощущения чужого присутствия без формы и речи без слов, потому что они были вне мира слепых?

— Сигарету? — спросил Дайк и подался вперед, скрипнув стулом.

Лессинг машинально потянулся через стол. Больше не было никаких звуков, только зашелестела бумага и чиркнула спичка. Они курили молча, глядя друг на друга. Раздались шаги по гравию. Заговорили приглушенные в ночи мужские голоса. Чирикали в темноте вездесущие сверчки.

Потом Дайк со скрипом подвинул свой стул и потянулся, чтобы затушить недокуренную сигарету.

— Ну, ладно, — сказал он. — Вы все еще не пришли в себя или уже можете посмотреть на все объективно?

Лессинг пожал плечами.

— Могу попытаться.

— Ну, сначала мы должны признать, что принято, по крайней мере на настоящий момент, что такого просто не бывает. В вашей истории полно дыр. Нас через десять минут порвали бы на части, если бы мы попытались кому-нибудь все это рассказать.

— Если вы думаете... — упрямо выставив челюсть, начал было Лессинг.

— Я еще и не начал думать, — прервал его Дайк. — Естественно, что у нас нет прочного фундамента для этой истории. Не думаю, что все действительно произошло именно так, как вы запомнили. Да и способен ли на это человек? В целом, эта история все еще кажется мне обряженной в мишуру аллегорий, и нам нужно копнуть гораздо глубже, чтобы добыть голые факты. Стоит ли это делать — вот проблема! Но мне просто интересно.

Он замолчал. Потом достал еще одну сигарету, рассеянно чиркнул спичкой. И продолжал, выпустив густое облако дыма.

— Давайте на минуту примем все это за правду. Нужно расшифровать аллегорию о дочери короля, перенесенную в Страну Слепых. Знаете, Лессинг, меня поразило то, на что вы

вообще не обратили внимания. Вспомните, что Кларисса порой ведет себя абсолютно по-детски. Например, когда ее внимание поглощается совершенно обыденными вещами. Или ее предположение, что эти могучие силы наверняка защищают ее, защищают совсем по-родительски. Да, даже та аура, о которой вы постоянно говорили, и которая влияла на все, что вы видели или слышали, когда бывали с нею. Все это походит на мир ребенка. Яркие, насыщенные краски. Нет ничего уродливого, потому что у детей еще нет образцов для сравнения. Красота и уродство ничего не значат для детей. Я помню кое-что из своего детства — особенно это полное поглощение тем, что заинтересовывало меня. Помните, у Вордсворта[17]: «Дитя озарено сияньем Божьим...» и так далее. Но ведь она уже достаточно взрослая, не так ли? Вы сказали, ей чуть за двадцать? — Дайк замолчал и уставился на кончик своей сигареты. — Знаете ли, — продолжал он, наконец, — все это напоминает простейший случай задержанного развития, верно? Ну-ну, минутку! Я ведь сказал — *напоминает.* Разумеется, вы достаточно умны и можете распознать слабоумного. Но я ведь не говорю, что Кларисса именно такая. Я просто пытаюсь понять... Я вот подумал сейчас о своем маленьком сынишке. Сейчас ему одиннадцать и он достаточно приспособлен, но когда он начал ходить в школу, он общался только со мной. IQ у него был самым высоким из всего класса, и ему было просто скучно с остальными детьми. Он не хотел играть с ними. Он предпочитал в одиночестве бродить вокруг дома или читать, пока мы с женой не решили, что с этим надо что-то делать. Высокий Коэффициент Интеллекта или нет, но ребенку нужны другие дети, чтобы было с кем играть. Он никогда не приспособится к жизни в обществе, если не начнет с детства. Психика его не станет развиваться в правильном направлении, если он не будет дружить со сверстниками. Позже, когда он подрастет, высокий Коэффициент станет очень полезным для него, но в раннем детстве он только мешает ребенку. — Дайк помолчал. — Ну, вы поняли, что я имею в виду?

— Ничего я не понял, — покачал головой Лессинг. — У меня все еще голова идет кругом.

— Кларисса, — медленно произнес Дайк, — может быть — в аллегории, заметьте, а не в реальности, — дочерью короля. И она, со своей прирожденной — назовем это королевской кровью,— оказалась среди нижестоящих, и даже не подозревала об этом, пока не развилась выше их уровня. Возможно, — король мог подумать о ней так же, как я о своем сыне, — ей и нужна была компания нижестоящих, в детстве, пока она росла. По каким-то причинам она не могла жить среди взрослых. Взрослые эти,

видите ли, превосходят все, нам известное, превосходят настолько, что, когда находятся в одной комнате с вами, вы даже не можете запомнить, какие они.

После того, как Дайк замолчал, Лессингу потребовалась добрая минута, чтобы понять, что он имеет в виду. Затем он резко выпрямился и сказал:

— О, нет! Это просто невозможно. Да я бы понял...

— Видели бы вы, — рассеянно заметил Дайк, — как мой сынишка играет в бейсбол. Пока он играет, это — для него, — самое важное в жизни. Другие дети и не заметили бы, что он может думать о чем-то другом, кроме игры.

— Но... но золотой дождь, например, — возразил Лессинг. — И присутствие бога. Даже...

— Минутку! Просто подождите. Вспомните, как вы придумали гипотезу о боге. Вывели ее целиком и полностью из блеска, похожего на золотой дождь, вспомнили легенду о Данае, ощутили чье-то присутствие и цель, стоящую за всем этим. А если бы вместо дождя вы увидели бы что-то похожее на неопалимую купину, то придумали бы совершенно иную теорию, которая включала бы в себя, вероятно, Моисея. Что же касается ощущения присутствия и видений... — Дайк помолчал и, глядя куда-то вдаль, несколько секунд колебался. — Позже я расскажу, что думаю обо всем этом. И это вам не понравится. Но, тем не менее, сначала я хочу разобраться с этим... с этой аллегорией. Я хочу полностью объяснить, что *могло бы* лежать за пределами этой явной теории о Клариссе. Отметьте, что я не отношусь к этому совсем уж серьезно. Но и не хочу при этом оставлять висящие концы. Я имею в виду это ее очарование. Кажется, оно очень ясно указывает — в аллегории, — на существование *homo superior* здесь и сейчас, прямо среди нас.

— Суперменов? — эхом отозвался Лессинг, с явным усилием сосредоточился, сел еще прямее и глянул на Дайка хмурым, задумчивым взглядом. — Может быть. А может... Лейтенант, вы когда-либо читали Кейбелла[19]? В какой-то книге у него есть образ высшей расы, которая соприкасается с нашей лишь одним... одной гранью. Он использует аналогию из геометрии и предполагает, что другая раса может быть представлена кубами, которые выглядят квадратами на плоской геометрической поверхности нашего мира, хотя в собственном мире у них есть кубический объем, совершенно для нас непостижимый. — Лессинг еще сильнее нахмурился и замолчал.

— Возможно, что-то такое, — кивнул Дайк. — Обитатели из четвертого измерения, временно переместившиеся в наш мир для

какой-то цели. — Он потянул себя за нижнюю губу, затем повторил: — Для какой-то цели. Это оскорбительно. Я даже рад, что мне это не кажется истиной. Даже академические размышления об этом весьма запутанные. *Homo superior*, внедряющие своих детей к нам, чтобы... чтобы им было с кем играть. — Он рассмеялся. — Убирайтесь, дети! Интересно, а понимаете ли вы, к чему я клоню? Я и сам не совсем понимаю. Слишком уж все неопределенно. Человек даже моего ума весьма ограничен. Я скован устоявшимися антропоморфическими взглядами, и эти привычные рамки мешают мне. Нам необходимо все время чувствовать себя важными. Это психологический трюизм. Вот почему Мефистофель, как всегда полагали, заинтересован в покупке человеческих душ? На самом ведь деле они вовсе ему не нужны — неосязаемые, нематериальные, совершенно бесполезные для демона с демоническими силами.

— Причем тут демоны?

— Ни при чем. Это я для примера. *Homo superior* были бы иной расой без всяких точек прикосновения с обычными людьми — с нами, — во взрослом состоянии. Литературным демонам всегда придают человеческие эмоции и черты. Из-за чего? Из-за путаницы в нашем мышлении. В них было бы не больше человечности, чем в суперменах. Орудие! — с нажимом сказал Дайк и уставился в пустоту.

— Орудие? — повторил Лессинг.

— Этот... весь этот мир. — Он сделал широкий жест рукой. — Что, черт побери, мы знаем об этом? Мы делаем ускорители ядерных частиц и микроскопы. И многие другие вещи. Детские забавы, игрушки. Мой сын может пользоваться микроскопом и рассматривать жучков в речной воде. Врач может взять тот же микроскоп, красители, и увидеть микробы, и что-то сделать с ними. Это — зрелость. Весь этот мир, все вокруг нас может быть просто орудиями, инструментами, которыми мы пользуемся, как дети. А высшая раса...

— А разве по определению она не будет высшей — недоступной нашему пониманию? — вставил Лессинг.

— В целом — да. Дети не могут полностью понять взрослых. Но дети могут более-менее понять других детей, стоящих на том же уровне или, по крайней мере, имеющих общий знаменатель. Супермен должен сначала вырасти. Он не сразу рождается взрослым. Обозначим взрослого человека, например, как х. Взрослого супермена — ху. Тогда суперребенок — неразвитый, незрелый, — будет ху/у. Иными словами, эквивалентом зрелого экземпляра Гомо сапиенса. Сапиенс достигает старости и умирает» Супер становится взрослым, истинным суперменом. И

этот взрослый...

Какое-то время они оба молчали.

— Они могут немного ущемить нас, пока заботятся о своих детях, — сказал, наконец, Дайк. — Могут, например, стереть воспоминания у тех, кто слишком близко подошел к открытию их существования, как, возможно, и вы. Помните Чарльза Форта[20]? Таинственные исчезновения, светящиеся шары, космические корабли, дьяволы из Джерси?.. Все это второстепенные вопросы, всего лишь следствия. Все дело в том, что супердети могут жить среди нас, прямо здесь и сейчас, и никто их ни в чем не заподозрит. Они бы казались нам обычными взрослыми. Или не совсем обычными — но могли быть приняты определенные меры предосторожности. — Он снова замолчал, катая карандаш по столу. — Конечно, все это невообразимо, — наконец, продолжал он. — Одна лишь голая теория. У меня есть гораздо более вероятное объяснение, хотя я уже предупреждал, что вам оно не понравится.

— Какое же? — слабо улыбнулся Лессинг.

— Помните лихорадку Клариссы?

— Конечно. После этого все пошло более открыто. Я подумал, что, возможно, в бреду она увидела то, что ей не позволялось видеть в обычном состоянии. Казалось, лихорадка была необходимой. Но, конечно...

— Погодите, — перебил его Дайк. — Вероятно, вы должны знать, что вы могли начать составлять мозаику не с того конца. Оглянемся теперь назад. Вас застиг ливень, и после него Кларисса заболела и была в бреду, правильно? И после этого все начало становится все более и более странным. Лессинг, а вам когда-нибудь приходило в голову, что под ливень попали *вы оба.* А вы совершенно уверены, что это не у вас самого было бредовое состояние?

Какое-то время Лессинг сидел неподвижно, задумчиво прищурившись. Затем все же встряхнулся.

— Да, — сказал он. — Я уверен.

— Хорошо, — улыбнулся Дайк. — Я просто спросил. Разумеется, это была лишь одна из версий.

Он замолчал.

Лессинг вскинул на него взгляд,

— Может, у меня действительно была лихорадка, — признал он. — Может, мне почудилось все это. Но ничего не объясняет провал в памяти, кроме прыжка. Хотя я знаю, по крайней мере, один способ получить ответ хотя бы на часть вопроса.

Дайк кивнул.

— Я как раз думал, захотите ли вы сделать это. Я имею в

виду, немедленно.

— Почему бы и нет? Я знаю путь туда. Могу найти его с завязанными глазами. Может, она до сих пор ждет меня там все это время.

— Остается еще вопрос с пропуском, — сказал Дайк. — Но, думаю, могу это устроить. Но вы точно хотите отправиться туда, Лессинг? Вам не нужно время подумать? Знаете ли, для вас будет ужасным шоком, если вы не найдете никакой квартиры и никакой Клариссы. Но, признаюсь, я не буду удивлен, если вы найдете их. Мне кажется, все это — сплошная аллегория, какую мы еще не поняли. А может, никогда и не сумеем понять. Но...

— Я должен пойти, — перебил его Лессинг. — Разве вы не понимаете? Мы никогда ничего не докажем, если не исключим самую очевидную возможность. В конце концов, я просто обязан узнать истину!

Дайк рассмеялся и затем пожал плечами.

Лессинг стоял перед знакомой дверью, протянув дрожащий палец к звонку. До сих пор память честно служила ему. Была знакомая лестничная площадка. И была знакомая дверь. А за дверью, — он был совершенно уверен, — было знакомое расположение комнат, где некогда жила Кларисса. Но, разумеется, сейчас ее там не могло быть. Он не был бы разочарован, если бы на звонок открыл кто-то совсем незнакомый. Это ничего бы не опровергло. В конце концов, прошло ведь два года.

И Кларисса, скорее всего, сильно изменилась с тех пор, как он видел ее последний раз. Лихорадка, казалось, ускорила события.

Ну, предположим, что все это окажется правдой. Что она действительно принадлежит к суперрасе. Предположим, что она вошла в мир Лессинга только одной гранью ее четырехмерного бытия. И этой гранью она полюбила его — у них было для этого столько свиданий. Но личность ее была гораздо глубже, чем Лессинг мог бы когда-нибудь постичь, она не могла получить правильное развитие в своем объемном мире, а пока одна ее грань была в его плоском мире, — это было все, что Лессинг знал из нее, — она могла бы все еще любить его. Он надеялся, что могла. Он помнил ее слезы. Он помнил ее сладостные, стеснительные и такие горячие слова: «Я буду любить тебя вечно...»

Он с силой нажал звонок.

Квартира изменилась. Повсюду все еще были зеркала, но не... не такие, какие он помнил. Теперь это было нечто большее, чем

просто зеркала. У Лессинга не было времени анализировать, в чем же именно они изменились.

— Кларисса... — позвал он.

А затем, в один краткий момент всеведения, он, наконец, понял, как же был неправ.

Он забыл, что четырехмерное пространство — это еще далеко не предел. Кейбелл невольно ввел его в заблуждение: существуют многомерные пространства, где у куба может быть гораздо больше, чем шесть граней. Измерение Клариссы...

Протяженность множественных измерений не просто соприкасается в пространстве с нашим миром, скорее пространство — лишь среда, через которую проходят эти протяженности. И потому, что люди живут на трехмерной планете, и потому, что все планеты в этом континууме трехмерные, невозможен никакой физический тессеракт, кроме протяженности.

То есть, набор генов и хромосом, появившихся на Земле и задуманных здесь, не может сформировать матрицу супермена, как не может электробатарейка дать больше предназначенного ей напряжения. Но если взять три, шесть, десять таких батареек и соединить их последовательно...

Пока они не соединены, связь не завершена, и каждая в отдельности — обычный человек. У каждого есть свои ограничения. Это как брести наощупь, неуклюже прокладывая путь в темноте, и внезапно обрести способность видеть, когда отдельные части организма сливаются в единое целое. И потому, человеческий разум может постичь существование такого сверхбытия до тех пор, пока не произойдет слияние и отдельные батарейки не станут единым элементом с огромной потенциальной энергией.

На Земле жила Кларисса и ее номинальная тетя — которую вообще невозможно было постичь.

А где-то на далекой планете в Созвездии Тауруса тоже была Кларисса, хотя там ее могли звать по-другому, например, Эзендора, а ее опекуном бы некто далекий и загадочный, которого местные обитатели считали божеством.

А на планете семи миллионной четыреста двадцать восьмой от Центра Галактики жила Джандав, носившая с собой маленький кристаллик, из которого появлялся ее опекун.

В атмосферах кислородных и хлорных, на землях, освещенных дрожащим светом звезд, не видных в земные телескопы, под водой и там, где было холодно, темно и пусто, — всюду повторялась матрица, внедренная экстрасенсорикой, невообразимой мощью и наукой *homo superior*, биологическим

видом расы, существовавшей неизмеримо дольше Человечества. Не самопроизвольно, во многих мирах, жила, росла и развивалась матрица Клариссы. Батарейки набирали мощь.

Или, если воспользоваться моделью Кейбелла, матрица Клариссы прикоснулась одной гранью к Земле, но это была не грань из шести возможных, — а грань из почти бесконечного количества подобных граней. И каждой гранью этой невообразимой геометрической фигуры была Кларисса, которая росла, взрослела, набиралась сил и опыта. А потом — однажды, — все эти грани будут притянуты к единому центру и сольются в *полную* Клариссу. Однажды, когда последняя грань-зеркало отправит внутрь, к центру, свое зрелое отражение целого, и тогда множество Кларисс, если можно так выразиться, возьмут друг друга за руки и соединятся в непостижимое совершенство.

До этого момента мы можем проследовать. Но не после того, как отдельные элементы станут целым — завершенным, огромным, выросшим из незрелых Кларисс в гигантском количестве миров. После этого у дальнейшей судьбы *homo superior* уже не будет ни единой общей точки соприкосновения с тем, что в силах постичь *homo sapiens.* Мы знали их, как детей. Но они пошли дальше. Они отказались от детских игрушек.

— Кларисса... — позвал Лессинг.

Затем замолчал и неподвижно стоял в тишине, глядя на темный порог в полумраке зеркал и постепенно начал... видеть. Там было темно на лестничной площадке. Лестница уходила вверх и вниз, темная и неподвижная. Было тихо, ни малейшего шевеления в неподвижном воздухе. Это была энергия, не нуждающаяся в проявлении энергии.

Лессинг повернулся и медленно стал спускаться по лестнице. Страх, боль и грызущее беспокойство, так долго мучившие его, теперь кончились. На улице, стоя на тротуаре, он закурил сигарету, поймал такси и задумался, куда ехать.

Таксист обернулся к нему. Впереди поблескивала в темноте Ист Ривер, неспешно катя свои воды на юг. В противоположной стороне прогрохотал трамвай.

— Куда едем, сержант? — спросил таксист.

— В центр, — ответил Лессинг. — Где там любит собираться публика?

Он откинулся на мягком сидении, чувствуя облегчение, потому что на сознание его больше ничего не давило.

Поиски воспоминаний были завершены. Теперь он мог прожить свой цикл, с радостью, недоступной больше никому, наслаждаясь жизнью, как никто другой, с величайшим интересом

играя в земные игрушки. До тех пор, пока не придет срок, и его части сольются в непостижимое целое. Пока что непостижимое...

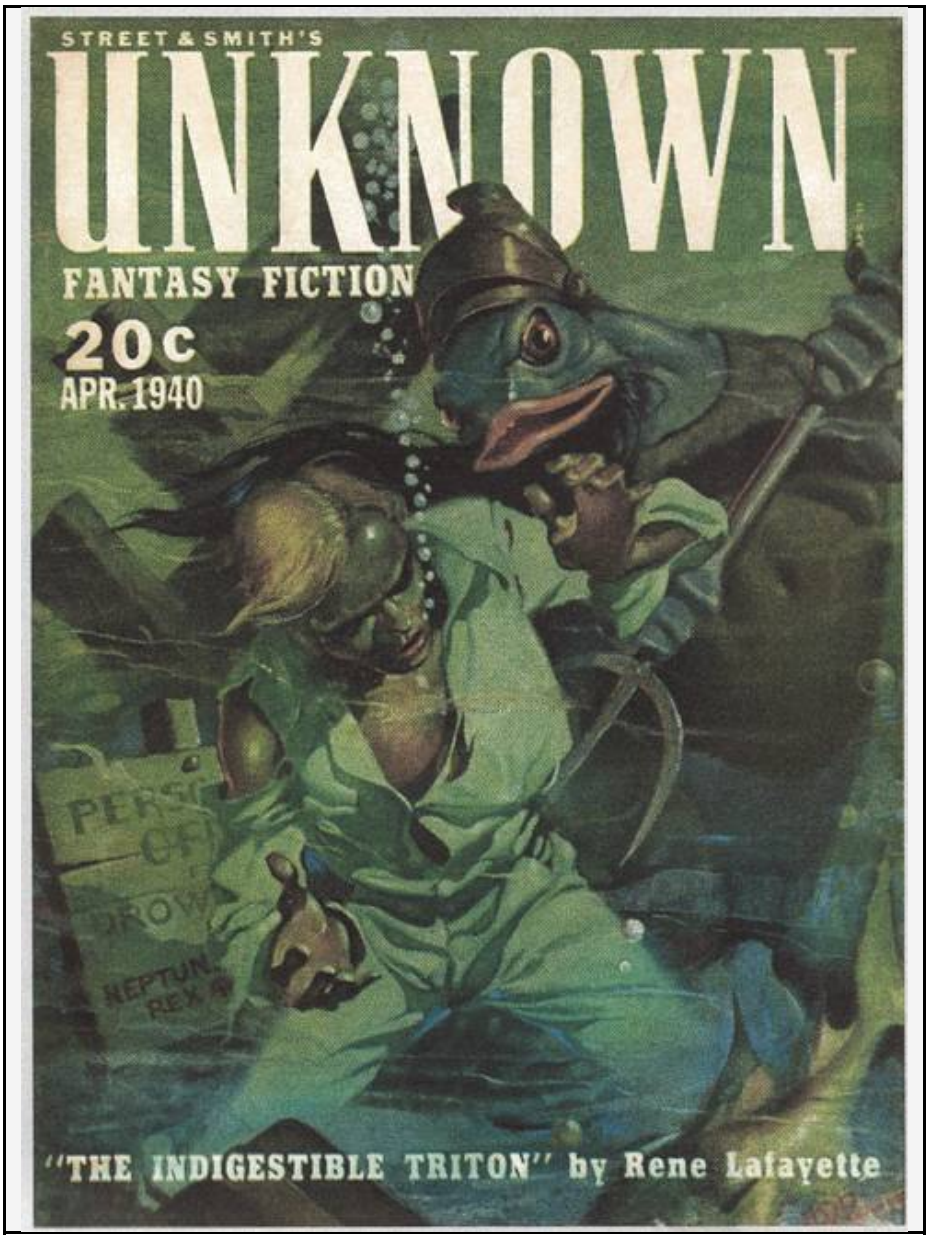
— В ночной клуб? — спросил таксист. — Неподалеку как раз открылось приличное заведение...

Лессинг кивнул.

— Прекрасно, давайте в клуб.

Откинувшись на сидение, он с наслаждением глубоко затянулся сигаретой. Шел детский час.

Все — иллюзия



All is illusion, (Unknown, 1940 № 4), пер. Андрей Бурцев

ОХ, НЕ СТОИЛО Бертраму Муру заходить в эту странную, маленькую таверну. А уж если зашел, то мог бы избежать серьезных проблем, если бы сдержал свой нрав и не стал бы спорить с воинственно настроенным карликом с едва заметными усиками. И вообще мистер Мур, будучи ирландцем, должен был заподозрить, что здесь что-то не так, как только вошел в эту необычную пивную.

Бертрам был высоким, застенчивым, рыжеволосым, лицо его несколько смахивало на философствующую лошадь — не уродливое, но и неписаной красоты. В общем, средний парень, каких можно увидеть ежедневно на улицах, уже не юнец, но еще и не начинающий стареть. Приятный парень, хотя и излишне говорливый.

У Бертрама Мура были часы, и можно сказать, именно они-то и виноваты во всем. Это были необычные часы. С виду вполне ординарные, но это были часы Мура и по этому факту уже приобретали ауру святости. Мур относился к ним с какой-то трепетной религиозностью и постоянно доставал их, нужно было или нет узнать время. Нынче вечером единственная проблема состояла в том, что стрелки часов показали восемь тридцать вместо семи тридцати. Из-за этого Мур прибыл на вокзал, чтобы встретить свою сестру Корину, на час раньше. Прожив двадцать пять лет в Нью-Йорке, Корина внезапно осмотрелась, решила, что ее тошнит от этого города и вздумала поехать к Бертраму в гости.

Мур не был импульсивным человеком. Он сверил свои часы с часами на башенке вокзала, потом нашел еще несколько часов для окончательной проверки, и, наконец, спросил швейцара, сколько сейчас времени. Тот ответил, что семь тридцать. Значит, поезда Корины не будет еще целый час. Мур оглядел пустой вокзал и поспешно направился к бару.

Однако, взглянув через стеклянные двери внутрь, ему сразу же туда расхотелось. Бар был полон людьми, как банка сардинами. Мур был слишком цивилизован, чтобы расчищать себе место локтями, поэтому вышел из вокзала и осмотрелся.

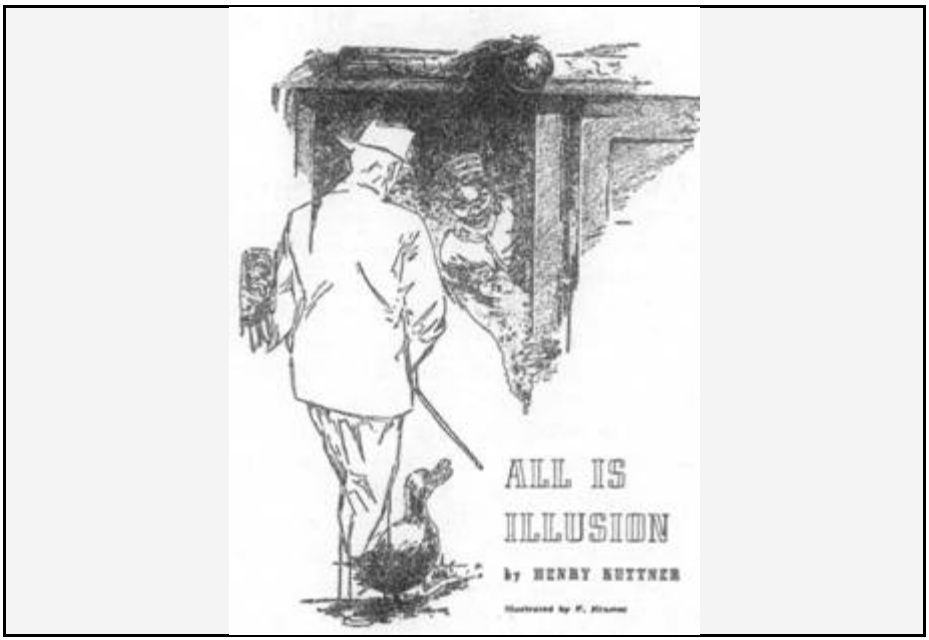
На противоположной стороне улицы был пустырь. Он находился тут уже много лет, еще со времен депрессии и высоких налогов. Но к своему удивлению, Мур увидел посреди пустыря небольшое строение.

Этот домишко будто вырос тут нынче ночью, подумал Мур и оказался гораздо ближе к истине, чем считал. Он пошел к строению. Это был высокий купол, напоминающий котелок, только без полей, а заодно и без окон.

Из приоткрытых дверей вырывались облака дыма и веселый шум. Мур вошел и тут же согнулся в приступе кашля.

Сначала он ничего не увидел в дыму. Большое помещение было заполнено им — серым, лениво расползающимся облаком, с острым ароматом душистого табака. Затем, постепенно, Мур начал что-то различать в этом тумане.

Стойки тут не было.



По залу были разбросаны столики, исчезающие в дыму. За ближайшим столиком сидел лысый, толстый старик, пальцы которого покрывали сверкающие драгоценностями кольца. Он курил наргиль[21] и выпускал потрясающие облака дыма. Кроме того, сама одежда его была совершенно неортодоксальной. Она состояла из козлиной шкуры на стратегических местах, а лысый купол его головы завершал венок из виноградных листьев. Это явно был какой-то маскарад или рекламный трюк.

Толстый старик громко икнул, взял со стола оловянную кружку, осушил ее одним залпом и подмигнул Муру. Потом что-то произнес на неизвестном Муру языке. Но его жест, указывающий на соседний столик, был красноречивым без всяких слов.

Мур прошел и занял место за указанным столиком. Большинство других столиков, как он обнаружил, было занято весьма разношерстной толпой. Сквозь дым было трудно их рассмотреть, но Мур решил, что одежда у них, хотя и более приличная, чем у старика, но такая же экстравагантная. Мур

мельком увидел странные шляпы с высокими тульями, белые одежды и одежды черные, и все остальное в том же духе.

Подошел официант. Он выглядел вполне нормальным, хотя и бледным, как мертвец, в мрачном смокинге. Его болезненно-бледное лицо было совершенно невыразительным, а глаза странно блестели, точно стеклянные. В отвороте смокинга была лилия. Кроме всего прочего, шел он жесткой, механической походкой зомби.

— Что закажете, сэр? — спросил он глухим, скрипучим голосом.

— Виски с содовой, — сказал Мур.

Официант ушел и почти сразу же вернулся и поставил на стол оловянную кружку. Мур расплатился и продегустировал напиток. Это было не виски. Мур был в этом уверен. Это было все, что угодно, только не виски. Впрочем, Мур не знал, что это могло быть. Вкус у него был резковатый, сильный, острый, и одновременно странно-сладковатый. Голова у него сразу же немного поплыла. Крепкая штука.

Мур всегда хорошо переносил алкоголь и, конечно же, не мог опьянеть с одной кружки. Но все же голова у него бесспорно плыла, когда появился воинственный карлик с маленькими усиками.

С ПЕРВОГО ВЗГЛЯДА Мур увидел только бороду, буквально, лавину курчавых седых волос, плывущую над полом как перекати-поле. Борода устроилась на стуле напротив Мура. Из путаницы волос появилась маленькая рука и стукнула кулаком по столу. Два мерцающих глаза-бусинки оценивающе взглянули на Мура с каким-то сардоническим весельем.

Официант принес пару полных до краев кружек. Карлик первым начал разговор.

— Проклятый скряга, — хрипло сказал он, уставившись на Мура, который нарочито проигнорировал его слова.

Но от карлика было не так-то просто отделаться. Откуда-то из глубины своей бороды он извлек длинный нож и попробовал пальцем его лезвие.

— Терпеть не могу, когда ко мне относятся пренебрежительно, — сказал он куда-то в пустоту.

Мур обернулся в поисках официанта, но не увидел его в серых облаках дыма.

— Прошу прощения, — вежливо сказал он. — Я не расслышал...

— Ага, — буркнул карлик. — Вот так-то лучше. Лучше для тебя. За медную монету я мог бы перерезать тебе трахею.

Неприятный карлик пьян или безумен, решил Мур и обернулся в сторону двери.

Карлик рассмеялся и влил ликер куда-то в глубину своей бороды.

— Сначала допей, — угрожающе сказал он, и Мур повиновался.

Напиток был крепким. Что примечательно, Мур почувствовал, что страх его тут же исчез. А на его месте начало расти негодование. Неужели его может запугать эта кукла... этот сморчок, которого можно раздавить одним ударом?

— Да черт с вами, — медленно и отчетливо сказал он.

И тут же подумал: неужели я пытаюсь затеять драку в баре? Мур содрогнулся, у него были слишком хорошие манеры для подобных вещей, а кроме того, его вовсе не привлекала идея сцепиться с этой бородой. Карлик был отвратительным. В его бороде, кроме которой почти ничего и не было видно, запутались колючки и сухие листья.

Глаза карлика опасно сверкнули.

— Черт со мной? — переспросил он.

Мур кивнул.

— Вы, случайно, не колдун? — с сомнением в голосе спросил вдруг карлик. — Нет? Тогда все в порядке. Значит, это просто фигура речи. Выпей со мной, дружище.

На столе удивительным образом возникли новые порции ликера. Это был уже перебор. Мур сделал странное открытие, обнаружив, что его спинной мозг куда-то девался, а вместо него был столбик огненного напитка. Казалось, напиток то поднимался, то опускался, как ртуть в термометре. И это чувство не было таким уж неприятным. Дым лез в глаза. Мур закашлял и посмотрел сквозь пелену на толстяка с наргилем.

— Странное местечко, — вполголоса сказал он.

Карлик посмотрел на него с удивлением.

— А чего вы еще ждали от Летнего Солнцестояния? — спросил он, и Мур не понял, что карлик имел в виду.

Казалось, это должно что-то означать, но что...

Толстый старик поднялся и пошел куда-то вглубь зала. Проходя мимо столика Мура, он, глядя в сторону, бросил вполне доброжелательно:

— Все *майя* — иллюзия.

Затем он икнул и скрылся в дыму.

— Карлик кивнул.

— Истинно так, — сказал он, глядя на Мура. — Да, истинно так. Все — иллюзия.

Мур почувствовал вдруг желание спорить. Он поставил на

стол оловянную кружку, вытер губы и сказал:

— Ерунда.

— Этим вы хотите мне показать, — сказал карлик, — что вы скептик. Но как вы можете им быть? Я — а я спец в подобных вопросах, — так вот, я уверяю вас, что все — иллюзия.

Мур с насмешкой отмел его доводы.

— Докажите это, — рявкнул он.

— Но это же очевидно, разве не так? Все только то, чем нам кажется. Поэтому и возможна магия.

The beard—or the man behind it, perhaps—repeated more firmly: "All is illusion."

— Вы пьяны, — оскорбительно заявил Мур.

— Я п-пьян? Клянусь Посейдоном и Кроносом! Не вам — да-да, не вам! — обвинять меня в этом. Если бы вы сами не были пьяны...

— Докажите это, — повторил Мур, чувствуя свое

неоспоримое преимущество.

БОРОДА ДЕРНУЛАСЬ от негодования. Появилась маленькая, коричневая, шишковатая рука и указала на оловянную кружку Мура.

— Вы думаете, что это ликер, да?

Мур немного засомневался, но все равно утвердительно кивнул. Карлик буквально засиял от удовольствия.

— Так вот, это не ликер. Это вода. Попробуйте и сами убедитесь.

Мур осторожно сделал глоток. К сожалению, он был не в том состоянии, чтобы понять, ликер он пьет или бензин. Вкус действительно был несколько водянистым, но Мур не собирался проигрывать спор, а потому заявил, что никакая это не вода.

— А вы просто псих, — продолжал он, вспомнив о ноже и рассердившись на себя за то, что поначалу боялся карлика. — Убирайтесь, пока я сам не вышвырнул вас. Все иллюзия, надо же! — и он невежливо расхохотался.

— Вы так верите своим чувствам? — спросила борода. — Может, вы еще думаете, что луна круглая?

— Круглая, черт побери! — упрямо сказал Мур и снова хлебнул из кружки.

— Она круглая для вас, — сказал карлик, — но почему должна быть такой же для всех остальных? То, что вам кажется круглым, для другого может быть квадратным. Откуда вы знаете, какой я вижу луну?

— Если вы так интересуетесь луной, то идите и пяльтесь на нее, сколько влезет, — отрезал Мур.

Но карлик оказался настырным.

— Откуда вы знаете, что я чем-то интересуюсь? — спросил он. — Откуда вы знаете, что вообще беседуете со мной? Пять чувств — они же произвольны, а не фиксированы. Они — просто иллюзия. Вообще все — иллюзия.

— Послушайте, — сказал Мур, окончательно выходя из себя и страдая от головной боли, — выходит, и ваша борода — иллюзия. Моя рука — тоже иллюзия. Я дергаю вас за бороду, — и он энергично проделал это. — И это тоже иллюзия. Плюньте на это и смейтесь.

Возникла суматоха. Карлик вопил, ругался и отбивался. Наконец, Мур упал на свой стул, сжимая в руке пучок курчавых волос.

— Клянусь Кроносом и Нидом! — сказал вдруг карлик спокойным, смертельно спокойным голосом. — За это вы окажетесь в аду, мой прекрасный коллега. И если вы думаете... —

Борода ужасно ощетинилась. — Я покажу вам, иллюзия все или нет! — В руке у него возникла тонкая, короткая палочка из полированного темного дерева, и карлик указал этой палочкой на Мура. — Я накладываю на тебя проклятие иллюзии! — заявил он. — Да будут разрушены все пять чувств! Я наложу на тебя вуаль Протея!

Мур резким ударом выбил у него эту палочку и внезапно почувствовал себя отрезвевшим. Почему, он не мог сказать. Ему вдруг резко захотелось покинуть эту дымную, безумную пивнушку. Ничего не говоря, он поднялся и, пошатываясь, пошел к двери.

В спину ему ударил злой хохот бородатого карлика. Этот хохот был еще слышен, когда Мур переходил улицу, и замер, лишь когда он прошел полквартала. Тогда Мур остановился и обернулся.

Таверна исчезла. На ее месте остался лишь пустырь.

НА КОРОТКИЙ МИГ Мур почувствовал себя больным. Затем он понял, что произошло. Он пьян сильнее, чем ему казалось. Наверное, таверна находилась на несколько кварталов дальше, и он прошел их в полубессознательном состоянии. Ворча, он взглянул на часы.

Всего восемь двадцать. До прихода поезда Корины еще оставалось время выпить чашечку кофе. Мур прошел на вокзал, направился было к ресторану, а затем, пораженный одной мыслью, вместо этого свернул к аптеке, где купил лимонную кислоту, кофеин, проглотил пакетики порошка и только потом выпил в ресторане кофе. За кофе он успокоился.

Он сидел за стойкой, потеряв самоконтроль, и не сразу сообразил, почему окружающие бросают на него странные и веселые взгляды. Затем услышал отчетливое сопение.

Мур пошарил взглядом. Сидевший слева от него загорелый, неповоротливый джентльмен подавил усмешку и уставился себе под ноги.

Это было только началом. Мур понял, что привлекает всеобщее внимание. Он с опаской, украдкой осмотрел свою одежду. Все было в порядке. Осмотрел в зеркале напротив свое лицо и остался им доволен. Самое обычное лицо. Не солидное, но сильное. Как у Гэри Купера. Чувствуя, как мысли приходят в порядок, Мур выпил еще чашечку кофе.

Наконец, громкоговоритель возвестил о приходе поезда. Мур расплатился и, не обращая внимания на взгляды, прошел на перрон, где стал ждать Корину. Наконец, он увидел ее в толпе, хрупкую блондинку с любопытными глазами и упрямым

подбородком. Она почти не изменилась. Компетентная, деловая, сардонически усмехающаяся молодая женщина. Последовали короткие восклицания и неловкие объятия. Затем Корина фыркнула и отступила на шаг.

— Ты что, пролил на себя духи? — спросила она.

— Духи? — не понял Мур.

Корина пристально поглядела на него.

— Я чувствую сильный запах фиалок. Ужасно сильный.

— Странно, — поморгав, ответил Мур. — Я никакого запаха не чувствую.

— Значит, твой нос вообще не работает, — ответила Корина. — Я почувствовала этот запах еще в поезде. Берт, теперь я займусь тобой. Немного материнской заботы — это то, в чем ты нуждаешься.

Немножко одеколона — пожалуйста, если хочешь, но не фиалковые духи. И не в таком количестве. Это же просто немыслимо. Ты должно быть, принял ванную из них.

— Ну, — недоуменно потянул Мур, — я тоже рад тебя видеть. Хочешь выпить?

— Да, — сказала Корина, — хочу. Но не настолько, чтобы отправиться сейчас с собой в коктейль-бар. Люди могут подумать, что эта вонь идет от меня.

Быстрым шагом Мур повел сестру в багажное отделение, где получил багаж. Через пару минут они уже ехали в его седане по бульвару Уилшир. Корина сидела рядом, открыв окно и высунув в его голову. Мур мрачно глядел на дорогу. Корина меняется к худшему, решил он.

КОРИНА, НАКОНЕЦ, всунула голову в салон и коснулась руки Мура.

— Что с твоей машиной, Берт? — спросила она.

— Что? — Мур отпустил акселератор. — Ничего. А почему ты спрашиваешь?

— Из-за шума.

Мур внимательно прислушался.

— Это двигатель.

— Это не двигатель. Это какой-то свист...

— Тс-с, — сказал Мур и после паузы добавил: — нет, это свистит у тебя в ушах. Наверное, так.

Корина пристально глядела на него. Затем она неожиданно нагнулась к нему. Мур надавил на тормоз, прежде чем понял, что сестра наклонилась, чтобы прижать ухо к его груди. Затем она выпрямилась и опять поглядела на него.

— Этот свист, — сказала она, — исходит из тебя. Это делаешь

ты. Свистишь, как...

— Как что?

— Как полицейский. Я имею в виду его свисток. Почему бы тебе не прекратить? Это вовсе не смешно.

— Ничего я не свищу, — рявкнул Мур.

— Хочешь сказать, что не можешь остановиться?

— Хочу сказать, что я ничего не делаю.

— Возможно, ты что-то проглотил, — вздохнула Корина.

Это следовало предвидеть. Ньюйоркцы такие странные. На девушку густо пахнуло фиалками, и она прикрыла глаза.

Именно в это время их догнал полицейский на мотоцикле и жестом велел Муру остановиться. Затем слез с мотоцикла и поставил ногу на подножку машины Мура. Открыл рот и... тут же закрыл его. Потом сердито глянул на водителя, ноздри его чуть подергивались.

— В чем дело? — спросил Мур. — Я не превышал скорость.

Полицейский не ответил. Он заглянул в машину, тщательно осмотрел Корину, заглянул на заднее сидение.

— Кто из вас свистит? — спросил он, наконец.

Прежде чем Мур успел ответить, мгновенно вмешалась Корина.

— Это двигатель, офицер, — сказала она. — Прокладка подвесного клапана дала течь. Мы как раз направляемся в мастерскую.

— Прокладка клапана? — недоверчиво переспросил полицейский.

— Да, — твердо сказала Корина. — Прокладка клапана. Подвесного, знаете ли.

Возникла короткая пауза. Наконец, полицейский почесал голову и заметил:

— На вашем месте, я бы как можно быстрее отремонтировал машину. Вы нарушаете общественное спокойствие.

Девушка сладко улыбнулась.

— Спасибо, — сказала она. — Мы отремонтируем. Немедленно. Ох, уж эти прокладки клапанов...

— Да, — протянул полицейский и долго глядел вслед автомобилю. Затем задумчиво сел на мотоцикл.

— Что такое, черт его побери, эта прокладка подвесного клапана? — печально прошептал он.

К ТОМУ ВРЕМЕНИ, как они приехали домой, Корина была вся на нервах. Мур владел двухэтажным домом в пригороде. Дом был окружен газончиком с парой деревьев и собакой. Собаку звали Банджо. Пес был не маленький, чего, казалось, никак не мог

уразуметь. Очевидно, когда-то Банджо увидел пекинеса и с тех пор пребывал в заблуждении, что он тоже комнатная собачка. Но это было отнюдь не так. Среди его предков явно были колли, поэтому он был ужасно шерстистым, к тому же обладал уникальной способностью линять круглый год. Это огромное, бегемотоподобное создание скачками вылетело из-за угла дома, увидело машину и тут же приняло непопулярное решение.

У Банджо была своя теория об автомобилях. Они перемещались, следовательно, были *живыми.* И его хозяин был явно пойман одной из этих жутких тварей, поскольку сидел у нее внутри. С храбростью, достойной лучшего применения, Банджо ринулся вперед и вонзил зубы в шину.

Шина в ответ угрожающе зашипела на Банджо. Пес тут же растерял всю свою храбрость и ринулся под крыльцо, где замер, издавая тихие стоны.

Мур вышел из машины и принялся долго, монотонно ругаться. Затем он оставил машину на стоянке и понес багаж Корины к парадной двери. Дверь открыл скелет, кости которого были обтянуты пергаментом. Фамилию скелет носил Питерс. Имя его, — если оно вообще у него было, — затерялось где-то в тумане десятилетий. Он был мастером на все руки в хозяйстве Мура и последние лет сорок сосредоточился на единственной цели — неизящно стареть. В течение, по крайней мере, последних двадцати лет он старательно обманывал гробовщиков. У Мура имелось вполне обоснованное подозрение, что по выходным Питерс шлялся по разным моргам, где насмехался над их владельцами.

— Ага, — злорадным тоном сказал Питерс. — Шина спустила, да?

Корина пристально поглядела на него, но он явно обращался не к ней.

— Да, спустила шина, — ответил Мур. — Этот глупый пес укусил ее.

— Я ее залатаю, — кивнул Питерс и поглядел на девушку.

И тут он внезапно, казалось, спятил. Его беззубые челюсти задрожали и лицо, треснув, попыталось изобразить на себе усмешку, причем он закудахтал, как курица.

— Ну, ладно, — сказал он, покудахтав. — Мисс Корина, чтоб я так жил, как умер! Какой сюрприз!

— Что значит, сюрприз? — холодно спросил Мур. — Ты же знал, что она приезжает.

Питер проигнорировал эту зверскую попытку окатить его энтузиазм ледяной водой. Его скелет весь задрожал от старческого веселья.

— Да, — протянул он. — Много же времени прошло. Очень много времени. Вы так изменились, мисс Корина.

— Зато вы ничуть не изменились, — нашла что ответить Корина.

Веселье, объявшее Питерса от ее слов, чуть было его не прикончило. Он устроил среди багажа причудливый танец, хрипя и в безумном веселье размахивая руками. Оставив старика на волю его восьмидесятилетним прихотям, Мур проводил Корину в соседнюю комнату.

СЬЮЗЕН, ЖЕНА МУРА, раскладывала там пасьянс. Это была маленькая, полноватая, все еще симпатичная, несмотря на склонность к истерии, женщина. Шаблоны, как она утверждала, приводили ее в замешательство. Практически все было шаблонами. Приготовление еды было одним из шаблонов, которым она все же овладела, но такие ужасно сложные штуки, как пылесос, радио и пасьянс постоянно ставили ее в тупик. Однако, она поднялась навстречу вошедшим и одарила Корину гостеприимной улыбкой.

Пока шли взаимные приветствия, Сьюзен принюхивалась.

— О, — наконец, воскликнула она. — Фиалки! Это для меня?

— Сьюзен, — сказала Корина, — я хочу задать вам один вопрос. Вы слышите... э-э... специфический шум?

Сьюзен покачала головой.

— Да нет, ничего специфического, хотя я не знаю, что означает это слово. А почему вы спрашиваете?

— Не слышите даже... э-э... свиста? — настаивала Корина.

— А, конечно, — лучась улыбкой, воскликнула Сьюзен. — Но в нем нет ничего... э-э... специфического. Это просто свист.

Корина закрыла глаза и глубоко вздохнула.

— И вы знаете, что издает этот свист? — наконец, сумела спросить она.

— Нет. А вы?

Муру не понравилось, какой оборот принимает разговор. Он резко повернулся, когда позади раздалось резкое, противное щелканье пальцами. На пороге стоял Питерс.

— Обязательно так щелкать пальцами? — раздраженно спросил Мур. — Это звучит, как фейерверк. Так и инфаркт получить можно.

Питерс удовлетворенно поглядел на суставы руки.

— Конечно, можно, — согласился он. — Я наполнил для вас ванну.

Мур озадаченно поглядел на него. Какую ванну? Только-только занималась заря.

— О, — неопределенно протянул он. — Но я не просил готовить мне ванну.

— Я уже насыпал туда ароматическую соль, — соблазняюще сказал Питерс. — Много ароматической соли для ванны.

— Но почему, черт побери, я должен принимать ванну именно сейчас? — спросил Мур.

— Потому что вы пахнете, — с достоинством ответил Питерс.

НА УЖИН СОБРАЛАСЬ компания. Это было сделано усилиями Сьюзен. Она всегда волновалась, когда видела кого-то, не состоящего в браке, а потому воспользовалась возможностью пригласить Стива Уотсона, вполне подходящего молодого человека. Муру не очень нравился Стив, прекрасный экземпляр молодой американской мужественности с сердечным смехом и склонностью постоянно смотреться в зеркало.

Кто-то запустил в дом Банджо. Когда Мур, вымывшийся и побрившийся, спустился вниз, этот мастодонт собачьего племени пришел в безумное восхищение. Он бросился на хозяина и, в попытке облизать ему лицо, чуть не опрокинул на пол.

— Отстань, отстань, черт бы тебя побрал, — злобно сказал Мур. — Убирайся прочь и умри! Цыть!

Но Банджо ничего не слушал. Казалось, что-то пробудило в нем демона, и он гарцевал вокруг Мура, шумно обнюхивая его, пока тот силой не вытолкал собаку во двор. Там Банджо принялся громко выражать свой протест.

Поправив одежду, Мур вышел к людям. Сьюзен, счастливая, сидела в уголке, с улыбкой глядя на Корину и Стива Уотсона, которые оживленно беседовали.

— Приветствую вас, — сказал Стив, поднявшись при появлении Мура. — Вас что, сдуло недобрым ветром? Почему вы...

Внезапно он замолчал. На комнату упала смертельная тишина.

— Что за специфический аромат? — спросила, наконец, Сьюзен. — У нас же нет рыбы на ужин, не так ли?

Мур принюхался. Но ничего такого не обнаружил. Корина опять взглянула на брата с выражением особо недоверчивым.

— Рыба? — спросила она. — На ужин? Весьма сомневаюсь, Сьюзен. У вас быть не могло такой тухлой рыбы.

Сьюзен окликнула Питерса, который как раз, шаркая, вошел в комнату.

— У нас что, на ужин рыба? — спросила она.

— Нет, — твердо ответил Питерс. — Но кто-то. Хотя и не на ужин. — Он повернулся и уставился на Мура. — Вы так и не

приняли ванну, — обвинительным тоном произнес он.

— Питерс, откройте окна,— поспешно сказала Сьюзен.

Окна были открыты, но это мало чему помогло. В комнате висело, мягко говоря, напоминание о рыбе, очень мертвой и очень тухлой.

Стив все же вновь обрел свою обычную самоуверенность.

— Очевидно, ветер был и правда недобрый, — сказал он, усмехнувшись, и шагнул к Муру. — Рад наконец-то увидеть вас, старина.

Мур неприязненно поглядел на его протянутую руку, затем осторожно пожал ее. Стив мгновенно издал пронзительный вопль и отпрыгнул, энергично тряся рукой. Ругательства клокотали у него в горле, и только гигантским усилием он сумел сдержаться. Остальные с любопытством наблюдали за ним.

— Что случилось, Стив? — спросила Сьюзен.

— Ха-ха, — деревянно сказал Стив, выдавливая на лицо некое подобие улыбки. — А вы все тот же шутник, Берт? Как вы это сделали? Вы же чуть не сожгли мне пальцы. — И он подул на свою руку.

— О чем вы говорите? — срывающимся голосом спросил Мур.

Муру никогда не нравились розыгрыши, особенно бессмысленные. Но Стив, казалось, был полон решимости довести шутку до конца. Резким движением он схватил руку Мура и внимательно осмотрел ее.

— Странно, — сказал он после долгой паузы. — Может, вы прячете в рукаве электроаккумулятор?

— Зачем бы мне прятать аккумулятор в рукаве? — потребовал Мур.

Стив раздраженно глянул на него.

— А, ладно, — сказал он. — Это ваше дело. Только все это было не очень забавно.

— Рад, что вы это поняли, — едко ответил Мур и взглянул на недоумевающие лица Сьюзен и Корины.

Тут Питерс вновь притащил в комнату свой обтянутый пергаментом скелет.

— Ужин готов, — объявил он и отбыл, бормоча себе под нос что-то о том, какие некачественные стали делать ароматические соли для ванны.

УЖИН, ВСЕ ЖЕ, не стал полным крахом. Возможно, чайка сожрала бы его с большим аппетитом, но чайки питают слабость к рыбе, даже мертвой и протухшей. Гости были несколько более щепетильны в таких вопросах. Сьюзен и Корина не отрывали от своих трепещущих ноздрей надушенные кружевные платочки.

Только Стив оставался незащищенным. Он ел очень мало, а бледнел все больше и больше.

Возможно, для того, чтобы прекратить все это безобразие, внезапно завыла сирена из какого-то места, подозрительно близкого от стола. Корина, потрясенно взглянув на живот брата, прикрыла глаза и глубоко вздохнула. И сразу же поняла, что допустила ошибку. К счастью, Сьюзен была не слишком встревожена таинственной сиреной. Она и так постоянно слышала вокруг себя странные шумы. Например, радио было шаблоном, который она никак не могла понять.

Несчастный Стив, однако, ушел рано, договорившись встретиться с Муром в конторе последнего на следующий день. По крайней мере, Стив думал, что договорился на следующий день. Адская сирена продолжала оглушительно вопить, и Стив был уже почти уверен, что виноват в этом Мур. В итоге, Стив решил, что хозяин дома сошел с ума или ощутил отвратительную склонность к дурацким розыгрышам.

Корина и Сьюзен удалились сразу же после его ухода. Сьюзен решила спать в комнате для гостей вместе с невесткой, которая сочувственно отнеслась к ее просьбе. Что же касается Питерса, то он был застукан Муром, когда опрыскивал его спальню лизолом[22]. Мур сердито велел ему убираться в ад и принялся раздеваться. У него раскалывалась голова от начинающегося похмелья, а также попытки решить разом кучу мистических проблем... Либо он сошел с ума, либо спятил весь мир. Кроме того, его тревожило воспоминание о бородатом карлике, который угрожал ему... чем?.. Каким-то проклятием... — проклятием Протея, так? «Да будут разрушены все пять чувств!».

Мур проглотил пару таблеток аспирина и лег спать. Спокойствие воцарилось в доме, прерываемое временами лишь мучительным воем сирены.

На следующее утро Мур воспользовался возможностью уйти прежде, чем поднимутся Сьюзен и Корина. Он прочитал короткую нотацию Банджо, который был озадачен громким шумом, исходящим, по всей видимости, из живота хозяина. Соблазнительный аромат тухлой рыбы исчез, но его сменил сильный запах цветов персика, который не казался привлекательным привередливому вкусу собаки. Банджо без энтузиазма лизнул пару раз руку Мура, а затем поскакал прочь.

Холодный душ и кофе в ресторане значительно взбодрили Мура, и он вошел в свою адвокатскую фирму в таком благодушном расположении духа, что даже позволил себе улыбнуться секретарше в приемной. Она была опасно симпатичной брюнеткой с безнравственным взглядом, который

Мур иногда ощущал на себе.

— Доброе утро, — радостно воскликнула она. — Как дела?

— Прекрасно, мисс Брэндон, — ответил Мур. — Что там у нас на повестке дня?

— Через полчаса у вас встреча с мистером Уотсоном. Он уже звонил...

— А, да, — сказал Мур, вспоминая слова Стива прошлым вечером.

Несколько охлажденный перспективой созерцать красивое и оскорбительно здоровое лицо мистера Уотсона, Мур вошел в кабинет, сел за стол и принялся просматривать почту.

Это заняло изрядное время. Мур задумчиво рассматривал некоторые юридические документы, когда щелкнул селектор, объявляя о прибытии мистера Уотсона.

— Впустите его, — сказал Мур.

Открылась дверь. На пороге стоял Стив, весь расплывшись во всепрощающей улыбке. Но рука его, протянутая было для сердечного рукопожатия, слегка дрожала. Он открыл, но тут же снова закрыл рот.

— С вами все в порядке? — спросил Мур. — Входите и присаживайтесь.

Стив не повиновался. Он, правда, вошел, очень осторожно, но садиться не стал. Вместо этого он оперся руками на стол, навис над столешницей и уставился на Мура в приводящей в замешательство манере.

— И в чем теперь дело? — спросил Мур.

Стив слегка вздрогнул, затем осмотрел кабинет, отступил к двери и позвал мисс Брэндон.

— Да? — сказала она, появившись в дверях.

— Вы сказали, что мистер Мур у себя в кабинете.

— Так оно и есть. Я...

— Его здесь нет, — твердо заявил Стив. — Здесь нет никого, кроме утки.

Мур испустил серию резких ругательств, в которых отчетливо и фигурировало имя Стива.

— Слышите? — сказал Стив. — Она на меня крякнула!

Мисс Брэндон вошла в кабинет и широко распахнула глаза.

— Действительно, это утка! — воскликнула она. — Наверное, влетела в окно.

— Утки не летают, — возразил Стив. — По крайней мере, домашние утки. И где мистер Мур?

— Очевидно, вышел на минутку, — по-прежнему озадаченно сказала мисс Брэндон. — Может, вы подождете?

— Вы уволены! — завизжал Мур. — Что же касается вас,

Стив, будьте любезны, отправляйтесь к черту! А я пойду чего-нибудь глотну!

Он сердито поднялся, прошел между остолбеневшими фигурами Стива и мисс Брэндон и распахнул дверь. Пройдя в приемную, он с силой захлопнул дверь за собой.

Лишь после этого мужчина и женщина с какой-то неловкостью взглянули друг на друга. Стив облизнул губы.

— Дверь, — прошептала мисс Брэндон. — Она открылась сама собой.

— Да, — медленно протянул Стив. — Как раз перед тем, как утка дошла до нее. Здесь творится что-то странное. Не думаю, что буду дожидаться мистера Мура. С него этак станется вернуться со львом. Или с гориллой. Доброго вам утра, мисс Брэндон.

Между тем утка проковыляла по вестибюлю и остановилась перед лифтом. Она никак не могла бы дотянуться до кнопки вызова, но все же кнопка была нажата, словно невидимой рукой. Прибыл лифт, открылась дверь. Темнокожий юнец-лифтер с любопытством повертел головой.

— *Убирайся*! — закричал он.

Мур вошел в лифт и понял, что мальчик смотрит на него выпученными глазами.

Раздалось угрожающее, резкое, отрывистое кряканье. Замигав, мальчик закрыл дверь и послал лифт со странным пассажиром на первый этаж.

Утка вышла из лифта и величаво направилась к ближайшему бару.

Тем временем мысли Мура все возвращались к бородатому карлику. И он не сразу понял, что прохожие бросают на него странные взгляды. Что же опять было не так? До прошлой ночи его жизнь была нормальной и организованной, но теперь...

Постепенно в уме Мура начало расти подозрение, что теперь вовсе не хорошо и уж тем более не нормально.

В баре он столкнулся с очередными трудностями. Бармен не принял заказ. Хуже того, он совершенно игнорировал Мура, несмотря на короткие, но содержательные эпитеты, которые не могли не вывести бармена из глубокой апатии. Наконец, испытывая отвращение, Мур подошел к столику и сел. Тут же к нему подсели два человека навеселе, заняв стулья по обе стороны от Мура.

— Здесь много свободных мест, — резко сказал им Мур. — Почему вы сели сюда? Вы что, не видите, что столик занят?

Мужчины посмотрели друг на друга.

— Ты слышал это, Джимми? — сказал один.

— Да, — ответил Джимми. — Слышал... это. И надеюсь

никогда больше не услышать подобные звуки.

— Может, это расстройство желудка? — с надеждой спросил первый.

Но Джимми помотал головой.

— Только не у меня. И не у тебя. Такие звуки мог произвести бы только, пожалуй, слон или... — Он замолчал, пытаясь подобрать походящее животное.

— Дюгонь? — попытался помочь ему приятель.

Джимми замолчал и задумался.

— А что такое дюгонь, Джо? — спросил он.

— Это вроде тюленя, — сказал Джо.

Джимми бросил на товарища длинный, полный отвращения взгляд, затем опять помотал головой.

— Нет, — торжественно произнес он. — Это не дюгонь... А, вот и официант. Официант, я хочу виски. Две порции.

При виде официанта Мур решил обострить ситуацию. Не нужны были двое пьяниц за его столиком. Это ведь его столик. Он первым занял место. И он потребовал...

Но официант ничего не ответил. Он взглянул на Джимми и Джо и поспешно ушел.

— Снова этот шум, — упавшим голосом пробормотал Джо, стараясь подавить панику.

— Слышу, — ответил Джимми. — Мы должны сохранять спокойствие. Если есть шум, значит, что-то должно издавать его.

— *Если* есть шум? — воскликнул Джон. — Да тебе чертовски хорошо известно, что шум этот *есть!*

— Ну, ладно, — умиротворяюще согласился Джимми. — Шум действительно есть. Это...

— Вы просто жалкие пьянчужки! — рявкнул Мур.

Джо и Джимми одновременно посмотрели на стоящий между ними стул. Затем немного помолчали. Наконец, Джо сказал ровным, совершенно лишенным эмоций голосом:

— Это утка.

Но Джимми был расположен спорить.

— С чего ты взял, что это утка? — возопил он. — Утки не шляются по барам!

— С чего я взял, что это утка, — иронично усмехнулся Джон. — Да ты только взгляни на нее. Что же это еще может быть?

— Это может быть селезень, — заявил Джимми с внезапным приступом вдохновения.

Мур решил, что с него довольно, поднялся и, не дожидаясь выпивки, сбежал, оставив Джо и Джимми тщетно спорить об утках и селезнях.

ОН СТОЛКНУЛСЯ со Сьюзен и Кориной, которые шли из офиса Мура, не найдя его на месте.

— Ну, — сказал Мур, останавливаясь перед женщинами. — Привет.

И тут же почувствовал короткий удар под дых. Сьюзен издала короткий, пронзительный крик и глянула себе под ноги. Там корчилась утка.

— Боже мой! — воскликнула Сьюзен. — Бедная, бедная! Я запнулась о тебя.

Дыхание вернулось к Муру. У него едва не вырвались не приличествующие в разговоре с дамами слова.

— Сьюзен, — сказал он сдавленным голосом, — это не смешно. Совсем не смешно. Что вообще творится со всеми вами?

— Она ранена, — сказала Сьюзен. — Послушай, как она крякает.

Затем женщина сделала нечто совсем неприятное. Она наклонилась, спокойно подняла своего мужа и начала покачивать его, ошеломленного, на руках. Мозги Мура разлетелись вдребезги и буквально закипели. Он безуспешно стремился оставаться здравомыслящим. Каким невероятным образом жена могла поднять его — мужчину весом в сто шестьдесят фунтов, — и качать на руках на углу Бродвея и Седьмой улицы.

Мур безуспешно корчился, пытаясь освободиться.

— Отпусти меня! — почти что кричал он. — Черт побери, Сьюзен, прекрати эти глупости! Немедленно отпусти меня...

— О, она так перепугана, — пробормотала Сьюзен, — Бедная маленькая уточка. Может, она хочет есть. Что вообще едят утки, Корина?

— Не знаю, — ответила Корина, глядя на это зрелище со смешанными эмоциями. — Судя по виду этой утки, я думаю, она уже сожрала своих птенцов. И жаждет теперь человеческой плоти. Осторожнее...

Но ее предупреждение запоздало. Увидев пухлую голую руку жены так соблазнительно близко, Мур поступил совсем не по-джентльменски. Он укусил ее. Сьюзен с криком выпустила мужа, который упал, больно ударившись о землю.

— Клюющаяся утка, — пробормотала Корина. — Тебе больно?

— Нет, ответила Сьюзен, осмотрев руку. — Но вынуждена сказать, что у тебя странное чувство юмора, Корина.

— Скорее уж у утки, — пробормотала Корина. — Гляди, как улепетывает это маленькая, злобная тварь.

Мур несся по улице в безумной попытке убежать от своей жены... чудовища Франкенштейна, думал он на бегу. Но что

случилось со Сьюзен? Откуда у нее вдруг взялась такая экстраординарная сила? При воспоминании о том, что он пятнадцать лет прожил под одной крышей с этой королевой варваров, Мур содрогнулся и удвоил скорость.

ВНЕЗАПНО НА УЛИЦЕ вновь появился Стив Уотсон, возвращаясь в контору Мура, укрепленный парочкой порций ржаного виски. Он как раз обдумывал ситуацию с обычной своей сообразительностью, как вдруг она снова возникла перед ним — утка, которую Стив уже видел прежде. А в паре десятков футов на улице стояли Сьюзен и Корина.

Очевидно, это была ручная утка, принадлежавшая домашнему хозяйству Мура. Пытаясь сообразить, с чего это вдруг Мур взялся за разведение домашней птицы, Стив решил, что Берт, очевидно, купил эту утку, чтобы сделать сюрприз жене. Некоторые люди делают еще и не то. Стив сам когда-то купил молодого аллигатора и отправил его по почте в качестве подарка другу. К сожалению, у друга недоставало чувства юмора, а потому при личной встрече он разбил шутнику нос.

Стив ловко подхватил утку и повернулся к женщинам с широкой улыбкой на цветущем лице.

— Поймал! — торжествующе заявил он. — Я всегда появляюсь в нужный момент, не так ли? — Он подошел к Сьюзен. — Это ваша, верно?..

В этот стратегический момент магическое заклинание, наложенное бородатым карликом, почему-то временно ослабло, и Мур восстановил свой обычный облик. Испуганный Стив внезапно обнаружил, что лежит, придавленный немалым весом крупного, энергичного и чертовски активного Бертрама Мура.

Мур не тратил впустую время на досужие домыслы. Он оказался на рухнувшем Стиве. А тот был слишком испуган, чтобы отбиваться. Все это казалось заманчивой возможностью для совершения убийства, и Муру пришлось приложить все усилия, чтобы суметь, хотя и не сразу, разжать руки, стискивавшие горло Стива.

Сьюзен тут же узнала своего мужа. Правда, он появился несколько неожиданно, но она решила, что Бертрам, должно быть, появился в ближайшем окне и прыгнул оттуда на Стива в безумном припадке ревности. Протестующе закричав, она ринулась вперед и попыталась оторвать мужа от его задыхающейся жертвы.

— Отстань, — бросил Мур через плечо. — Через минуту я освобожусь...

Корина предупреждающе свистнула.

— Сматываемся! — крикнула она. — Казаки!

Большая фигура полицейского в форме уже пробиралась через образовывающуюся толпу. Мур почувствовал, как его стаскивают с задыхающегося Стива. Подоспело еще несколько полицейских.

— Вы должны поехать со мной, — сказал первый полицейский.

Кто-то в толпе указал на Сьюзен.

— Она помогала ему.

Сьюзен тут же была схвачена. Заодно арестовали и Стива. Корина, чувствуя что у нее мозги встают набекрень, попыталась им помочь и схватила за руку первого полицейского.

— Вы же не хотите арестовать их, — сказала она, обольстительно улыбаясь. — Это мои друзья. Они... э-э... ну, просто дурачились.

— А, ваши друзья? — сказал полицейский. — Думаете, я не слышал, как вы обозвали меня казаком? Судья Штурм будет рад повидать вас.

СУДЬЯ ГОРАЦИЙ ШТУРМ сидел на своем месте и внимательно рассматривал ногти. Безупречным человеком был судья Штурм. Его щеголеватая, сухощавая фигура, одетая со вкусом, уже много лет украшала это место, а добродушное, улыбчивое лицо обмануло не одно поколение преступников и уголовников. И теперь оно без особого одобрения воззрилось на прибывшую четверку.

— Доброе утро, — сказал он. — Чем могу служить вам?

— Нарушали порядок в общественном месте, Ваша Честь, — сказал вошедший с ними полицейский.

Судья Штурм с упреком пошевелил пальцами.

— Все работа, работа, — недовольно произнес он. — Неужели мы должны сейчас вести это противное разбирательство? Неужели в такое приятное солнечное утро мы не можем просто поболтать? В конце концов, мы уже не скоро снова увидим этих четырех уголовников. Очень, очень не скоро, — с небольшой долей злорадства повторил он.

— Ваша Честь, — прямо сказал Стив. — На меня напали. Я...

Судья Штурм пораженно поднял брови.

— На вас напали? Невероятно. Ну, если вы имеете в виду кого-то из этих двух очаровательных леди, то я готов в это поверить. Вы хотите сказать, что на вас напала одна из них? Или, возможно, обе?

— Нет, Ваша Честь, — сказал Стив, отводя глаза от удивленного судьи. — Это сделал он. Вот этот человек.

Судья Штурм обратил заинтересованный взгляд на Мура.

— Вы напали? — спросил он. — Как адвокат, мистер Мур, вы должны знать результаты подобных действий. Ведь только на прошлой неделе вы защищали клиента, оскорбленного действием.

— У меня есть оправдание, — быстро ответил Мур. — Он схватил меня... Он поднял меня на руки и...

— Это ложь! — рявкнул Стив. — Я схватил утку.

Судья Штурм заморгал. Потом тщательно исследовал ногти и лишь затем снова уставился на стоящую перед ним четверку.

— Прошу прощения, — тихо сказал он. — Очевидно, у меня что-то со слухом. Несомненно, от того, что я услышал множество лживых историй. — Судья сделал многозначительную паузу. — Вы имели в виду, что приняли мистера Мура за утку или наоборот?

Тут Сьюзен внезапно решила все разъяснить.

— Он выпрыгнул из окна, — услужливо сказала она.

Судья вздрогнул. Затем нагнулся и внимательно осмотрел Сьюзен.

— Вы говорите вразнобой, — указал он. — Вы и ваш предшественник. В нашей таинственной истории участвуют три заинтересованных лица: мистер Мур, другой джентльмен, на которого напали, и утка. Вы утверждаете, что один из них выпрыгнул из окна. Если так, то кто именно?

— Бертрам, — тут же ответила Сьюзен. — Мой муж. Мистер Мур.

Судья Штурм задумался.

— И что это было за окно? — спросил он, наконец.

Сьюзен театрально развела руками.

— Не знаю, — сказала она. — Я его не видела. Только секунду назад его не было, а потом раз — и он появился.

Судья сделал глубокий вдох и повернулся к Корине.

— Юная леди, — сказал он, — пока что я еще ничего не услышал от вас. Вы можете быть единственным нормальным участником этого квартета. Вы не будете против изложить мне вашу версию этого позорного дела?

Корина облизнула губы. Она чувствовала себя не очень хорошо. Она жаждала тишины и покоя Таймс-Сквер и метро. Но она взяла себя в руки и быстро сказала:

— Ну, мы с миссис Мур шли по Бродвею, когда она запнулась об утку. Она взяла утку на руки, и утка укусила ее. Затем появился мистер Уотсон и схватил утку. А потом...

— Стоп! — поспешно остановил ее судья. — Этого достаточно. Более чем достаточно. Хорджен, действительно была

необходимость задержать этих людей?

— Я знаю свои обязанности, Ваша Честь, — невозмутимо ответил Хорджен.

ТУТ МУР РЕШИЛ, что дела зашло слишком далеко. Он шагнул вперед и спокойно заговорил, глядя на судью Штурма.

— Позвольте мне все объяснить, Ваша Честь, — сказал он. — На самом деле, все очень просто. Виноват, допускаю это. Я вышел из себя. Больше за это не ответственен никто.

— Это уже лучше, — с некоторым удовлетворением ответил судья. — Очевидно, хотя бы вы нормальны. Но почему вы вышли из себя? Вы все еще утверждаете, что этот человек схватил вас?

— Ну, — пояснил Мур, — не то, чтобы это было началом. Все начала моя жена, когда подняла меня на руки.

Судья Штурм задохнулся от приступа кашля. Потом схватил молоточек, задумчиво уставился на него и пробормотал:

— Отойдите, мистер Мур, немного назад. Я не хочу, чтобы вы стояли возле меня. Может пострадать моя репутация. Вы серьезно хотите утверждать, что эта юная леди... полагаю, она действительно ваша жена... Нет, не хочу даже произносить этого.

И пристальный взгляд судьи невольно перешел на Сьюзен, потом сразу же вернулся обратно. И застыл. Глаза судьи начали медленно стекленеть. Он внезапно осунулся и стал выглядеть очень старым.

— Хорджен, — сказал он, — где мистер Мур?

— Мистер Мур, Ваша Честь? Да прямо перед вами!

— Нет, Хорджен, — прошептал судья. — Мистера Мура нет больше с нами. Либо он подменил себя козлом при помощи какого-то фокуса, либо сам превратился в козла. В любом случае, в зале суда теперь стоит козел.

— Ваша Честь! — с негодованием воскликнул Мур. — Я протестую! Я отказываюсь быть мишенью для непристойных шуточек.

— А сейчас он блеет, — почти бесшумно сказал судья Штурм. — Вы только послушайте.

— Козлы не блеют, Ваша Честь, — возразил Хорджен. — Блеют овцы.

Судья выпрямился и таким взглядом воззрился на Хорджена, что тот сразу же вспотел. Потом судья Штурм поднялся и явно собирался уйти.

— Ваша Честь! — потрясенно сказал Хорджен. — Вы ведь не уходите?

— Да нет. Я ухожу. У вас есть возражения?

— А как же задержанные? — с отчаянием спросил Хорджен.

— Хорджен, — доброжелательным голосом сказал судья, — вы же слышали, что мистер Мур признал себя виновным. Он сказал, что он один отвечает за все. А теперь мистер Мур превратился в козла. Я назначаю ему штраф в десять долларов плюс судебные издержки. Так что, Хорджен, можете действовать.

Передернув плечами, судья Штурм удалился в свой кабинет, где долго и жадно пил из коричневой бутылки. Больше он не рассматривал никаких дел в этот день, который стал самым удачливым для всех ответчиков.

Между тем Мур, шепча под нос проклятия, подошел к Хорджену и попытался отдать ему десять долларов. Но полицейский отказался принять деньги. Он только замахал руками.

— Прочь! — закричал он. — *Прочь!*

К тому времени, как Мур решил бросить тщетные усилия расплатиться, он увидел, что Сьюзен, Корина и Стив покидают суд. Подавленно он последовал за ними. Выйдя из муниципального здания, он внезапно понял, что всего лишь через квартал находится вокзал.

Какой-то необъяснимый импульс поволок его туда. Прохожие расступались перед ним, и он почувствовал себя странно одиноким. По дороге он все время озирался в поисках полицейских, но, по счастью, не встретил ни одного.

Наконец он подошел к вокзалу. Затем перешел улицу, направляясь к знакомому уже пустырю. Неужели здесь действительно стояла таверна? Нет, не может быть!..

БОЛЬШОЙ ШАР перекати-поля прокатился по траве и остановился у ног Мура. На него глянула пара мерцающих, зловредных глазок. Было что-то чрезвычайно знакомое в этом спутанном клубке. А когда из него появилась скрюченная коричневая рука, Мур обрел уверенность.

— Паршиво ты выглядишь в облике козла, — заметил карлик. — Паршиво, скажу я тебе. Ну, что теперь скажешь об иллюзии?

Мур ощутил невесть откуда взявшуюся тошноту.

От жаркого солнца у него закружилась голова. Нет, это не могло быть реальным.

— Ну? — спросил карлик. — Я был прав или нет?

— Да, — медленно проговорил Мур. — Вы были правы. Иначе я просто спятил.

— Нет, вы не спятили, — утешил его чертов карлик. — Это просто магия. Создание иллюзии. Завеса Протея. Я — в своем роде что-то вроде фокусника.

— Может... вы снимите проклятие? — невольно вырвалось у

Мура.

— Конечно, сниму. Не хочу вас наказывать слишком строго. Просто нужно было преподать вам урок. Вот, — и карлик протянул ему маленький хрустальный пузырек. — Выпейте это. Нет-нет, не сейчас. Сначала подождите, пока не обретете вашу законную внешность. Это — эликсир потенциальных возможностей. Глотните его, и все будет О.К.

Мур взял пузырек.

— М-м... Спасибо, — сказал он.

— На здоровье. Только будьте осторожны. Если выпьете эликсир сейчас, то останетесь в облике козла на всю оставшуюся жизнь. Эликсир не изменит вас, он просто зафиксирует вас в той форме, в какой вы будете в тот момент, когда выпьете его. Так что сначала убедитесь, что вы человек, прежде чем откупорите эту бутылочку. Будьте осторожны, когда имеете дело с иллюзиями.

Последнее слово прозвучало, как порыв ветерка. И карлик исчез. Только шар перекати-поля катился себе по пустырю.

Мур молча стоял, глядя на пузырек в своей руке. Потом сунул его в карман и пошел. Теперь нужно было ждать, пока он не обретет свой настоящий облик. Но когда это произойдет?

Так или иначе, Мур добрался до своего дома. Банджо, казалось, испугался при виде своего хозяина и с воем убежал. Мур бесшумно обогнул дом, направляясь к черному входу, и вошел на кухню.

Там с ним поздоровался Питерс. Морщинистое лицо старика было бесстрастным, но Мур знал, что Питерс с одинаковым стоицизмом может смотреть на человека, козла или кита. Был лишь один способ удостовериться.

— Привет, Питерс, — неуверенно сказал он. — Моя жена уже вернулась?

— О, да, — ответил Питерс. — Она готовит коктейли. Мисс Корина уезжает. Решила вернуться в Нью-Йорк. Сказала, что больше не в силах оставаться здесь.

Мур почувствовал волну облегчения и схватил Питерса за руку.

— Как я выгляжу? Я имею в виду — как обычно?

Питерс заверил Мура, что он — это он, и вышел из кухни. С громадным облегчением Мур вздохнул, достал из кармана пузырек и откупорил его.

— Бертрам! — раздался из гостиной голос Сьюзен. — Этот ты?

Мур заколебался. Затем быстро выпил содержимое пузырька, бросил его в мусорное ведро и повернулся к двери.

Дверь внезапно открылась и вошла Сьюзен. И замерла на

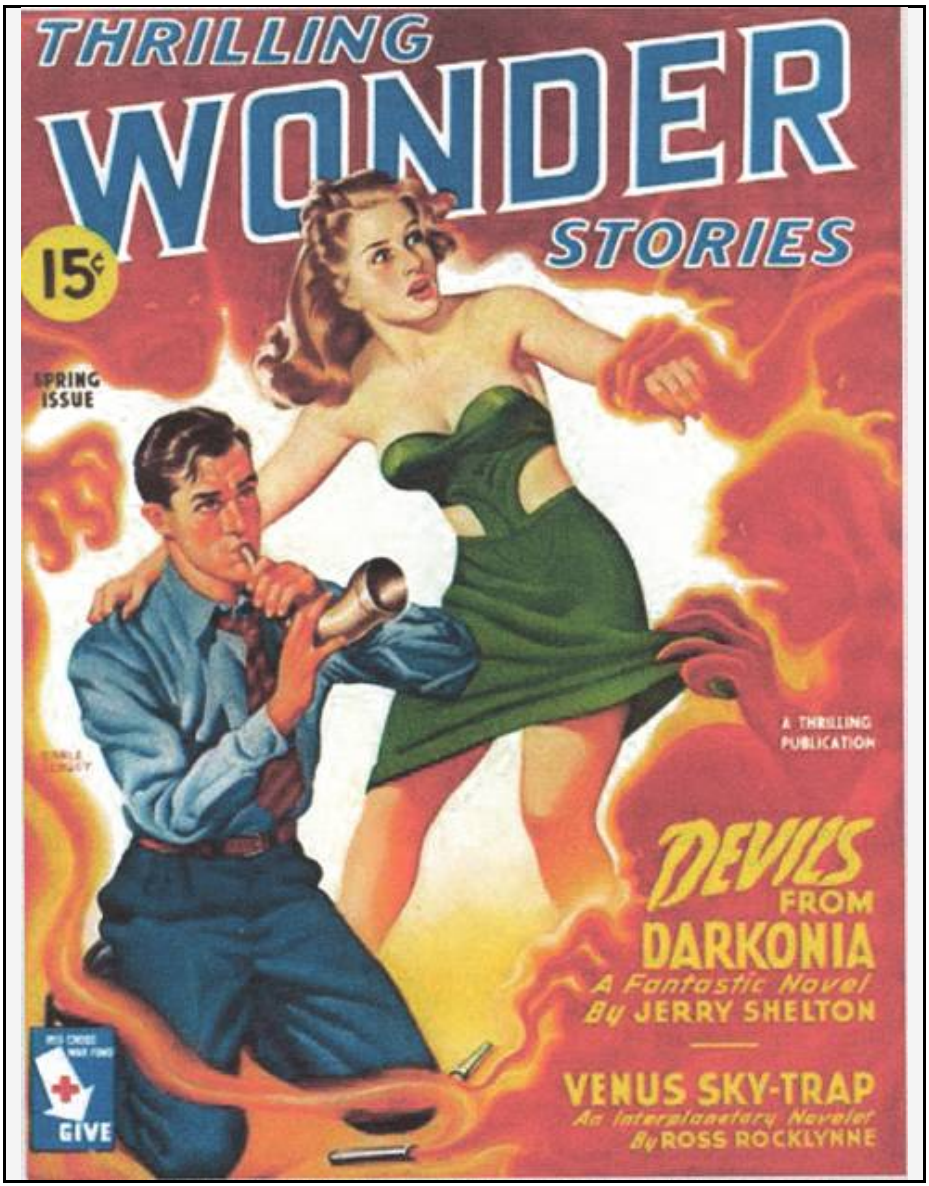
пороге. Бокал выскользнул из ее руки, ударился об пол и разлетелся вдребезги.

— Это всего лишь я, — улыбаясь, сказал Мур. — Я испугал тебя?

Но Сьюзен не стала его слушать. Она развернулась и опрометью бросилась из кухни. Из гостиной раздался ее крик, эхом прогремевший в ушах Мура:

— Питерс, Корина! Помогите! — пронзительно вопила Сьюзен. — Вызовите полицию! У нас на кухне лошадь!

Дитята



Baby face, (Thrilling Wonder Stories, 1945, Spring), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

ГЛАВА I. Толчок для Джерри

ЛЮБОЙ умник, который назовет меня Дитятей, получит по морде и надолго загремит в больницу.

Меня зовут Джерри Кэссиди, я сержант морской пехоты Соединенных Штатов. Во мне ровно девяносто килограммов веса, и я больше похож на Уоллеса Бири[23], чем на Малышку Сэнди[24]. По крайней мере, сейчас. Было время, когда это не совсем соответствовало действительности.

Но если какой-нибудь болван захочет напомнить об этом, ему лучше держать кастет наготове. Если бы док Маккинни не был таким приятным стариком, я бы сломал ему шею за такие шуточки. Перенос эго, видите ли!

То, как это случилось, может прозвучать довольно странно.

Я крепкий, приятный на вид мужчина, и, думаю, именно поэтому жена капитана решила, что оставить «вонючку» Доусона со мной будет безопасно. Я наткнулся на миссис Доусон в парке, когда выходил из Центрального Вокзала. Она милая блондинка с томным взглядом, от которого немного теряешь голову. Во всяком случае, она шла с коляской, увидела меня и поздоровалась.

— Здравствуйте, миссис Доусон. Надеюсь, у вас все хорошо.

— Настолько хорошо, чтобы сегодня вечером пойти с капитаном на танцы, — сказала она и рассмеялась. — Чудесно, что он снова дома. У тебя ведь тоже отпуск, Джерри, не так ли?

— Даже могу это доказать, — ответил я. — Пропуск у меня с собой. И я тоже вроде как иду сегодня на танцы в «Радугу». Моя... гм... девушка говорит, что если я буду долго тренироваться, то научусь танцевать.

— А-а, — сказала миссис Доусон. — Как вам в Нью-Йорке?

— Честно говоря, даже не знаю. Совсем не похоже на Новую Гвинею. Билли работает до пяти, так что я просто убиваю время.

— На Парк-Авеню особо нечего делать.

As I wondered what to do with the helmet, Billie rushed into the arena

BABY FACE

By HENRY KUTTNER

When a Tough Sergeant Reverts to Infancy He Just Won't be Weaned from Fighting Mankind's Foes!

— Ага, — сказал я. — Только я знаю костоправа, который живет неподалеку. Док Маккинни. Он раньше жил в Кеокуке, откуда я приехал, и я думал заскочить к нему.

Миссис Доусон прикусила губу.

— Джерри, — сказала она, — не окажешь ли ты мне чертовски большую услугу?

Я ответил, что с радостью, и спросил, в чем дело.

— Можешь побыть полчаса с Вонючкой? Сделаешь это для меня? Я не стала бы просить, но у прислуги сегодня выходной, и мне не с кем его оставить, а мне нужно купить новое платье для сегодняшнего вечера. Я... я не видела капитана так долго, и... ну, ты знаешь.

— Конечно, я присмотрю за... гм... малышом, — ответил я. — А вы бегите и делайте все, что вам нужно, миссис Доусон.

— Большое спасибо! Я быстро. И... послушай! Придумала! Я принесу тебе кое-что для Билли. На прошлой неделе я видела в магазине такое красивое нижнее белье.

Я ДАЖЕ немного покраснел.

— Б... белье?

— Не глупи, Джерри! Ей понравится. Теперь жди здесь, а если заскучаешь, сходи в аптеку и возьми колу или что-нибудь в том

же духе. Хорошо?

— Да, — ответил я, и она ушла.

Мои руки, казалось, стали еще больше. Я посмотрел на них, и оказалось, что они тоже покраснели. Нижнее белье! Не думаю, что Билли понравится. Тем не менее, я могу ошибаться. Женщины — странные создания.

Я взглянул на маленького наглеца в коляске. Он был толстым, глупо выглядящим младенцем, слегка косоглазым, и у него были большие, свисающие до плеч щеки. Его руки походили на морские звезды — короткие пальцы, торчащие в разные стороны — и он пытался засунуть ногу в рот, что ему почти удавалось. Если он пошел в своего старика, то у него должен быть дьявольский характер. Так что я не стал указывать ему, куда не стоит совать свою ногу. Закурив сигарету, я осмотрелся.

Довольно скоро Вонючка заплакал. Он лежал на спине, махая руками и ногами, уставившись на меня. Его лицо покраснело, а голос напоминал голос капитана в определенные моменты, как, например, когда я немного набрался в Сиднее и полез драться с моряками.

Предположив, что младенец снова хочет погрызть ногу, я засунул ее на место, но, кажется, ему уже надоело это. Он сделался фиолетовым и продолжал кричать. Люди начали посматривать на меня. Я испугался, мне захотелось убежать. Но я не мог оставить ребенка одного.

Я пошел в аптеку и спросил у того, кто выписывает рецепты, что мне делать. Он не знал. Все младенцы орут, сказал он, им это полезно.

Только не этому ребенку! Вдруг я заметил, что одна из его пинеток пропала.

— О, Боже, — почувствовав себя плохо, сказал я. — Маленький негодник, наверное, съел ее!

Я поднял его за ногу и осторожно встряхнул без особого результата, кроме того, что он завопил громче, чем когда-либо. Собиралась толпа, но не было никого из женского батальона. Я пришел в полнейшее смятение. Я продолжал думать о том, что случится, когда миссис Доусон вернется и увидит, что Вонючка задохнулся насмерть, подавившись собственной обувью. Трибунал, однозначно. Я смогу это вынести, но... я беспокоился о бедном малыше.

Затем я вспомнил о доке Маккинни. Его кабинет был лишь в квартале отсюда, и я помчался по парку вместе с коляской так, словно в нее был встроен двигатель. На лбу у меня на лбу выступил пот. Всю дорогу Вонючка кричал, визжал, орал и гудел. Наверное, он так разговаривал.

Какой-то моряк ухмыльнулся мне.

— Плохая из тебя нянька, — сказал он, но у меня не было времени заткнуть его.

Я выхватил Вонючку из коляски, взбежал по ступенькам и ворвался в дверь с табличкой «Доктор Маккинни». Медсестра испуганно посмотрела на меня.

— Быстро! — воскликнул я. — Позовите доктора. Эта мелюзга только что съела свою пинетку!

— Но... но...

Дверь в другом конце комнаты распахнулась, и я увидел знакомое, морщинистое лицо старика с седыми волосами, торчащими, как петушиный гребень. Он кого-то нервно выпроваживал.

— Нет! — вскричал док. — Мне неинтересно. Ваши документы меня не волнуют, и я сейчас же сообщу ФБР. Уходите!

Человек, здоровяк с сонными глазами и пышными усами, открыл рот, чтобы сказать что-то, и затем закрыл его, как сработавший капкан. Он был зол, я видел это. Но, тем не менее, усатый не стал ничего делать, развернулся и вышел, бросив яростный взгляд в мою сторону.

— Док! — позвал я.

— Что? Кто... Ох, Христа ради! Джерри Кэссиди. Так ты уже сержант?

Я передал ребенка ему.

— Вопрос жизни и смерти. Малыш съел пинетку. Он задыхается!

— А? Пинетку?

Я все объяснил. Док кивнул медсестре и отвел меня в кабинет, большую комнату с множеством различного оборудования. Он осматривал малыша, пока я оцепенело смотрел в сторону.

Через некоторое время док пожал плечами.

— Я не нашел ничего подозрительного.

— Но он кричит. Говорю вам, он съел пинетку.

В КАБИНЕТ вошла медсестра, держа пропавшую обувь.

— Я нашла это в коляске внизу, — сказала она. — Доктор, вам нужна помощь?

— Нет, спасибо, — сказал док.

Он снова обул ногу Вонючки, но это не решило проблему. Медсестра вышла. Ребенок продолжал плакать.

— Он не похож на тебя, — рассеянно пробормотал доктор. — Как бы то ни было, он скоро устанет кричать. Где ты взял его?

— Конечно, он не похож на меня. Он жена моего капитана...

хочу сказать, капитан его ребенка... о, боже, док! Сделайте что-нибудь!

— Что?

— Почему он плачет?

— Это, — задумчиво произнес доктор Маккинни, — одна из величайших тайн человечества. Никто не знает, почему грудные дети плачут. По крайней мере, почему они плачут, когда у них нет колик, их не укололи булавкой и им не пора менять пеленки.

— У него... что-то из этого? — испуганно спросил я.

— Ну, это могут быть колики, — сказал док. — Но не остальное. Я проверил.

— Хотел бы я, чтобы малыш мог говорить, — простонал я. — Это ужасно...

Док воспрянул духом.

— Ну, да, я... я совсем забыл. Сейчас Джерри. Я все исправлю через секунду-другую. Первое практическое применение для моего Передатчика Мысле-матрицы. Вот.

Он открыл сейф, вытащил оттуда два мягких шлема, сделанных, кажется, из кожи, и протянул один мне. Хотя шлем и был гибким, его пронизывали провода, а над ухом торчал маленький выключатель.

— Вы хотите вставить ребенку кляп? — поинтересовался я. — Но мы же не можем так поступить. Кроме того, носовой платок сработает лучше.

— Замолчи, — проворчал док. — Я гуманист, иначе я не изобрел бы шлемы для передачи мыслей. Они просто заставят тебя передумать.

— Это я могу сделать и сам, — заметил я.

Док надел один из шлемов на мою голову, а второй натянул на свою.

— Я покажу тебе, — сказал он. — Включи шлем.

Я выполнил инструкцию. Моей голове стало жарко. Раздалось тихое жужжание.

Док щелкнул своим выключателем. На секунду перед глазами все расплылось. Затем я почувствовал легкое головокружение. Будто комната начала вращаться.

— Док, — сказал я, — ты изменился!

Мой голос стал другим. Резким и скрипучим.

Доктор Маккинни тоже изменился. Теперь он был крупным, рослым парнем с лицом, как у гориллы, которой врезали по морде...

Я узнал его. Я вижу это лицо каждое утро, когда бреюсь. Док выглядел, как я!

Он заулыбался, выключил шлем, и подошел ко мне, чтобы

сделать то же самое.

— Не переживай, — прогремел док. — Мы всего лишь поменялись телами, хотя... даже немного не так. Скорее, как дистанционное управление. Сама психика не затронута, только образ мышления, основная матрица, делающая тебя тем, кто ты есть.

— Док! — воскликнул я. — Помогите!

У меня заболела голова, и я испугался.

— Ладно, — усмехнулся док, — поменяемся обратно. Выключи свой шлем. Вот и все. А сейчас...

Комната опять начала вращаться. Я смотрел на дока Маккинни, вернувшись в свое тело. Я машинально щелкнул выключателем, как это сделал док, и затем плюхнулся в кресло.

— Ого! — сказал я. — Настоящая магия!

— Ничего подобного. Я просто изобрел идеальный способ диагностики. Врачу всего лишь нужно обменяться разумом с пациентом, и он сразу почувствует все симптомы, где болит, и что беспокоит пациента. Непрофессионал никогда не сможет идеально точно описать, как он себя чувствует, когда болен. Но врач, — полностью поставив себя на место пациента, — может.

— У меня заболела голова.

Док выглядел заинтересованным.

— Правда?

— Нет, — подумав, ответил я. — Странно. Боль уже прошла.

— Ага! У меня весь день болит голова. Разумеется, ты ощутил эту боль, оказавшись в моем теле.

— Это безумие, — сказал я.

— Ничуть. Человеческий мозг испускает импульсы. Эти импульсы имеют единую матрицу. Когда-нибудь слышал о дистанционном управлении?

— Конечно. А оно тут причем? — поинтересовался я.

ДОК МАККИННИ задумчиво почесал лоб.

— Трансплантация живого мозга хирургически невозможна. Но сам разум, образ мышления, матрицу можно перенести. Каждый разум обладает определенным периодом колебаний, и мои шлемы, работая на принципе индукционной диатермии, производят необходимые изменения. Понимаешь?

— Да, — ответил я. — Я больше не хочу ничего слышать об этом. Вонючка все еще плачет, и если вы не можете помочь мне, то что же делать?

— Я сейчас и пытаюсь тебе помочь, — сказал док. — Так что слушай. Я не думал о таком применении, но оно прекрасно вытекает из уже сказанного. Младенцы не могут объяснить, что у

них болит, потому что не умеют говорить, но ты-то умеешь. Я покажу.

Док снял шлем со своей головы, осторожно нацепил на голову Вонючки и сразу же щелкнул выключателем. Прежде чем я понял, что происходит, Док развернулся ко мне, протянул руку и...

— Глоуоббл! — сказал я.

С моими глазами что-то случилось. Все как будто поплыло. Надо мной висела большая круглая капля...

И что-то безумно орало, словно сумасшедший рояль. Невероятными усилиями я сфокусировал взгляд. Оказалось, что каплей было лицо дока Маккинни. Я почувствовал, как пальцы ощупывают мою голову. Раздался щелчок.

Рев на заднем фоне стих. Мое горло и небо стало мягким, упругим и непривычным. Язык все время норовил заползти в пищевод. Я вытянул руку, и перед глазами появился пухлый, розовый объект, похожий на морскую звезду. Моя рука!

Великие звезды!

— Блогоббл уог уог док уоббл гоб квоп! — сказал я совершенно младенческим голосом.

— Ладно, Джерри, — сказал док. — Ты в теле Вонючки, только и всего. А он в твоем. Я поменяю вас обратно, как только ты скажешь мне, как себя чувствуешь.

На этот раз я говорил более внятно, хотя и сильно шепелявил.

— Вытафите меня отфюда! Быфтрее!

— Тебя что-то беспокоит? В конце концов, тебе надо узнать, почему ребенок плачет.

Каким-то чудом я смог сесть. Но встать никак не получалось. Мои ноги были скрючены и казались бесполезными.

— Со мной все нормально, — сумел выговорить я. — Кроме того, что хочу назад.

— Ничего не болит?

— Нет. Нет!

— Значит это просто характер у него такой, — подытожил док. — Чувства передаются вместе с разумом, но органы чувств остаются на месте. Ребенок просто раздражен. Он все еще плачет.

Я посмотрел на него. Мое тело, тело сержанта Джерри Кэссиди, лежало на спине со скрюченными руками и ногами, глаза были плотно закрыты, а рот разинут, и оно вопило. По его — моим — щекам текли обильные слезы.

Во рту словно была каша, но я сумел сказать, что хочу вернуться в свое тело. Мое желание усилилось, когда я увидел, что Вонючка сосет мой большой палец, лежа на полу и сонно

глядя на потолок. Во всяком случае, он прекратил вопить. Пока я смотрел, его глаза закрылись, и он захрапел.

— Ну, — сказал док. — Он уснул. Может передача разумов производит успокаивающий эффект.

— На меня нет, — слабо прорычал я дрожащим сопрано. — Мне не нравится это. Вытащите меня отсюда!

ГЛАВА II. Ребенок хочет пить

Не успел док вернуть меня в мое собственное тело, как в приемной послышалось шарканье, и тихонько взвизгнула медсестра. Я услышал глухой стук. Дверь распахнулась, в комнату ворвались трое громил с оружием в руках: один револьвер марки «Уэбли» и два маленьких, плоских автоматических пистолета. Человек с «Уэбли» был тем самым олухом, которого доктор Маккинни выпроводил, когда я пришел. Усы олуха все еще торчали вокруг рта, похожего на ловушку для крыс, а глаза выглядели еще более сонными, чем тогда. Двое других были просто гориллами.

— Смит! — воскликнул док. — Ты что творишь, грязный нацист!

Док рванулся к скальпелю, но Смит оказался быстрее. Ствол «Уэбли» стукнул дока в висок, старик осел, проклиная нападавшего на чем свет стоит, пока тот не ударил снова.

— Хватит! — сказал по-немецки один из двух громил.

Я пробежал по операционному столу, на котором сидел, и подскочил к Смиту, замахиваясь кулаком, чтобы как можно сильнее двинуть ему в челюсть. К несчастью, ноги мои подкосились, и я грохнулся лицом вниз, больно ударившись носом.

— Кто это? — спросил кто-то.

Я перекатился на спину. Косоглазый стрелок показывал — пистолетом — на мое тело, лежащее на ковре и громко храпящее.

— Пациент, наверное, — предупреждающе подняв руку, сказал Смит. — Под эфиром, судя по тому, как храпит.

— На нем этот шлем.

— Ja, ja.[25] — Смит сорвал шлем. — Господам он понадобится. И... — Он снял шлем с моей головы. — ...этот тоже. Третий будет доволен. И ничего не придется платить за устройство.

— Как будто мы вообще собирались платить, герр Шмидт?

— Nein[26], — ответил герр Шмидт. — Не будь глупее, чем ты есть. Представляться правительственным служащим — ну и ну! Мы только тратим время. Раус! Встретимся вечером, — сам знаешь, где.

— Да, у цирка, — ответил человек с косоглазием.

— Тс-с!

— Да кто нас может услышать? Ребенок? Чушь.

— Предосторожность никогда не помешает, — ответил Смит.

Он запихнул два шлема в маленький черный ранец, который док держал на застекленном шкафу с инструментами.

— Быстрее!

Они вышли. Я тупо сидел на операционном столе в некотором оцепенении.

— Док, — позвал я.

Ответа не последовало.

До пола было чертовски далеко. Но я знал, что должен каким-то образом слезть со стола. Пискливо ругаясь, я ползал по нему, пока не обнаружил, что у меня довольно сильная хватка для моих размеров. Ноги были слабыми, но руки — вполне пригодными.

Я позволил себе соскользнуть со стола, держась за край руками, немного так повисел и затем спрыгнул. Больно не было. Я был такой толстый, что даже отскочил от пола. Когда я поднялся, комната стала казаться больше. Стол, стулья... все стало таким высоким. Док неподвижно лежал в углу. Я подполз к нему.

Он дышал. Уже хоть что-то. Но я не мог его оживить. Наверное, сотрясение. Гм-м..

Мое собственное тело еще спало. Я стал качать его голову, пока оно не проснулось.

— Послушай, парень, — заплетающимся языком сказал я. — Попытайся понять. Нам нужно позвать на помощь. Ты слышишь меня?

Я забыл, насколько маленьким был ребенок. Он схватил меня за подгузники и начал таскать туда-сюда, как щенка, и гулить противным басом. Я обозвал его плохими словами и он, наконец, отпустил меня и снова попытался съесть свою ногу. Мою ногу!

Я вспомнил о медсестре, но когда я заполз в приемную, оказалось, что она, распластавшись, лежала на столе и была холоднее, чем треска. Вид телефона навел меня на кое-какую мысль. Я не мог достать его, пока не стащил за провод аппарат со стола. Телефон грохнулся об пол в паре сантиметров от меня.

Мне было сложно набирать номер, — пальцы постоянно сгибались сами по себе. В конце концов, я крепко сжал карандаш, упавший вместе с телефоном, и это помогло. Оператор спросил, что мне нужно.

— Гоблоббл... э-э... полицию! Полицейский участок.

Было ужасно тяжело приводить мягкие ткани горла и язык в положение, необходимое для того, чтобы произнести слова. Я то и дело начинал давиться несуществующей кашей.

— Дежурный сержант. Говорите.

Я РАССКАЗАЛ ЕМУ, что хотел — только то, что в кабинет дока ворвались грабители. Он прервал.

— С кем я говорю?

— Сержант Кэссиди, морская пехота.

— Черта с два! — Он оскорбительно меня спародировал, и вышло очень пискливо. — Фержант Кэффиди, мофкая пехота. Что это, розыгрыш?

— Нет! — пропищал я. — Поверьте! Пришлите отряд.

— Отвяд?

Я начал было рассказывать ему о нацистских громилах, укравших изобретение дока, но мне хватило ума заткнуться прежде, чем я полностью завяз в этом. Я почувствовал, как офицер начал терять интерес. Но, наконец, он согласился прислать человека и сказал, чтобы я был этим доволен.

Так что я положил трубку и посмотрел на свои ноги. Я напряженно думал. Я сомневался в том, что даже Маккинни смог бы кого-то убедить, что изобрел шлемы для обмена сознаниями. Полиция расценила бы это, как попытку мошенничества, и доктора бы забрали в участок. А ведь он ученый. Я, кстати, даже не был морским пехотинцем. Младенцев туда не берут.

Эти шлемы представляли большую ценность. Не знаю, что Смит собирался делать с ними, но, думаю, Германии они могли бы пригодиться.

Затем до меня дошло. Шпионы! Пресвятая скачущая каракатица!

Немецкий разум внутри головы генерала союзников — отличный способ шпионажа. Даже отпечатки пальцев ничего не докажут. Нацисты смогут поставить хорошо обученных шпионов на ключевые должности и... и... выиграть войну!

Да уж!

Но, — к черту! — никто мне не поверит. Док, вероятно, смог бы убедить полицию фактами и цифрами, только вот я не знаю, когда он очнется. Тем временем, Смит собирался передать шлемы Третьему, кто бы это ни был. У... да, точно... у цирка.

Впрочем, у меня были свои причины для беспокойства. Я оказался в теле Вонючки. Что произойдет, если я не смогу вернуть шлемы? Мне придется прожить всю жизнь в теле ребенка — ну, пока я не вырасту. Почему-то мне не хотелось рассказывать о том, что произошло, капитану Доусону.

Вонючка в моем теле булькал и что-то лепетал в другом кабинете, и я решил, что мне лучше начать действовать, причем быстро. Я попробовал встать на ноги. Они постоянно намеревались подогнуться, но у меня получалось довольно неплохо. Кажется, я знал, как ходить, а Вонючка — нет. Мышцы

не были такими уж слабыми. Просто не тренированными, только и всего.

Но входная дверь была закрыта, а я не мог дотянуться до ручки.

Я быстро догадался подтащить к двери стул, затем забрался на него, как обезьянка, и повернул ручку. Этого хватило. Ступеньки снаружи создали некоторые проблемы, хотя я спустился по ним, ползя задом наперед и чувствуя себя незащищенным со спины. В конце концов, я оказался в вестибюле, глядел на большую дверь и знал, что не смогу открыть ее. Тут не было никаких стульев.

Я увидел, как по стеклу пробежала тень, и дверь распахнулась. Это был коп. Он дошел до лестницы, не увидев меня, — он смотрел вверх, а не вниз — и я успел выбраться на улицу прежде, чем дверь закрылась. Мне повезло. Дверь была снабжена пневматическим доводчиком. Но я почти потерял подгузник, протискиваясь наружу.

Так я оказался в Парке, и мне там совсем не понравилось. Люди были слишком большими. Несколько человек обратили на меня внимание, и я решил, что нужно поторапливаться. Я пару раз упал, но это была ерунда, не считая того случая, когда женщина с острым лицом и голосом таким же противным, как уксус, начала поднимать меня, что-то говоря о бедном потерявшемся малыше. То, что я сказал, заставило ее бросить меня, как раскаленный кирпич.

— Боже правый! — воскликнула она. — Где ж ты слов-то таких понабрался!

Впрочем, она продолжала преследовать меня, и я знал, что мне каким-то образом надо от нее оторваться. Это был первый раз, когда за мной тащилась красотка, пусть и весьма подержанная. Я увидел впереди бар и понял, что хочу выпить. В любом случае, мне нужно было выпить. После того, через что я прошел, любой бы захотел выпить.

Если я возьму пива или чего-нибудь еще и хорошенько подумаю обо всем, это может помочь.

ПОДОЙДЯ к бару, я сумел открыть дверь и войти, оставив милашку снаружи, кудахтающую, словно безумная курица. Это был темный, тихий бар с небольшим количеством посетителей, и я уселся за барную стойку так, что меня даже никто не заметил. Мои глаза оказались как раз на уровне стойки.

— Виски, — сказал я.

Бармен, толстый старик в белом фартуке, оглянулся. Он тоже не заметил меня.

— Бармен! — повторил я. — Виски! И кружку пива вдогонку!

На этот раз он увидел меня. Его глаза выкатились. Он подошел и перегнулся через стойку, уставившись на меня. Наконец, ухмыльнулся.

— Ну, гляньте-ка на малыша, — усмехнулся он. — Я не ослышался, это ты попросил виски?

— Слушай, ты, тугоухий, — прорычал я. — Тебе что, прочистить уши?

— Чем? — спросил он. — Булавочками? Ха-ха! — Он подумал, что это очень смешно.

— Заткнись и налей мне выпить, — пискливо проворчал я, и он нашел бутылку и стакан.

Я облизнул губы. Потом, перед тем, как налить, он отошел и важно посмотрел на меня.

— Покажи-ка мне свой паспорт, старик, — сказал он. — Ха-ха-ха!

Если бы я смог выговорить слова, пришедшие мне на ум, он бы точно понял, что я не невинный малыш. Но мой язык, как обычно, превратился в кашу.

— Глаб-баб-да-да, — сказал я что-то такое.

Ко мне подошел величавый старый канюк с блестящей цепочкой от часов, идущей через жилет, и взял меня на руки.

— Ну и дела, — прогремел он. — Матери приносят своих детей в бары... притом совсем маленьких!

Старик пытливо осмотрелся, но никто не пожелал меня забрать. Голубка в синем платье, потягивающая «Куба либре»[27] за столом, сказала, что я не ее ребенок, но все равно она может посидеть со мной? Вдруг меня осенило. Билли! Если бы я только мог связаться с ней.

Ох-охо. Я не хотел, чтобы она увидела меня в таком виде.

Мне стало плохо. Но это казалось единственным выходом. Проблема была в том, что я никак не мог связаться с ней.

Старый канюк уже собирался передать меня той женщине. Я не хотел допустить этого, так что завопил и вцепился в цепочку от часов, не отпуская ее до тех пор, пока не донес идею до всех.

— Кажется, ты ему нравишься, — заметила голубушка. — Так что оставь его себе. Его мать должна скоро прийти.

— Да. Да. Еще один скотч, Тони. Вот.

Он сел за стол, усадив меня к себе на колени. Я задумчиво играл его цепочкой от часов. Он пощекотал меня под подбородком, и я едва сдержался, чтобы как-нибудь не обозвать его.

— Бедный малыш. Кто у нас тут, бедный малыш?

Ну, я и, правда, был бедным. Без единого гроша в

подгузниках. Мне были нужны деньги!

Закончив с цепочкой от часов, я полез в карманы жилета канюка. Как я и надеялся, там затерялась пара монет. Я вытащил их, но старый олух попытался отобрать монеты. У нас завязалась борьба, и мелочь выпала из моей руки, со звоном покатившись по полу.

— Ох, ох, какой капризник! — сказал денежный мешок и осторожно усадил меня рядом с собой. Они с барменом начали собирать упавшие монеты.

Спрыгнув вниз, я схватил пятицентовую монету и вразвалку заковылял к выходу, туда, где стояла телефонная будка. Денежный мешок пошел за мной, но я заметил его и направился к голубке в синем платье, протянув руки.

Она подняла меня. Все было просто. Я продолжал показывать на телефонную будку.

— В чем дело, малыш? Что за чудесный ребенок! Тогда поцелуй меня.

Я подчинился, и она вскочила с каким-то испуганным видом. Ну, да!.. Я продолжал показывать на будку, и через некоторое время она поняла, что от нее требовалось. Денежный мешок подошел к нам и стал улыбаться, очевидно, пытаясь обольстить женщину, но ее не интересовал старый козел.

— Кажется, вы ему нравитесь, мисс.

— Да, — рассеянно ответила она. — Он чего-то хочет.

— Телефон, — сказал я, не смея выражаться яснее.

— О, он уже разговаривает! Знаешь несколько слов, да, малыш? — она улыбнулась мне. — Какой славный! Но ты же не умеешь пользоваться телефоном. Ты еще слишком маленький.

— М-м-м, — промычал я. — Поцелуй.

ПОСЛЕ ЭТОГО слова, голубка поморгала. Довольно быстро она встала, отнесла меня к телефонной будке и поднесла к трубке. Я попытался высвободиться и сумел поставить ноги на сиденье. Затем замахал на нее руками.

— Уходи, — крикнул я.

Она испуганно отшатнулась, отпустила меня и попыталась закрыть дверь будки. Денежный мешок терся чуть поодаль, не зная, чем помочь, но все-таки закрыл дверь.

— Ох, но... он там поранится.

Спохватилась она поздновато. Я уже снял трубку, кинул монету в щель и стал бешено набирать номер, потратив чертову кучу времени на борьбу со складывающимися пальцами. Я видел, что Денежный мешок и голубка смотрят на меня, так что, когда я, наконец, дозвонился до Билли, заговорил так тихо, как только

мог.

— Послушай, Билли, это Джерри...

— Какой еще Джерри?

— Кэссиди! — ответил я. — Ты знаешь меня — у нас сегодня свидание.

— Да, я знаю Джерри Кэссиди. И я знаю его голос. Извините, я занята.

— Подожди! Я... э-э... у меня проблемы с горлом. Это я, честно. Я попал в беду.

— Как обычно. Я... ты не ранен, я надеюсь?

— В целом нет, но мне нужна помощь, причем срочно. Вопрос жизни и смерти, дорогая!

— О, Джерри! Конечно, я помогу. Где ты?

Я дал ей адрес бара.

— Приезжай, как можно быстрее. Там ты найдешь меня... я хочу сказать, ребенка. Забери его и вызови такси. И не удивляйся тому, что можешь услышать.

— Но где ты? И причем тут ребенок?

— Позже расскажу. Выезжай как можно быстрее.

Денежный мешок открыл дверь. Я повесил трубку и двинул ему в челюсть справа. Болван подумал, что я просто играю или что-то такое.

— Ну, разве он не умница? Так притворяться, что пользуется телефоном. Думаю, за это надо выпить мисс.

— Ну, хорошо.

Она взяла меня на руки, а я позволил ей сделать это, не зная, что еще мне остается. Так что я сидел у нее на коленях, пока Денежный мешок угощал ее напитками, и каждый раз, когда старик пытался пригласить ее на свидание, я начинал реветь. Через некоторое время, он стал недолюбливать меня. Вас это удивляет?

ГЛАВА III. Младенческая ловкость рук

ДУМАЮ, да. Денежный мешок уже был готов задушить меня, когда, наконец, пришла Билли. Изящная бойкая девушка с блестящими черными кудрями и овальным лицом, — в этом была вся она. В ту же секунду, как я увидел ее, я вскочил, как сумасшедший, замахал руками и закричал.

Билли выглядела удивленной, но не стала задавать вопросов. Денежный мешок смотрел, как она подходила к нам.

— Это ваш ребенок, мадам? — спросил он.

— Маамаа! — завопил я, когда Билли замешкалась.

Я видел, что она не могла понять, что тут происходит. В горле у меня пересохло. Пока она не кивнула и не взяла меня, я больше не мог выговорить ни слова. Она посмотрела по сторонам, словно ища кого-то еще.

Я знал, что ищет она меня, но сержант Кэссиди тогда был в штатском — если трикотажный комбинезончик и все остальное можно назвать штатским.

Я не посмел ничего сказать, но надеялся, что Билли вспомнит, о чем я говорил ей по телефону. Она вспомнила. Вынесла меня на улицу и вызвала такси.

— Куда, мисс?

— «Мэдисон Сквер Гарден»! — пропищал я.

Шофер не заметил, кто это сказал. Зато заметила Билли и уставилась на меня с округлившимися глазами, которые становились все больше и больше.

— Расслабься, дорогая, — сказал я. — Соберись. Произошло что-то ужасное.

— Ага, — шепотом сказал она. — Это уж точно. Я схожу с ума. Ооох!

Она побелела и закрыла глаза. Мне пришлось пережить пару ужасных секунд, пока мне казалось, что она упала в обморок. Как, черт побери, младенец мог бы оказать ей первую помощь в такси?

— Билли, — пропищал я. — Блог-уоб-блоб... Очнись! Это я! Джерри! Не отключайся.

— Н-но... — Она истерически засмеялась, и я понял, что все хорошо. — О, мой Бог! Ты, конечно, карлик, притворяющийся Джерри.

Я запрокинул голову и пристально посмотрел на ее лицо где-то там, наверху. Мои глаза, как обычно, продолжали терять

фокус. Я чувствовал злобу, тошноту, безнадежность. Черт, да вы и сами были ребенком. Знаете, каково это. Со мной все было еще хуже.

— Билли, я хочу, чтобы ты выслушала меня и попыталась понять, — начал я. — Я расскажу все, как есть. Прозвучит безумно, но ты должна мне поверить.

Билли вздохнула. У нее даже уши побледнели.

— Давай, — сказала она, — по крайней мере, я попытаюсь.

Итак, я рассказал, что случилось. Я все время думал о том, как мне выбраться из этого. Если Билли не сумеет помочь... ну, тогда, вообще, не знаю, кто сможет, не считая дока, но сейчас он не в состоянии что-либо сделать. Я уже пробовал обратиться в полицию. Я знал, что, наверное, подумал дежурный сержант. Если бы ребенок с глупым видом рассказал бы мне такую чушь пару дней назад, я бы просто расхохотался — если вообще хоть как-то отреагировал. Но что еще можно было сделать на моем месте?

Ужас! Джерри Кэссиди всегда был способен позаботиться о себе. Человек, весящий девяносто килограмм и находящийся в хорошей форме, просто обязан быть самоуверенным. Кроме того, я знал несколько приемов — пару японских захватов и пару излюбленных ударов апачей. Правда, какой сейчас от этого толк? Я, наверное, даже выстрелить из пистолета не смогу.

Что хорошего в том, чтобы быть ребенком?

Эти размышления напомнили мне о миссис Доусон и капитане. В любом случае, Вонючка был для них большой радостью. К этому времени миссис Доусон уже наверняка купила, что хотела, и обнаружила мою пропажу. Ох-ох!

К тому же я почему-то смертельно устал.

Мои мышцы словно превратились в яичный желток. Я не помню, чтобы хоть когда-то чувствовал подобную сонливость.

Я сумел закончить рассказывать Билли о том, что произошло, но затем, наверное, уснул прямо у нее на коленях. Когда я проснулся, мы уже были в аптеке, и она трясла меня.

— Проснись, Джерри! Проснись!

— Ва-ва-ва, — пробормотал я. — Ва... ох. Чт-то...

— Ты вырубился, — сказала Билли. — Маленьким детям нужно много спать.

— К черту эту детскую чушь! Я... слышал, ты назвала меня Джерри! Значит, ты мне веришь, да?

— Да, — нахмурившись, ответила Билли. — Как ты сейчас себя чувствуешь?

— Хорошо. Ну, хочу пить. Мне нужно выпить чего-нибудь крепкого.

— Чего?

— Пива, — ответил я.

— Ты будешь пить молоко.

Я ИЗДАЛ ЗВУКИ, будто я начал задыхаться.

— Молоко! Билли, Христа ради! Я, может, и выгляжу, как младенец, но я все еще Джерри Кэссиди.

— Молоко, — строго сказала она. — Я куплю бутылочку для кормления.

Тут я закончил спорить. Билли остановилась на том, чтобы дать мне только один стакан молока, и у меня возникли проблемы с его приемом, — я весь облился этой чертовой жидкостью. Наконец, мы выяснили, как мне лучше всего пить — через трубочку.

Это было не пиво, но молоко тоже помогло. Я очень хотел пить. Я прикончил стакан, и Билли рассказала мне, что случилось.

— Я звонила в полицию, Джерри. Сказала, что ищу тебя.

— Да? Ох! Буоб... хочу сказать, что они ответили?

— Доктор Маккинни все еще без сознания. Как и его медсестра. Они в реанимации. Впрочем, ничего серьезного. И... — Билли замялась.

— Продолжай.

Билли откашлялась.

— Они сказали, что сержант Кэссиди у них там, жив и здоров, но либо пьян, либо не в себе. Он ползает по полу, балуется ногами, кричит и больше ничего не делает. Они... они сказали, что тут и думать нечего. Он... ты... Джерри, видимо спятил и напал на доктора и медсестру.

— То, что не в себе, — это верно, — слабо сказал я. — Я в этой сонной маленькой голове. — Я постучал кулаком по лбу.

— Боже, — воскликнула Билли. — Интересно, когда ты по-настоящему был ребенком, ты выглядел также? Ты такой милый.

— Прекрати, — проревел я. — Нам многое нужно сделать.

— Не знаю, как нам быть, Джерри. Когда доктор очнется, может быть, он что-нибудь придумает.

— А как же нацисты? — спросил я. — Смит, Третий и остальные?

— Я не знаю, что тут можно сделать.

— Послушай, — сказал я. — Они идут к цирку на «Мэдисон Сквер Гарден». Это хорошее место для встречи, там можно запросто затеряться в толпе. Шлемы для передачи разума у Смита в ранце, и могу поспорить, он попытается передать их Третьему.

Билли кивнула.

— Отведешь меня к цирку, понимаешь? — продолжал я. —

Мы будем гулять там. Я увижу Смита и двух громил, которые с ним трутся. Потом ты позвонишь копам. Выдумаешь какую-нибудь историю... ну, что-нибудь. Пусть копы арестуют Смита, или... ну, главное, нужно достать ранец. После этого останется только открыть его.

— Может быть, я смогу выхватить ранец.

— Эй-эй! У этих нацистов оружие. Не хочу, чтобы ты рисковала. Делай, что я говорю, и не подставляйся. Черт побери! — воскликнул я. — Жаль, я не могу достать пистолет или чего-нибудь покрупнее. — Подумав об этом, я усмехнулся. — В этом же штате не вешают детей, я прав?

— Не говори так, Джерри!

— Ладно, а мы уже где?

— На восьмой.

— Авеню? Рядом с «Гарден»? Отлично! Пойдем.

— Без билетов.

— Угу. У тебя есть деньги?

Билли кивнула.

— Вчера как раз была зарплата. В любом случае, мне не придется платить за тебя.

— Я все верну, — уверенно сказал я. — Я же не жиголо.

— Ты не в том возрасте, — усмехнулась она. — Ты бы смешно смотрелся, если бы танцевал самбу на своих ножках, похожих на сдобные булочки.

Я промолчал, хотя мне не понравилось такое замечание.

— Идем, — с достоинством сказал я.

Билли взяла меня на руки, заплатила за такси и вынесла меня. Мне показалось, что она толком не знает, как держать маленьких детей. Потому что я висел. Тротуар был будто в целом километре подо мной.

Билли пришлось купить билет у спекулянта, но, так или иначе, мы попали внутрь. После этого было трудно понять, что делать дальше. «Гарден» — большая территория.

— Есть идеи, где можно найти этого Третьего?

— Ни единой, — беспомощно сказал я. — Нам лучше просто бродить туда-сюда. Рано или поздно я замечу этого олуха... надеюсь.

Мы нарезали круги. Везде были толпы. Но я не видел ни нацистов с усами и сонными глазами, ни каких-либо подозрительных громил. И, разумеется, я не знал, как выглядит Третий.

мы пошли на шоу уродцев и посмотрели на пожирателей огня, шпагоглотателей, карликов, тощих и толстых женщин.

Смотрели на львов, слонов, пару бегемотов и парочку жирафов. У одной клетки мы увидели большую толпу и подошли к ней. В клетке, почти такая же огромная, как Гаргантюа или Тони Галенто[28], за железными прутьями и стеклом сидела горилла и то надевала, то снимала с головы миску для еды. Стоящий у двери смотритель продолжал разглагольствовать, а люди стекались со всех сторон, как мухи на гнилое мясо, но я все равно не мог найти Смита. Или ранец дока со шлемами для передачи разума.

Мне опять захотелось спать. Я ужасно себя чувствовал. Если Смиту удастся смыться вместе с этой штукой, это будет означать... фу-ух! Шпионы будут везде — и на самом верху тоже! Шпионы, которых никак нельзя вычислить!

Но у меня были и свои проблемы. А что, если док умрет? Что, если у него амнезия? Что, если он не сможет сделать другие шлемы? Тогда мне придется провести остаток своей жизни с капитаном Доусоном в качестве моего старика! Если он не убьет меня за... за... что это было? Похищение? Что если он сломает мне жизнь и навечно отправит в дисциплинарный батальон? Я так и видел себя, пухлого, рыхлого наглеца в подгузниках, днем и ночью чистящего картошку — или, может быть, на гауптвахте, закованного в цепи... ух!

Одно я знал точно, — я уже не буду тем сержантом Джерри Кэссиди, каким был. Как я мог управляться с пулеметом? А винтовку я, вообще, не смог бы поднять.

Может быть, Вонючку в моем теле отправили бы обратно на службу. Да! Если бы к нему подошел япошка со штыком наготове, он бы упал на спину и начал бы совать ноги в рот. Ну и ну!

Билли встряхнула меня. Я опять начал засыпать, и это стало видно. Я сумел открыть глаза, хотя сфокусировать их было очень тяжело.

— Я в норме, — прошептал я.

И зевнул.

— Джерри, тебе сейчас нельзя спать.

— Я... угу... и не собирался.

Но заснул. Я не мог ничего с этим поделать. Маленьким детям нужно много спать, и я чувствовал себя смертельно уставшим.

Однако Билли ущипнула меня. Взвизгнув, я проснулся и заметил, как женщина размерами с линкор движется к нам с суровым блеском в глазах. Билли не видела, как она подходила, пока не стало слишком поздно.

— Что вы делаете с ребенком? — потребовал линкор.

— Ничего, — сконфузившись, ответила Билли. — Просто

ущипнула. Он все время хочет спать.

— Ущипнула! Боже правый! Да что вы за мать такая?

— Я не мать, — пытаясь не выронить меня, отрезала Билли.

Она держала меня за руку и за ногу и как бы заворачивала меня в самого себя, словно я осьминог.

— Я даже не замужем.

Пожилая дама замерла.

— Тогда что вы делаете с этим ребенком? — спросил она, будто это касалось ее хоть каким-то боком.

Билли какое-то время не знала что ответить.

— Собираюсь выйти за него замуж, — брякнула она. — Просто жду, пока вырастет. Ох, уходите. У нас свои дела.

— Гм-м!.. Это кажется мне очень подозрительным. Вы пьяны, юная леди?

— Нет. Я пыталась удержать этого... этого... — Она махнула мной в лицо линкора. — ...пыталась удержать его от выпивки, если вам нужно знать. Оно... он... постоянно хочет пива.

— Что? Вы хотите сказать, что даете младенцу пиво?

— Обычно мне не приходится делать это самой. — Билли ойкнула, когда я чуть не выпал у нее из рук. — Он покупает пиво сам, когда не полощет рот виски. Этот олух тот еще пьяница.

— Да как это возможно! Это бедное невинное дитя! Я сделаю все, чтобы вас наказали.

Именно тогда бедное невинное дитя сделало пару метких замечаний.

— Хватит нести чушь, старая курица, — взвыл я. — Закрой рот и перестань расстраивать Билли. Из-за вас она чуть не уронила меня. Если хочешь помочь, сходи и принести бутылку пива. Я хочу пить, черт возьми!

— Ясненько, — зеленея под камуфляжной раскраской, сказал линкор.

Женщина пару раз слабо всплеснула руками, пытаясь ухватиться за воздух, развернулась и ретировалась так быстро, как только смогла.

— Смотри, что ты наделал, — сказала Билли. — Бедная женщина решила, что сошла с ума.

— Так ей и надо, — пискливо проворчал я. — Нам надо поторапливаться, нужно найти Смита прежде, чем я снова захочу спать. Пойдем вон туда, где на сцене акробаты.

МЫ ПОШЛИ ТУДА, и Билли встала у входа, а я смотрел по сторонам. Вдруг я сдавленно вскрикнул.

— Вон он! Видишь, рядом с колонной? Парень с усами?

— Где? О — да, вижу. Что... и что мне теперь делать?

Смит сидел один. Он подался вперед на кресле, напряженно смотря на гимнастов, упражняющихся на трапеции, и я заметил, что между ног у него лежит черный ранец.

— Может быть, лучше позвать полицию, — прошептал я. — Не стоит рисковать, Билли.

Но, казалось, она не слышала меня. Со мной на руках, она поднялась по проходу, перешла на другую сторону и села прямо рядом со Смитом. Я ощутил холодок в желудке. Нацист с сонными глазами искоса окинул нас быстрым взглядом и затем продолжил смотреть представление. Видимо, он не узнал меня. Все младенцы выглядят почти одинаково, они пухлые и беспомощные.

Меньше чем в метре от меня лежал ранец со шлемами внутри — по крайней мере, я надеялся на это. Они должны были быть там, если Смит уже не отдал их Третьему. Я рассчитывал на то, что он не сделал этого. Он передал бы Третьему рюкзак целиком, не рискуя привлекать внимание, вытаскивая шлемы.

Я осмотрелся в поисках двух ручных громил Смита, но не смог найти их в толпе. Билли не смела ничего спрашивать у меня, а я не посмел бы отвечать, поскольку враг был рядом с нами. Я сидел у Билли на коленях, пытался понять, что она замышляет, и тоже обдумывал пару идей. Если бы я только смог незаметно утащить рюкзак.

В этом и заключался мой план. Я встретился с Билли взглядом и подмигнул, указывая вниз. Через минуту она посадила меня рядом с собой на сиденье, и, пока Смит не смотрел, опустила на пол. Я нырнул под сиденье, туда, где меня не было видно, и почувствовал, что задыхаюсь от пыли. Мне снова захотелось выпить.

Там, где я оказался, никакого пива не продавали, так что я прополз за ногами Билли и добрался до синих армейских штанов. Между ногами Смита, частично под сиденьем, лежала черная сумка, куда он ее затолкнул, чтобы, наверное, скрыть от посторонних глаз. Я не смел трогать ранец. Смит бы почувствовал, как я пытаюсь вытащить сумку у него из-под ног.

Если бы у меня получилось ее открыть, то я смог бы незаметно достать шлемы.

Но мне казалось, что Смит в любую секунду глянет вниз и затем растопчет меня. Но мне надо было раздобыть шлемы любой ценой. Это было первым и самым важным шагом. После этого, даже если Смит сумеет сбежать, ему придется сделать это без шлемов.

Защелка на сумке создала мне кучу проблем. Мои пальцы были словно из каши. Они постоянно гнулись. Когда я, наконец,

открыл защелку, раздался щелчок, словно кто-то выстрелил из пистолета. Я замер, зная, что через секунду-другую меня могут растоптать.

Но группа на сцене играла очень громко, а щелчок оказался не таким, как мне сперва показалось. Так или иначе, Смит не посмотрел вниз. Когда мое сердце вернулось на место, я сантиметр за сантиметром открыл ранец. Не сильно, только чтобы моя рука могла протиснуться внутрь. Сделав это, я тут же нащупал гладкую ткань одного из шлемов.

Я вытащил его и полез за вторым. Когда достал и его, раздался стук, и появились еще одни ноги в штанах. Кто-то сел рядом со Смитом. Я увидел, как нога нового парня вытянулась и стала странным образом давить на ботинок Смита, будто передавая какое-то сообщение.

Третий!

ГЛАВА IV. Изо всех сил

ФУ-УХ! Я посмотрел на ноги, покрытые плотной коричневой тканью и коричневые полуботинки с длинной царапиной через носок одного, и начал потеть. Если Смит обнаружит то, что случилось, для Кэссиди, или Вонючки, или кем я вообще был, это будет концом!

Но никто не пошевелился. Видимо, ни один из нацистов не хотел рисковать, пока Билли сидела рядом с ними. В любом случае, у меня участилось дыхание. Что дальше?

Проблемы была решена тут же. Я услышал, как, негодуя, завопил знакомый голос.

— Это та женщина! — завопил голос. — Это она! Я уверена, что она похитила ребенка.

Это был остролицый линкор!

Она вернулась с копами. Как только я услышал грубый голос с провинциальным акцентом, тихо велящий Билли пройти с ними, я понял, что назад пути нет. Ну и ну! Если Билли уйдет, оставив меня с этими громилами, с Джерри Кэссиди будет покончено!

Билли тоже знала это. Я мало что увидел, но услышал какую-то возню, линкор вскрикнула от боли, а голос Билли зазвенел от негодования. Она заговорила о нацистских шпионах.

— Вон те двое, офицера, — настаивала Билли. — Рядом со мной. Они вражеские агенты. Они украли важное изобретение.

— Тише, тише, — сказал коп. — Полегче, леди.

Но Смит совершил ошибку. Он потянулся к сумке, и его пальцы обнаружили, что она открыта.

— *Черт... эй...* офицер! Эта девушка — воровка. Она украла мои шлемы.

Нога Третьего пнула Смита, и дурак заткнулся, но было уже слишком поздно. Он сделал фатальную ошибку. Нью-йоркские копы быстро соображают.

Я услышал крик, громкий стук, и ноги в синих штанах из грубой ткани разъехались в стороны. Я уставился прямо в глаза Смиту, когда тот нагнулся и посмотрел под сидение. Он увидел меня, прячущегося вместе с шлемами передачи разума. Его рука рванулась, чтобы схватить меня. Я едва успел отпрянуть назад.

— Стойте, мистер, — сказал коп. — Эй! Бросай оружие!

Я думаю, он обращался к Третьему, поскольку Смит перегнулся через сиденье и попытался достать меня с другой стороны. В этот раз громкий звук не был топотом ног. Выстрел из

пистолета.

Коп не стал стрелять в людей. Он просто бросился на Третьего. Двое других сцепились со Смитом, и это дало мне возможность нырнуть в проход. Начали вскакивать испуганные люди, вопил свисток, а Билли с линкором катились по скату, царапаясь, как дикие кошки. Кто-то знакомый вышел из зала, где шло представление с животными. Это был косоглазый громила, приятель Смита.

Я все это видел лишь краем глаза. Смит высвободился из хватки полицейского и снова направился ко мне. Я опять нырнул под сиденье. Из-за своих маленьких габаритов я обладал преимуществом, но был слабым, и мне нельзя было выпускать из рук шлемы. Смит достал «Уэбли».

Я шмыгнул в другой проход. Только я поднял голову, то сразу увидел, что другой приятель Смита идет ко мне с мерзкой ухмылкой на роже. Я пополз прочь, как головастик. Маленький ребенок может ползать очень быстро, особенно, если это не полоса препятствий. Ряды сидений немного замедляли моих преследователей, и это помогало мне.

Теперь все полностью вышло на публику. Тут и раньше была суматоха, но сейчас шум почти оглушил меня. Люди вопили, кричали и носились, как бешеные.

— Боже! — вскрикнул нацист слева от меня. — Эрик выпустил гориллу. Пристрели ребенка.

— Nein, — отрезал Смит. — Это даст нам возможность уйти отсюда, когда поднимется паника. Но сначала шлемы, быстрее.

Они снова погнались за мной. На этот раз я пополз обратно, — до этого я удирал вверх по скату — и стал спускался вниз. Так было быстрее. К счастью, в меня не стреляли. Немцы, наверное, боялись повредить шлемы.

Я увернулся от руки, пытавшейся схватить меня, поскользнулся и покатился вниз, как мяч. Я не мог остановиться, но по-прежнему крепко держал шлемы для передачи разума. Когда я, наконец, прекратил катиться, то оказался рядом с ареной, которая уже опустела. Выходы были забиты людьми, пытающимися пробиться наружу.

В семи метрах от себя я заметил гориллу, которая приближалась ко мне с открытой пастью!

Я ОТСТУПИЛ быстрее, чем Роммель. Конечно, сиденье, под которым я прятался, никак не защитит, если огромная обезьяна надумает схватить меня, но рядом не было никаких бомбоубежищ. Не знаю, что случилось со Смитом и его дружком, но я все еще слышал, как коп и Третий дерутся где-то выше меня.

Билли тоже исчезла.

Горилла замешкалась, собираясь куда-то уйти. Я знал, что когда она сделает это, Смит появится снова, и я окажусь в ловушке.

Тут я вспомнил кое-что, — как горилла в клетке примеряла миску на свою вытянутую голову. Возможно... возможно, это был мой шанс.

Я включил переключатели на обоих шлемах, оставил их так и бросил один из приборов обезьяне. Далеко я кинуть не смог, но горилла увидела шлем, и у нее взыграло любопытство. Она подняла его, поморгала и ушла. Я закричал на нее. Смит начал собирать отвагу в кулак. Я не видел его, но слышал, что он подходил ближе.

Горилла повернулась и посмотрела на меня. Я удрал на арену. Глянув через плечо, я увидел, что ручной громила Смита вместе с Третьим набросились на копа. Полицейский все еще боролся, но его били пистолетом.

К тому же, идя через ряды, ко мне приближался не только Смит, но еще и косоглазый олух, выпустивший гориллу.

Мои ноги слишком вихляли, чтобы быть полезными. Я уже почти совсем выбился из сил. Для ребенка, я сделал чертовски много физических усилий. Если Смит рванет ко мне прямо сейчас, я знал, что не смогу ползти достаточно быстро, чтобы ускользнуть от него. Так что я просто сел и надел шлем на голову, пока горилла пристально смотрела на меня.

Затем снял его. Обезьянья морда тупо открыла рот. Она забыла о шлеме, который держала. Вот глупая!

Я продолжал надевать шлем на голову и снимать его, и, наконец, горилла так заинтересовалась, что шагнула ко мне и выронила шлем. Я увидел, как она посмотрела вниз, подобрала предмет и стала любознательно перебирать его пальцами.

— Эй! — пропищал я. — Надевай на голову! Вот так!

Она уставилась на меня. Я надел шлем, и тут меня за плечо схватила большая рука. Я попытался высвободиться, но я просто был слишком слабым. Передо мной промелькнули сонные глаза Смита и злой, похожий на ловушку для крыс, рот, а потом...

Потом я был уже не там. Я стоял на арене и смотрел туда, где Смит держал на весу ребенка. Мои руки были подняты потому, что я надевал что-то на голову.

Шлем! Голова оказалась не моя. Шлем едва уместился на самом верху меховой короны. Я глянул вниз, и этого было достаточно.

Я уже был не ребенком, а гориллой. Ого!

Шлем чуть не упал с головы, но я неуклюже поймал его, еще

не привыкнув к своему новому телу. Раздумывая, что делать дальше, на другой стороне арены я увидел Билли, стоящую над распростертым телом линкора. Я окрикнул ее, и мой голос прозвучал низким, раскатистым ревом. Но Билли все равно оглянулась.

Я бросил шлем ей. Затем пошел за Смитом!

Где-то послышались выстрелы, но это ничего не значило. Свистели пули. Вы когда-нибудь пытались прицелиться в вопящую гориллу, бегущую прямо на вас? Тогда не говорите, что это просто.

Смит быстро отпустил ребенка и перепрыгнул через ряд сидений. Я поймал малыша, аккуратно положил его и понесся дальше. Я даже не старался перелезать через сиденья. Просто шел через них, как бульдозер. Я остановился только, чтобы взять косоглазого громилу могучей рукой. Он оказался не таким уж тяжелым. Я бросил его в Смита.

Они грохнулись на пол. С треском ломающегося дерева, я приземлился на них. Они даже не попытались встать.

Кто-то выстрелил в меня. Это был косоглазый нацист. Они с Третьим, наконец-то, вырубили копа, хотя их было двое, и они орудовали пистолетами, как палками. Третьего я не видел.

СТРЕЛОК думал, что находится вне досягаемости, но, видимо, забыл, какие длинные у гориллы руки. Я и сам не знал, пока сильно не замахнулся, не услышал звук удара и не увидел, как парень закрутился, словно волчок. Он уже не встал.

Вскрикнула Билли. Это тут же развернуло меня. Она была на середине арены, бежала, чтобы подобрать Вонючку и второй шлем, мчалась так быстро, как только могла, а Третий гнался за ней с пистолетом в руке. Толпы у выходов наделали столько шума, что вряд ли кто-нибудь замечал, что происходило вокруг. Но я все видел.

Гориллы не могут быстро бегать, разве что на короткие расстояния. К тому же у Третьего была большая фора. Он догнал бы Билли прежде, чем я поймал бы его... если что-нибудь срочно не предпринять.

Я понесся вниз по полосе разрушений, которые учинил полуминутой раньше, и прыгнул изо всех сил. Гимнасты давно разбежались, но их снаряды никуда не делись. Одна трапеция висела как раз в нужной плоскости. Я ухватился за перекладину, мой вес сорвал ее с крючков. И она пронесла меня через арену, прямо к Третьему.

Он остановился. Неподвижно стоял, прицеливаясь в спину Билли, пока она поднимала Вонючку.

Тогда я понял, что пролечу мимо этого гада. Трапеция оттягивала меня налево. Я отпустил ее, полетел, бешено вращаясь в воздухе, и с грохотом приземлился. Если я промажу — Третий попадет!

Я отчаянно извернулся. Пистолет выстрелил, но за долю секунды до этого я ударил нациста. Ударил со всей тяжестью огромного веса гориллы. К счастью, мое падение что-то смягчило.

Но вот Третьему пришлось туго. Его даже не могли потом отскрести. Пришлось использовать промокательную бумагу.

Я встал, отряхнулся и убедился, что Билли не ранена. Она снова побежала. Я выкрикнул ее имя. Оно прозвучало невразумительным ревом.

Но она, наверное, услышала в нем что-то знакомое, поскольку остановилась и оглянулась через плечо. Я, разумеется, не мог говорить, поэтому мне приходилось жестикулировать. Билли поняла, что я хотел сказать.

Поняла, что мне было нужно — один из шлемов. Так что она бросила его мне, но не стала подходить слишком близко. Убедившись, что шлем включен, я натянул его на голову так хорошо, как только смог. Вокруг меня начали собираться люди, смотрители и прочие. Времени не оставалось. Я упорно показывал на малыша.

Билли, наконец-то, поняла и надела второй шлем на голову Вонючки. Он был выключен, но Билли включила его, когда я сделал соответствующий жест. Это сработало.

Я больше не был гориллой. Я оказался на руках у Билли, тяжело дыша от усталости, ощущая сильную жажду и адскую сонливость.

— Джерри! — ахнула она. — Ты в порядке? Это уже ты?

— Да, — подтвердил я. — Достань второй шлем, когда они поймают гориллу. Нам он будет нужен, чтобы... чтобы... буоб-уоб... ох...

Все без толку. Я превратился в кашу-размазню и немедленно заснул прямо здесь...

Когда я очнулся, то машинально пополз, но, казалось, что что-то было не так. Вскоре я понял, почему. Это был снова я.

Я лежал на кушетке, а Билли сидела рядом и смотрела на меня. Она выглядела уставшей.

— О, Боже, — сказал я. — Что случилось, дорогая?

— Джерри!

— Ага. Весь я, почти как новенький. Что я пропустил?

— Доктор Маккинни пришел в себя, — выяснилось, что у него не было сотрясения мозга. Он подтвердил все произошедшее и, пока ты спал, воспользовался шлемами. Вонючка теперь снова

ребенок, а ты... ты герой. Об этом напишут в газетах. Власти прислали кого-то, чтобы узнать у доктора все о шлемах.

Ее рассказ был довольно сумбурный, но я уловил главное.

— Вонючка в порядке?

— В полном. Ни единой царапины. В конце концов, это не твоя вина, Джерри. Ты не мог ничего предотвратить. Так что не кати на себя бочку.

Я посмотрел на нее.

— Ты о чем?

— Ну, ты же поймал вражеских агентов и все такое. Он не имеет права злиться на тебя!

— Кто?

— Капитан Доусон, — ответила Билли. — Он ждет тебя снаружи. Миссис Доусон ушла домой с Вонючкой.

Я прокашлялся.

— Ох. И как он?

— Кажется, сильно рассержен, — признала Билли. — Куда ты идешь?

— Послушай, видишь, тут есть еще одна дверь? — сказал я. — А за окном пожарная лестница. Мой пропуск будет действителен еще пару дней, и к этому времени капитан Доусон может передумать и не отдавать меня под трибунал. Почему-то, мне кажется, что сейчас с ним лучше не разговаривать.

— Может быть, ты прав. Но я иду с тобой.

Я не видел капитана, пока не истек срок пропуска. Я думал, что он маленько остыл. Но... гм... кажется, я немного ошибся. Кроме того, он не мог сказать все это на полном серьезе. Я даже не знаю, где он вообще понабрался таких слов. Ох, да, совсем забыл, было одно утешение. Я — герой, даже если нахожусь не на службе, не считая такую мелочь, как утомление.

И предупреждаю вас, болваны, — если кто-нибудь еще раз назовет меня Дитятей... ну, я вас предупредил! Всего наилучшего!

СОДЕРЖАНИЕ

От составителя
ИЗОБИЛИЕ ИХ ПСЕВДОНИМОВ ... 3

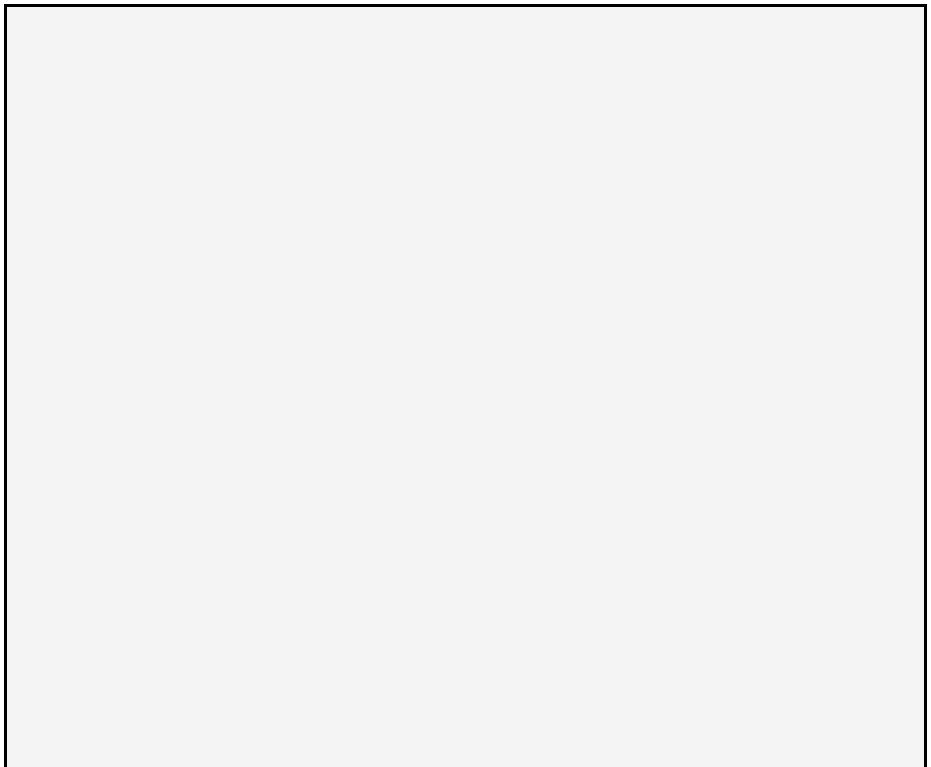
Льюис Пэджетт
СЕКРЕТ ПОЛИШИНЕЛЯ ... 7
Open secret, (Astounding Science Fiction, 1943 № 4), пер. Андрей Бурцев

С. Х. Лидделл

УНЕСИ МЕНЯ ДОМОЙ ... 27
Carry me home, (Planet Stories, 1950 № 11), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим
ЗОЛОТОЕ ЯБЛОКО ... 65
Golden apple, (Famous Fantastic Mysteries, 1951 № 3), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим
МЫ ВЕРНЕМСЯ ... 81
We shall come back, (Science Fiction Quarterly, 1951 № 11), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим

Лоуренс О'Доннел
ДЕТСКИЙ ЧАС ... 113
The Children's Hour, (Astounding Science Fiction, 1944 № 3), пер. Андрей Бурцев

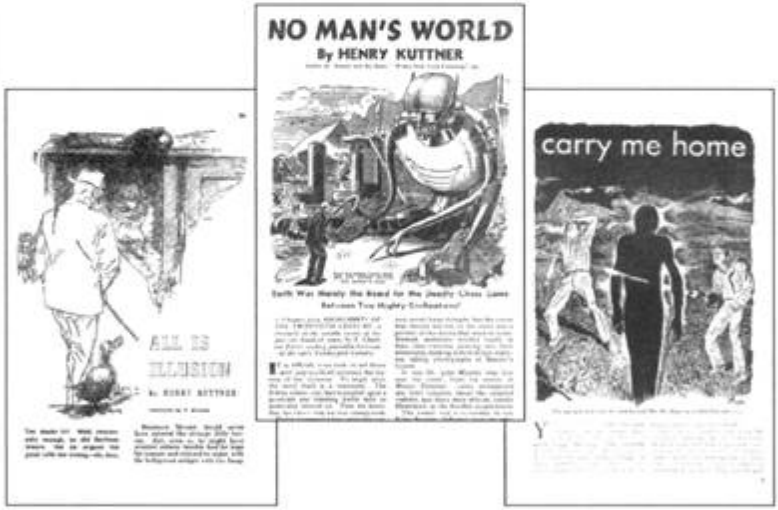
Генри Каттнер
ВСЕ-ИЛЛЮЗИЯ ... 159
All is illusion, (Unknown, 1940 № 4), пер. Андрей Бурцев
ДИТЯТЯ ... 185
Baby face, (Thrilling Wonder Stories, 1945, Spring), пер. Андрей Бурцев и Игорь Фудим



Читайте в следующем томе:

Генри Каттнер

Встречайте следующий том ПРИЛОЖЕНИЯ К БААКФ: с произведениями Генри Каттнера и Кэтрин Мур. В нем мы постарались собрать все повести, которые еще не переводились на русский.



НАУЧНАЯ ФАНТАСТИКА SCIENCE FICTION

БААКФ
ПРИЛОЖЕНИЕ

ГЕНРИ КАТТНЕР

Все – иллюзия

notes

1

Секрет Полишинеля - секрет, известный всем (прим. перев.)

2

Снарк и Буджум - мистические персонажи поэмы Льюиса Кэрролла «Охота на Снарка» (прим. перев.)

3

Эмпайр-стейт-билдинг - 103-этажный небоскрёб, расположенный в Нью-Йорке на острове Манхэттен. Офисное здание. С 1931 по 1970, до открытия Северной башни Всемирного торгового центра, являлся одним из самых высоких зданий мира.

4

Фриско - разговорное название Сан-Франциско (прим. перев.)

5

Бээттери (англ. Brooklyn-Battery Tunnel) - платная автодорога в Нью-Йорке, проходящая под устьем реки Ист-Ривер между Бруклином и Манхэттеном (прим, перев.). Уолл Стрит - деловой центр в США, по названию улицы в Нью Йорке, где находится несколько фондовых и товарных бирж, множество банков, инвестиционных и фондовых компаний, символ крупного финансового бизнеса (прим. перев.)

6

Кварта - мера вместимости в разных странах. Американская кварта (применяемая для жидкостей) - наиболее близкая по значению к 1 литру = 0,946 л. (прим. перев.)

7

Биврест (Бильрёст) - в скандинавской мифологии радужный мост, соединяющий небо (Асгард) и землю (Мидгард).

8

Помандер - ароматический шарик (как средство против инфекции) (прим. перев.)

9

Идунн - в скандинавской мифологии богиня, обладательница чудесных золотых «молодильных» яблок, благодаря которым боги (Асы) сохраняют вечную молодость.

10

Фруассар (1337-1405) франкоязычный средневековый автор и придворный историк из Бенилюкса, который написал несколько работ, в том числе летописи и «Мелтиадор» большой роман о короле Артуре, а также множество стихотворений (прим. перев.)

11

Герман Мелвилл и его роман «Моби Дик» (прим. перев.)

12

Десенсибилизация (здесь) - потеря чувствительности (прим. перев.)

13

Генри Лонгфелло. «Детский час» (1860).

14

Семела - дочь фиванского царя Кадма, родившая от Зевса бога Диониса. Согласно легенде, которую передают Гесиод («Теогония») и Еврипид («Вакханки»), Семела по злоумышленному совету ревнивой Геры попросила своего любовника Зевса явиться в своем настоящем облике. Тот предстал перед ней в сверкании молний и испепелил огнем смертную Семелу, а не успевшего родиться младенца (будущего Диониса) Зевс зашил себе в бедро и выносил (прим. перев.).

15

Коллинз - сорт виски (прим. перев.)

16

Лета - в греческой мифологии река забвения в подземном царстве (прим. перев.)

17

Уильям Вордсворт (William Wordsworth, 1770 - 1850) - английский поэт-романтик. Цитата взята из Оды «Отголоски бессмертия по воспоминаниям раннего детства» в переводе Г. Кружкова (прим. перев.)

homo superior (лат.) - человек превосходящий (прим. перев.)

19

Джеймс Брэнч Кейбелл (James Branch Cabell, 1879 - 1958) - американский писатель, наиболее известен как автор цикла произведений «Сказания о Мануэле» (прим. перев.)

20

Чарльз Хой Форт (Charles Hoy Fort, 1874 - 1932) - американский исследователь «непознанного», составитель справочников по сенсациям, публицист, предтеча современного уфологического движения (прим. перев.)

21

Наргиль - курительный прибор, сходный с кальяном; с длинным рукавом вместо трубки.

22

Лизол - дезинфицирующая жидкость с характерным запахом фенола (прим. перев.)

23

Уоллес Фицджеральд Бири (1885 - 1949) - американский актер, лауреат премии «Оскар» (прим. перев.).

24

Малышка Сэнди (наст. имя Александра Ли Хэнвилл, 1938 -), юная киноактриса 30-40-х годов, в своей первой роли снялась в 15-месячном возрасте (прим. перев.).

25

Ja, ja - Да-да (нем.) (прим. перев.)

Nein - нет (нем.) (прим. перев.)

27

Коктейль «Куба Либре» (свободная Куба) впервые приготовили в одном из баров Гаваны в 1900 году (прим. перев.)

28

Доменик Энтони "Двухтонный” Тони Галенто - знаменитый боксер (прим. перев.)